

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева
Н. С. Иванова, А. С. Андреева

Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция

Монография подготовлена при поддержке гранта
Российского научного фонда (проект РНФ
№ 18-78-10086) «Анализ механизмов
формирования этномиграционных анклавов
в российских городах»

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2021

УДК 314.7
ББК 60.7
В18

Рецензенты

В. И. Дятлов, д-р исторических наук,
К. А. Пузанов, канд. географических наук

В18

Варшавер, Е.А., Рочева, А.Л., Иванова, Н.С., Андреева, А.С.

Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 226 с. — ISBN 978-5-85006-321-4

УДК 314.7
ББК 60.7

ISBN 978-5-85006-321-4

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021

Содержание

Введение	5
Глава 1. Исследования расселения, резидентной концентрации и интеграции мигрантов в мире и России . . .	12
Глава 2. Характеристики расселения мигрантов в глобальных городах и их детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении.	26
Глава 3. Характеристики проживания мигрантов в Москве и Московской области: классификации.	79
Глава 4. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах и детерминанты их складывания . . .	100
Глава 5. Котельники как место резидентной концентрации мигрантов	123
Глава 6. Когда и почему мигранты покупают жилье в России и как это связано с их интеграцией?.	151
Заключение.	174
Список литературы	184
Приложения	211

Введение

Где селятся мигранты в российских городах? Можно ли говорить о складывании мест их резидентной концентрации — в данный момент или в будущем? И как связаны расселение и интеграция? Долгое время научные работы, которые бы отвечали хотя бы на один из этих вопросов, можно было пересчитать по пальцам одной руки, и большинство этих работ были написаны на московском материале. Указывая на относительную — пусть и небольшую — концентрацию мигрантов в тех или иных районах столицы, однозначного ответа на вопрос о складывании мигрантских районов они не давали. Рост трудовой миграции середины 2000-х, помноженный на широко обсуждавшиеся в России погромы в пригородах французских городов, — все это заставило общество обратиться к «проблеме мигрантов», и вот уже в российских мегаполисах журналисты стали с регулярностью обнаруживать «этнические», «мусульманские», «мигрантские» и прочие подобные районы (Разуваев, 2019), а в них — размещать различные общественные пороки: преступность, антисанитарию

и проч. Реальность за такого рода «находками» зачастую оказывалась далеко не так ужасна (Рогоза, 2013).

Начиная примерно с середины 2010-х стали появляться российские исследования, посвященные тем или иным аспектам расселения мигрантов, и частью в этих работах, частью в сопутствующем экспертном дискурсе постепенно сформировались две альтернативные позиции по вопросу складывания мигрантских районов. Согласно первой, такие районы не складываются, согласно второй — наоборот, складываются. Зачастую, впрочем, эмпирический материал, на котором эти выводы делались, не был достаточен для ответа на поставленный вопрос; более того, речь в этих, на первый взгляд, противоречащих друг другу работах, скорее всего, шла о разном, а в качестве «референтных» явлений — с которыми эксплицитно или опосредованно сравнивалась российская эмпирика, — выступали скорее мифические представления о том, что происходит за рубежом, не основанные на соответствующем компаративном анализе. Такому анализу, впрочем, не способствовало состояние российской статистики — весьма ненадежной в качестве эмпирики для изучения мигрантов и их расселения.

В ответ на такое положение вещей был запущен проект Группы исследований миграции и этничности, существующей в рамках Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС. Цель проекта состояла в том, чтобы существенным образом продвинуться в понимании того, как расселяются мигранты в российских городах. Достижению такой цели должна была послужить комплексная внутренняя структура проекта, состоявшего из разнообразия подпроектов, результаты которых сопрягались между собой и по результатам этого своеобразного метаанализа — и складывались общие понимания характеристик расселения мигрантов в России и возникновения мест их резидентной концентрации. На первом этапе в основном фокусе исследования были зарубежные случаи, изучение которых послужило контекстом для российского случая. Эти случаи изучались как кабинетно (анализ статистики и литературы), так и в поле: были

организованы исследовательские поездки в Австралию, Канаду, Сингапур, ОАЭ, Швецию, Францию и Великобританию. В ходе этих поездок проводились многочисленные интервью с экспертами и простыми горожанами разного происхождения и миграционной истории, наблюдения в «мигрантских» и «немигрантских» районах, анализ литературы, доступной только в районных библиотеках, и многое другое. По результатам каждой поездки создавалось описание страны на предмет характеристик расселения мигрантов. Самым, однако, важным результатом этих поездок стало формирование у участников Группы своего рода «насмотренности» — общего понимания того, как расселяются мигранты в разных странах и городах. Этот очень особый ракурс затем сильно помог в анализе разнообразия российских случаев.

Исследование в России включало в себя качественную и количественную части. Пилотная работа с использованием качественных методов началась, как только стартовал проект. Ее цель состояла в том, чтобы в первом приближении изучить разнообразие характеристик проживания мигрантов в Москве и Московской области, а также типов мест резидентной концентрации мигрантов. На основании этой работы начала складываться методология изучения случаев¹. Основной же этап качественной полевой работы в России пришелся на более позднее время, и в фокус этой работы попали все российские города с населением больше миллиона человек. Смысл этой работы, осуществленной в рамках методологии изучения множественных случаев, состоял в том, чтобы ответить на вопросы, складываются ли места резидентной концентрации мигрантов в этих городах, можно ли говорить о едином для всех городов паттерне складывания мест резидентной концентрации и какие факторы «ответственны» за то, сложится или не сложится место резидентной концентрации мигрантов в конкретном городе.

¹ Строго говоря, зарубежные и российские случаи изучались на основании, в целом, одной и той же методологии, основа которой была разработана в ходе этого пилота и которая затем дорабатывалась в ходе первых зарубежных и российских полевых исследований.

Параллельно этой работе готовилось количественное исследование характеристик расселения мигрантов в связи с их интеграцией. Это исследование представляло собой шести-язычный опрос мигрантов из разных стран и немигрантов, проведенный методом таргетинга в социальных сетях. Этот метод с 2016 года используется в разнообразных проектах Группы, однако в этом исследовании особенностью опроса было то, что в его рамках осуществлялся так называемый гиперлокальный таргетинг, позволяющий опрашивать жителей конкретных районов. В результате в ходе подготовки к опросу было проведено два пилотных исследования: одно было в большей степени посвящено тестированию и доработке анкеты, второе — изучению возможностей такого таргетинга. Затем был собран сам массив данных, включавший резидентные и интеграционные переменные, а также квотированный таким образом, что в нем были представлены мигранты и немигранты, а также люди, проживающие в местах резидентной концентрации мигрантов и вне их. Сбор данных проводился в два этапа, и объем массива позволил совершать подсчеты на по-разному устроенных подмассивах: в частности, можно было противопоставлять мигрантов немигрантам, изучать характеристики мигрантов разных поколений, сравнивать между собой мигрантов, живущих в местах резидентной концентрации и за их пределами, а также отдельно мигрантов и немигрантов, живущих в местах резидентной концентрации.

На основании всего этого публиковались статьи, и эта монография, в общем, представляет собой сборник этих статей, существенно, впрочем, переработанных и переструктурированных с учетом выводов, к которым мы пришли по результатам всей работы, а также требований, предъявляемых книжным форматом. В результате в каждой главе — за исключением первой, где описывается теоретический контекст проекта в целом, — представлены результаты одного из описанных выше подпроектов. Вместе с тем далеко не все результаты и тексты, написанные по результатам проекта, вошли в монографию. Из опубликованных статей не были

отобраны те, которые описывали промежуточные результаты, а также те, которые композиционно не ложились в выстраиваемый в монографии нарратив. Кроме того, в ходе проекта создавалось множество текстов-полуфабрикатов — важных для продвижения в анализе, но не предназначенных для внешних глаз, — и они, по понятным причинам, также не стали частью книги. Важно, кроме того, сказать, что данных в ходе проекта было собрано внушительное количество, и, несмотря на то что очень многое уже удалось понять и опубликовать, другую часть аналитической работы пока только планируется осуществить, что в целом естественно для такого рода масштабных проектов.

В результате монография организована следующим образом. В первой главе изложены основные подходы к изучению расселения мигрантов и мест их резидентной концентрации, описаны существующие в международной литературе представления о связи расселения и концентрации мигрантов с их интеграцией, а также отдельно рассказано о положении вещей в российских исследованиях этой проблематики, от которого мы отталкивались, когда запускали проект. Во второй главе представлено сравнение характеристик расселения мигрантов и мест их резидентной концентрации в четырех глобальных городах: Сиднее, Сингапуре, Париже и Москве. Это сравнение было сделано на основании изучения страновых случаев. Третья глава — это классификация резидентных характеристик мигрантов в Москве и Московской области, основная ценность которой состоит в том, что каждый тип проиллюстрирован разнообразием индивидуальных случаев, и на основании этой эмпирики становится существенно проще понимать, о чем именно идет речь, когда говорится о том, как живут мигранты. Четвертая глава — это описание российского паттерна складывания мест резидентной концентрации, созданное по результатам масштабных исследований в пятнадцати городах России, а также теоретическая модель, объясняющая, почему иногда такие места складываются, а иногда нет. В этой главе приводится пример такого места — ростовский район Темерник, — од-

нако гораздо более подробное описание места резидентной концентрации приводится в пятой главе, которая полностью посвящена городу Котельники Московской области и тому, как и почему он стал таким местом. Шестая глава написана по результатам количественного исследования и посвящена покупке мигрантами жилья. В этой главе мы отвечаем на вопрос, когда и почему эта покупка осуществляется и как это связано с интеграцией мигрантов. В заключении приводятся основные выводы по результатам проекта в целом, в которых говорится о российской специфике расселения мигрантов и складывания мест их резидентной концентрации на международном фоне.

Определений миграции и мигрантов в литературе существует множество, поэтому важно было дать такое определение применительно к этому проекту. В этой книге под мигрантами понимаются люди, которые родились вне принимающей страны, а также их дети, так называемые мигранты второго поколения. Более того, концентрировались мы не на всех мигрантах, а на так называемых этнических мигрантах — тех, кого в принимающем обществе обычно считают культурными чужаками. В России в результате нас прежде всего интересовали нерусские мигранты из Закавказья и Средней Азии. Одним из центральных концептов проекта, кроме того, является место резидентной концентрации мигрантов. Не ориентируясь на точные цифры по причинам, о которых будет подробно сказано в соответствующей главе, в качестве мест резидентной концентрации мы рассматривали такие административные, вернакулярные или иным образом выделенные пространственные единицы, в которых доля мигрантов разного происхождения выше, чем в других сопоставимых единицах в городе.

Этот проект был бы невозможен без финансирования Российского научного фонда, создавшего условия для существенного научного продвижения. Мы также благодарим всех тех, кто на разных этапах и в разных качествах помогал нам в осуществлении полевой части проекта: Б. Абророва, А. Авдашкина, В. Азарову, Х. Ак-Йоля, А. Ахмедову, Н. Бен-

сгьер, Я. Богуславскую, А. Бойко, М. Братолюбову, Е. Бурденкова, М. Вандышева, Е. Власову, М. Вятчину, Г. Габдрахманову, Т. Егорову, М. Ермакову, Е. Ерохину, К. Йинчжоу, Б. Йо, М. Кандински, Е. Карчагина, Р. Кашапова, В. Козлова, Н. Кононца, Ю. Кузьминых, Д. Лебедева, М. Мурадову, Р. Мурди, Т. Пенга, Д. Ромодина, И. Терехову, И. Токмань, Е. Федорова, И. Федорова, А. Федорову, Дж. Форреста, Х. Форсея, Д. Хиберта, Д. Холявченко, Ю. Чеботарева, Б.Х. Чуа, К. Шепетину, Б. Юсупова, А. Яковлева, А. Якубовица, а также Институт территориального планирования «Урбаника». Для успешной реализации проекта, кроме того, крайне важно было доброжелательное внимание коллег, которые самоотверженно читали наши тексты на разных этапах их подготовки и участвовали в их обсуждении: С. Абашина, Д. Александрова, В. Барановой, О. Вендиной, Н. Волковой, Г. Дагаева, Р. Дохова, А. Земцова, А. Космарского, Н. Космарской, В. Костенко, А. Новикова, Г. Ревзина, Д. Рогозина, Е. Рождественской, О. Хухлаева и Н. Шиловой. Помимо этого, мы бесконечно благодарны нашим информантам и респондентам, без которых уж совершенно точно ничего не получилось бы. Все же ошибки, неточности, некорректности и просто глупости — остаются на совести авторов.

Приятного чтения!

Глава 1

Исследования расселения, резидентной концентрации и интеграции мигрантов в мире и России

В этой главе описывается теоретический контекст нашего проекта. На основании анализа литературы, посвященной расселению мигрантов, мы выделяем основные подходы к изучению этой темы, останавливаемся на факторах, которые приводятся в опубликованных работах в качестве объясняющих резидентную концентрацию мигрантов, характеризуем связь между резидентной концентрацией и интеграцией, а также описываем состояние российских исследований на тему расселения мигрантов.

Подходы к изучению расселения мигрантов и мест их резидентной концентрации

Обобщая, можно выделить два основных подхода к исследованию расселения мигрантов и мест их резидентной концентрации. Первый подход предполагает изучение множества пространственных единиц в рамках города, региона или страны и выделение тех из них, которые обладают разными характеристиками — например, с разным присутствием мигрантов, — для чего рассчитывают на основании статистических данных специальные индексы сегрегации. В рамках

второго подхода исследователи изучают отдельные места резидентной концентрации мигрантов или конкретные явления и процессы, происходящие в них, с помощью качественных и количественных методов.

Первый подход восходит к традиции Чикагской школы, где пространственные отношения рассматривались в качестве выражения отношений социальных, а расселение мигрантов, описываемое с помощью таких концепций, как концентрические зоны (Park, Burgess, 2019) и этническая сукцессия (Cressey, 1938), было тесно связано с позицией той или иной группы мигрантов в «цикле расовых отношений» (Park, Burgess, 1921: 509–784). Группа мигрантов, прибывая в город, вступает в конкуренцию с прочими группами, что приводит к конфликтам, по итогам которых определяется положение этой группы среди остальных, но постепенно различия между этой группой и прибывшими раньше группами стираются, происходит «ассимиляция», а в город приезжают новые группы мигрантов, вступающие на первую стадию этого цикла. Разворачивание этого процесса можно проследить и в пространстве города: сначала мигранты селятся в зонах, прилегающих к центру, где также располагаются фабрики и прочие предприятия, нанимающие мигрантов, а дома находятся в запущенном состоянии, вследствие чего цены на жилье самые низкие в городе. Затем же, по мере накопления ресурсов, мигранты перемещаются в зоны «домов рабочего класса» и дальше, на окраины, где жилье еще лучше. Их место в худших районах занимает следующая прибывающая в город группа мигрантов. Такое теоретическое описание хорошо подходило для реалий Чикаго и некоторых других американских городов рубежа XIX–XX веков, но не подходило для целого ряда других случаев — расположенных в ином пространстве или временном периоде, — и позднее дополнялось и изменялось другими исследователями (Berry, Rees, 1969; Massey, 1985; Singer et al., 2008).

Предложенный чикагцами взгляд на город, предполагающий дифференциацию его частей исходя из важных для конкретного исследования характеристик, стал активно ис-

пользоваться последующими поколениями исследователей, которые на основании статистических данных выделяли и сравнивали между собой разные пространственные единицы (Shevky, Bell, 1955; Berry, 1971), полагаясь на представление о том, что эти единицы гомогенны внутри себя и гетерогенны в сопоставлении друг с другом (Lebowitz, 1977). Применительно к изучению расселения мигрантов этот подход подразумевает анализ переписей населения с помощью специально разработанных индексов сегрегации, т.е. математических показателей расселения тех или иных групп в городе. Индексы сегрегации, впервые предложенные после войны (Jahn et al., 1947), почти сразу же стали объектом критики и дальнейшей детализации (Cowgill, Cowgill, 1951; Duncan, Duncan, 1955), и за тридцать лет накопилось множество сегрегационных индексов, в 1988 году редуцированных Мэсси и Дентон к пяти основным измерениям (Massey, Denton, 1988). Созданные с использованием индексов сегрегации работы описывали отдельные случаи (Zhou, Logan, 1991; Jones et al., 2015) или сравнивали случаи между собой (Johnston et al., 2007): например, австралийские географы на количественных данных классифицировали все резидентные единицы Сиднея и показали, что места резидентной концентрации, где доля мигрантов была бы выше 50%, сравнительно редки (Poulsen et al., 2004), а исследование расселения мигрантов в трех крупнейших канадских городах с 1970-х по начало 2000-х годов показало, что за этот период в Торонто и Ванкувере районы с высокой концентрацией мигрантов переместились из центра в пригороды, в то время как в Монреале мигранты по-прежнему преимущественно селились в центральной части города (Murdie, 2008). Такого рода исследования, однако, до определенного момента (Maloutas, Fujita, 2016) за некоторыми исключениями (Clark, 1988) носили дескриптивный характер, не ставя задачу объяснить различия в значении показателей. Слабое место работ, созданных в рамках этого подхода, связано с тем, что они ориентируются исключительно на данные переписей и прочей государственной статистики, а значит в случаях,

когда существенная часть миграции — временная или «незаконная», а также в ситуациях, когда государство стремится своих мигрантов «не замечать», описательная мощность этого подхода снижается.

Если в рамках первого подхода исследователи, как правило, рассматривают совокупность пространственных единиц, которые варьируются в части концентрации мигрантов, то в рамках второго — фокусируются на одной пространственной единице, реже на нескольких, отличающихся высокой долей мигрантов среди жителей, и пользуются разнообразными социологическими методами, качественными и количественными. При этом пространственная единица может находиться в исследовательском фокусе или же служить скорее контекстом для изучения социальных процессов и явлений, которые там происходят. Примером исследований, выполненных с фокусировкой на местах резидентной концентрации мигрантов, являются работы, посвященные «этнобурбам», новому типу «мигрантского района», обнаруженному исследователями в 1990-е годы в США и Канаде (Wei, 1998a; 1998b; Zhou et al., 2008). Основываясь на результатах исследования одной резидентной единицы — богатого и преимущественно китайского пригорода Лос-Анджелеса Сан-Габриель-Вэлли, — исследователи предположили, что помимо «чикагской» модели расселения мигрантов, согласно которой они сначала селятся в центральных, дешевых районах города, а затем переезжают в пригороды, где этническая концентрация снижается, появляется новая модель — когда мигранты, отличающиеся высоким социально-экономическим статусом, сразу селятся в пригородах, где население смешанное, но преобладают представители одной этнической категории.

Таких работ, однако, меньше, чем работ другого плана, где места резидентной концентрации мигрантов становятся контекстом для изучения социальных явлений и процессов, которые, как считается, проявляются там ярче всего (Alam, Husband, 2006; Phillips et al., 2008). В исследовании Маленького Сайгона, вьетнамского района в Вестминстере, Калифор-

ния (Mazumdar et al., 2000), а также в исследовании смешанного парижского района Гут д'Ор (Kaplan, Recoquillon, 2014) обсуждается связь между идентичностью, ощущением принадлежности и пространством; этнически разнообразный район Джейн энд Финч, расположенный в центре Торонто, служит контекстом для изучения социальной сплоченности (Ahmadi, 2018), а также социального исключения и способов его преодоления (Zaami, 2015). Исследователи вьетнамского района Кабраматта в Сиднее на основании прежде всего серии интервью, дополненных анализом статистических данных, утверждают, что, вопреки распространенному мнению, места резидентной концентрации мигрантов — это не всегда плохо, поскольку именно в них мигранты могут получить формальную и неформальную поддержку, особенно необходимую в первое время после прибытия в страну (Dunn, 1993). Другие же исследования демонстрируют, что проживание в «этнических» районах может быть связано с более низким уровнем знания языка принимающей страны (Lazear, 1999; Chiswick, Miller, 2005), худшей успеваемостью детей в школах (Grönqvist 2006; Danzer et al., 2018), а также с более высоким уровнем дискриминации (Douzet, Robine, 2015) и религиозной радикализацией (Hüttermann, 2018).

Существенно различаясь между собой, эти подходы, однако, похожи в том отношении, что в их рамках — за редким исключением (Massey, 1985; Wei, 1998) — почти не проводится исследований, объясняющих, почему иногда места резидентной концентрации складываются, а иногда нет. В рамках создания такого объяснения, впрочем, можно обратиться к гораздо более разработанной традиции изучения факторов, объясняющих те или иные конструкции расселения мигрантов в целом.

Факторы, объясняющие характеристики расселения мигрантов

Факторы, объясняющие расселение мигрантов в разных контекстах, можно разделить на две группы. Во-первых,

согласно институциональной традиции в урбанистических исследованиях, расселение мигрантов объясняется через пространственное неравенство и государственную жилищную политику (Atkinson, Kintrea, 2000; Briggs, 2003; Musterd, Andersson, 2005; Maloutas, Fujita, 2016). В этих исследованиях было продемонстрировано, что, во-первых, сегрегация мигрантов в городах объясняется участием государства в рынке недвижимости, во-вторых, «социалистические» режимы распределения жилья характеризуются меньшей жилищной сегрегацией, нежели «либеральные» режимы (Arbaci, 2007), в-третьих, важно расположение социального жилья и, соответственно, на первый план выходят факторы, ответственные за это расположение, в том числе история пространственного неравенства и различного рода усилия по ее смягчению (Skifter Andersen et al., 2016). Показательна в этом смысле работа, авторы которой пытаются объяснить различия в расселении марокканских и турецких мигрантов в Брюсселе, где их концентрация доходит в отдельных районах до 45%, и Амстердаме, где соответствующий показатель не превышает 25% (Kesteloot, Cortie, 1998). В Бельгии после Второй мировой войны правящая Христианская партия поощряла собственность на жилье в формате «одна нуклеарная семья — один дом», и ресурсы направлялись на то, чтобы обеспечить возможность частного строительства и рост пригородов. Социального жилья в Брюсселе строилось мало, и мигранты в итоге селились в доступное им дешевое арендное жилье — старый жилой фонд, построенный в основном в XIX веке, расположенный в центральной и западной частях города и находящийся в частной собственности. При этом роль государства в распределении жилья в Брюсселе и Бельгии в целом очень незначительная, даже в том, что касается социального жилья, где решения принимают в основном компании, которые этим жильем распоряжаются. В Амстердаме, напротив, ресурсы после Второй мировой войны направлялись на реновацию старых центральных районов, земли в пригородах старались не застраивать, а оставлять под сельское хозяйство, а государство играет важную роль

в регулировании рынка жилья как через непосредственное распределение этого жилья, так и через установление правил его распределения и через выплату субсидий. Следствием этого стало складывание более эгалитарной городской среды и в результате меньшая, чем в Брюсселе, концентрация мигрантов в отдельных районах. Важно отметить, что эта — институциональная — традиция объяснения расселения мигрантов в последние годы вышла за пределы указанных объяснительных моделей, включив в объяснение разнообразие прочих факторов — в т. ч. социально-экономическое неравенство, позицию города в глобальном распределении ресурсов и др. (Musterd et al., 2017). Создание общей объяснительной модели расселения мигрантов в этой традиции столкнулось, однако, с тем, что во многих случаях решающими для расселения мигрантов являются узкоконтекстуальные факторы и урбанистическая история (Tammara et al., 2015).

Второй блок факторов, с помощью которых исследователи стремятся объяснить расселение мигрантов, включает в себя резидентный выбор или резидентные предпочтения, а также ресурсы, которыми обладают индивиды или домохозяйства. Вслед за Томасом Шеллингом, который в 1970-х годах с помощью математического моделирования показал, что индивидуальные предпочтения могут приводить к сегрегации (Schelling, 1971), исследователи изучают, насколько места резидентной концентрации могут возникать из-за предпочтений мигрантов и немигрантов жить рядом с представителями тех или иных мигрантских или немигрантских групп, однако к какому-либо однозначному ответу они не пришли. Существуют работы, которые фиксируют установки на проживание рядом «со своими» (Clark, 1992; Raden, 2003) и стремление избежать соседства с представителями других этнических категорий (Varady, 1979: 84–101; Krysan, 2002) — как среди мигрантов, так и среди немигрантов. К этнической концентрации могут приводить и установки, связанные с желанием жить рядом с родственниками и друзьями, которые тем не менее оказываются принадлежащими к той же этнической категории (Kim, 1986; Skovgaard

Nielsen, 2017). Возможность реализовать свои резидентные предпочтения связана с наличием ресурсов: согласно модели пространственной стратификации (place stratification model), представители более ресурсной группы способны переезжать таким образом, чтобы обеспечивать желаемую ими дистанцию от представителей «нежелательных» групп (Charles, 2003). Как правило, более ресурсной группой являются представители «этнического большинства», и, стремясь реализовать свои резидентные предпочтения, они могут либо избегать «мигрантских» районов (это явление получило название white avoidance или ethnic avoidance) (Müller et al., 2018), или переезжать из района в случае появления там соседей-«чужаков» (это явление носит название white flight или ethnic flight) (Andersen, 2017). В рамках этой логики, таким образом, мигранты селятся в «мигрантских» районах, поскольку реже, чем немигранты, обладают достаточными ресурсами, чтобы поселиться в каких-то других районах. Это, однако, не всегда так (Fong, Chan, 2010).

Несколько иную связь между предпочтениями и ресурсами предполагает модель пространственной ассимиляции (spatial assimilation model), согласно которой мигранты по мере улучшения социально-экономических позиций переселяются из худших районов в лучшие, и это совпадает с движением из районов с преобладанием их соотечественников в районы «этнического большинства» (Massey, 1985). Впрочем, эта модель ставится под вопрос, например, наличием «этнобурбов», где преобладают мигранты с высокими социально-экономическими позициями.

В целом, связь между предпочтениями и реальным резидентным поведением опосредуется множеством других факторов, и ее проблематичность продемонстрирована, например, в исследовании с экспериментальным дизайном в Швейцарии, которое показало, что, несмотря на распространенность предпочтений жить рядом с представителями «своей» этнической категории, готовность доплатить за проживание в соответствующем районе оказалась очень низкой (Ibraimovic, Masiero, 2014).

Отдельный кластер работ, кроме того, объясняет расселение мигрантов через имеющиеся у них ресурсы вне связи с предпочтениями (van Kempen, Özüekren, 1998; Kadarik, 2020): например, объясняя дисперсное расселение мигрантов индийского происхождения в США и концентрированное — в Великобритании, исследователи предполагают, что это может быть связано с более высоким социально-экономическим положением этой группы в первом случае и более низким — во втором (Bhardwaj, Rao, 1990).

Связь между резидентной концентрацией мигрантов и их интеграцией

Тема расселения мигрантов привлекает такое большое внимание исследователей в том числе потому, что места концентрации мигрантов — и в академическом, и в публичном дискурсе — подозревают в препятствовании интеграции живущих там мигрантов. Изучению этой связи посвящено существенное число работ, которые фокусируются на разных аспектах интеграции¹.

Больше всего работ посвящено структурному аспекту интеграции, который касается позиции мигрантов на рынке труда и уровня образования. В целом, в литературе выделяется три гипотезы (Edin et al., 2003): согласно первой, проживание мигрантов в местах резидентной концентрации препятствует приобретению важных для успешности на рынке труда принимающего общества навыков, таких как язык страны, а значит, негативным образом сказывается на возможности трудоустройства и доходе. Согласно второй, в таких районах эффективно работают социальные сети, в которых циркулирует информация о вакансиях, что способствует трудоустройству. Согласно третьей, в силу дискриминации на рынке жилья, мигранты вынуждены селиться в «ми-

¹ Как и в других работах (Варшавер, Рочева, 2016), мы ориентируемся на т. н. немецкую традицию изучения интеграции, в которой выделяются структурный, социальный, культурный и идентификационный аспекты (Esser, 2001; Heckmann, Schnapper, 2003).

грантских» районах, которые расположены далеко от мест работы — и таким образом с меньшей вероятностью смогут на них устроиться. Эти гипотезы проверялись в разных страновых контекстах, и особенно интересный случай представляют собой скандинавские страны, которые в 1980–1990-х годах проводили эксперименты, в рамках которых беженцы размещались в разных частях страны, что, как предполагалось, позволит избежать роста мест резидентной концентрации. Согласно исследованию, проведенному в Дании (Damm, 2009), проживание в месте резидентной концентрации благоприятствовало трудоустройству низкоквалифицированных мигрантов, тогда как для высококвалифицированных такого эффекта не наблюдалось, а также было связано с более высоким доходом жителей «мигрантских» районов в сравнении с жителями прочих районов. Исследование, проведенное в Швеции (Edin et al., 2003), показало, что распределение мигрантов по «анклавам» носит неслучайный характер: там чаще оказываются мигранты с неблагоприятными для экономической успешности характеристиками. Если принять это во внимание, то проживание в анклав приводит к более высокому доходу среди низкоквалифицированных мигрантов. При этом важным оказывается «качество» анклава: если там выше средний доход или доля самозанятых, то это оказывает благоприятное воздействие на проживающих там мигрантов. Важность характеристик района для социально-экономической траектории мигрантов была показана и в исследовании в Великобритании (Khattab et al., 2010), где негативное воздействие проживания в «этническом» районе на позиции бангладешских мигрантов авторы объясняют тем, что такие районы в контексте этой страны уступают по своей коммерческой активности «этническим анклавам», описанным в контексте США (Portes, Jensen, 1989). Таким образом, связь между проживанием в районе с высокой концентрацией мигрантов и успешностью на рынке труда опосредуется как особенностями района, так и характеристиками самих мигрантов. Аналогичная нелинейная связь фиксируется между проживанием в месте резидентной кон-

центрации и успехом детей мигрантов в системе образования. С одной стороны, есть работы, в которых показано негативное воздействие такого проживания на показатели детей мигрантов в школах (Grönqvist, 2006), что опосредуется слабым владением языком принимающей страны (Danzer et al., 2018). С другой стороны, проживание среди представителей той же этнической категории для семей мигрантов может, наоборот, приводить к более серьезным школьным успехам мигрантов второго поколения (Portes, Zhou, 1993).

Чуть проще устроена связь между резидентной концентрацией мигрантов и их социальной интеграцией, то есть кругами общения. Значительная часть исследований показывают, что проживание мигрантов в этнических районах связано с меньшим числом их контактов с местными жителями (Laan Bouma-Doff, 2007; Vervoort et al., 2010; Danzer, Yaman, 2013), при этом отдельные авторы подчеркивают, что влияние расселения не слишком значительное (Farwick, 2011), а в ряде случаев может опосредоваться другими факторами — например, уровнем образования (Schlueter, 2012). В целом, соседство — лишь один из контекстов, в которых формируются социальные связи (Blokland, van Eijk, 2010; Boschman, 2012), наряду с работой, сообществами по интересам, интернет-пространством и т. д. (Zelinsky, Lee, 1998), поэтому можно действительно предположить, что связь между проживанием в месте резидентной концентрации и долей мигрантов или представителей той же этнической категории в кругах общения есть, но ее сила, в свою очередь, зависит от того, какую роль соседские связи играют в жизни мигрантов.

Наиболее однозначной, пожалуй, можно считать связь между резидентной концентрацией и уровнем владения языком принимающего общества, одним из индикаторов культурной интеграции. Большинство исследований свидетельствуют о том, что резидентная концентрация мигрантов замедляет освоение языка принимающего общества (Chiswick, Miller, 2001; Danzer, Yaman, 2016; Danzer et al., 2018), чему предлагается несколько объяснений (van Tubergen, Kalmijn, 2009; Vervoort, 2012): проживание в районе со значитель-

ным присутствием мигрантов означает возможность удовлетворить свои потребности внутри этого района на родном языке и меньшее число контактов с «местными», а значит, меньшее количество языковой практики, а кроме того, в таком районе может действовать групповое давление, стимулирующее использование прежде всего родного языка. Тем не менее связь между языком и резидентной концентрацией, согласно некоторым исследованиям, опосредуется иными факторами, такими как уровень образования родителей (Dustmann, 1997), а согласно другим исследованиям, вовсе оказывается незначимой (Drever, 2004). В том, что касается прочих индикаторов культурной интеграции — восприятия норм, ценностей и моделей поведения, — ситуация менее однозначная. В одних случаях соседство с другими мигрантами может оказаться значимым фактором (Wang, Coulter, 2019), в других — только для некоторых групп мигрантов (Zuccotti, 2018), в третьих — вовсе незначимо (Drever, 2004).

Связь между резидентной концентрацией и четвертым — идентификационным — аспектом интеграции, который относится к ощущению связи с той или иной страновой, культурной или этнической категорией, остается пока малоизученной, и результаты соответствующих исследований разнонаправленные. Проживание в местах резидентной концентрации, согласно одним исследованиям, способствует идентификации со страной происхождения (Vo-Jutabha et al., 2009), согласно другим — оказывается значимым только при очень высокой доле соотечественников в районе (Zimmermann et al., 2013), а кроме того, есть исследования, которые демонстрируют отсутствие такой связи (Drever, 2004; Miller et al., 2009). Аналогично, противоречивые результаты можно обнаружить в исследованиях, в которых изучается связь между проживанием в месте резидентной концентрации и локальной идентичностью (Mazumdar et al., 2000; Wang, Ramsden, 2018).

В целом, при всей озабоченности, которая высказывается в отношении мест резидентной концентрации применительно к интеграции мигрантов, дать однозначный ответ на во-

прос об этой связи затруднительно и можно с относительной уверенностью утверждать лишь одно: по всей видимости, эта связь действительно есть, однако в разных контекстах и в отношении разных аспектов интеграции эта связь организована разным образом.

Российские исследования расселения, концентрации и интеграции мигрантов

Обилие международных исследований расселения мигрантов контрастирует с состоянием дел в российском контексте. Скромное число российских исследований не в последнюю очередь объясняется отсутствием надежной статистики с достаточно мелкими единицами анализа, на основании которой можно было бы описывать расселение мигрантов.

Немногие работы, основанные на количественных данных, посвящены преимущественно Москве, и среди них выделяются публикации О. Вендиной, которая на основании разнообразных данных (данные ЗАГСов о рождениях и смертях по Москве, переписей населения, МВД, Федеральной службы статистики, опросов и т. д.), анализирует особенности распределения представителей разных этнических категорий, а также мигрантов по пространству Москвы (Вендина, 2004; Вендина и др., 2019). Автор отмечает неравномерность этого распределения (иностранцы мигранты чаще живут в более дешевых периферийных районах), однако подчеркивает, что неравномерность эта небольшая, в связи с чем делает вывод об отсутствии в Москве «этнических кварталов» (Вендина, 2009: 90). Такого же мнения придерживается Е. Деминцева (Demintseva, 2017), которая, базируясь на результатах анализа качественных интервью в нескольких районах Москвы, объясняет такое положение вещей эгалитарностью московского резидентного пространства, ставшей воплощением коммунистической идеологии, а также особенностями трудоустройства мигрантов. Вопрос о расселении разных групп мигрантов в городе и о том, как это связано с ценами на жилье, ставят И. Кашницкий и М. Гунько и пытаются ответить

на него на основании анализа данных Росстата о внутренних и внешних мигрантах 2012 года в Москве, а также данных РБК и сайта cian.ru о ценах на продажу и аренду недвижимости в столице (Kashnitsky, Gunko, 2016). Они приходят к выводу, что стоимость жилья действительно важна для расселения внутренних и внешних мигрантов, но также отмечают, что округа и районы Москвы в части расселения мигрантов гораздо сильнее различаются внутри себя, чем отличаются друг от друга.

В работах, посвященных расселению мигрантов в других городах России, исследователи обращают внимание прежде всего на то, что крупные рынки, где занято большое число мигрантов, способствуют трансформации окружающей жилой застройки, аккуратно отмечая, что это может касаться и состава жителей — такие работы написаны об Иркутске (Этнические рынки..., 2015), Новосибирске (Ерохина, 2017), Челябинске (Авдашкин, 2020). Кроме того, в Екатеринбурге исследователи составили рейтинг привлекательности разных районов города для мигрантов на основании экспертного опроса, что, однако, не позволяет сделать каких-либо заключений о фактическом расселении мигрантов по городу (Комплексная оценка..., 2015; Бедрина, 2019).

В свете дефицита работ, которые бы детально описывали паттерны расселения мигрантов в российских городах, публикации, в которых, кроме того, изучалась бы связь между расселением и интеграцией мигрантов, практически отсутствуют и, хотя существуют работы, которые, наоборот, подчеркивают важность иных пространств (помимо мест проживания) для интеграции мигрантов (Demintseva, 2017; Varshaver, Rocheva, 2018), можно говорить о том, что о связи расселения, концентрации и интеграции мигрантов в России неизвестно почти ничего.

Эти и прочие обозначенные в этой главе лакуны послужили отправной точкой для нашего проекта.

Глава 2

Характеристики расселения мигрантов в глобальных городах и их детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении¹

Первая исследовательская задача состояла в том, чтобы в общем виде контекстуализировать российский случай зарубежными. Для этого мы изучили расселение мигрантов в нескольких странах, сфокусировавшись в них на крупнейших городах: Сиднее в Австралии, Париже во Франции и городе-государстве Сингапуре². Расселение мигрантов в этих городах было противопоставлено тому, как мигранты расселяются в Москве. Было решено исследовать т. н. глобальные города, которые привлекают мигрантов в первую очередь (Benton-Short et al., 2005). В не-российские города была организована исследовательская поездка, предполагавшая серию экспертных интервью, скомбинированных с наблюдением и интервьюированием в городском пространстве, в т. ч. в местах резидентной концентрации мигрантов³.

¹ Эта глава написана на основе следующих публикаций: (Варшавер и др. 2019; 2020).

² Впоследствии исследование было продолжено в ОАЭ, Канаде, Швеции и Великобритании, и в заключении книги представлены выводы по результатам анализа, в который были включены все исследованные случаи.

³ Исследования случаев были проведены зимой-весной 2019 года. В Сиднее было проведено 8 экспертных

Параллельно этому осуществлялась кабинетная работа. В результате на основании всего массива данных создавались описания городов. Сходная работа — с упором на полевую часть — осуществлялась в отношении Москвы¹. Коллективный компаративный анализ случаев позволил выделить ведущие факторы в каждом из них и создать теоретическую модель на их основе. Ниже сначала будет представлено описание каждого из случаев, включающее миграционный и урбанистический контекст, а также собственно характеристики расселения мигрантов и объяснение сложившегося положения вещей, затем описана теоретическая модель.

Описания случаев

ПАРИЖ

Историю иммиграции во Франции можно разделить на три периода: до Второй мировой войны, 1950–1990-е и 2000-е — настоящее время. В первый период наиболее крупными группами мигрантов были выходцы из соседних стран: бельгийцы, итальянцы, испанцы, немцы и швейцарцы (Collectif des Luttings, 2004). Этот поток прерывается сначала Великой депрессией, а затем и Второй мировой войной. По окончании Второй мировой войны перед страной встала задача реконструкции экономики в условиях нехватки рабочих рук.

интервью и 40 глубинных и экспресс-интервью, в Сингапуре было проведено 6 экспертных интервью и 20 глубинных и экспресс-интервью, в Париже было проведено 6 экспертных интервью и 36 глубинных и экспресс-интервью.

¹ В Москве и Московской области было осуществлено 15 экспертных интервью и 154 глубинных и экспресс-интервью в 24 локациях: Развилка, Бирюлево Западное, Новоивановское, Долгопрудный, Хлебниково (г. Долгопрудный), поселок Нефтебазы (г. Долгопрудный), поселок Птицефабрики, Рыбхоз-Бисерово, Металлург, Гольяново, Щербинка, Шепчинки (район г. Подольска), Горки Ленинские, Совхоз им. Ленина, Николо-Хованское, Коммунарка, 4–7 мкр. Теплого Стана, Сергиев Посад, Мостовик, Юрцово-Полбино, 1–2 мкр. Егорьевска, Челобитьево, Люблино, Лобня, Котельники.

Для восстановления экономики Франция вновь привлекает рабочую силу из-за рубежа. В этот период доля итальянцев постепенно снижается за счет роста мигрантов из Португалии и стран Северной Африки. В 1970-х нефтяной кризис, к которому затем добавились другие факторы, стал причиной замедления французской экономики и положил начало деиндустриализации: фабрики и заводы в этот период массово закрываются, объемы промышленного производства падают, а доля услуг, напротив, растет. В этих условиях власти принимают решение закрыть границы для иностранных работников и разрешить въезд только беженцам и членам семей тех мигрантов, которые уже живут в стране. В ответ на эти меры растет незаконная иммиграция, которая принимает разные формы (Tribalat, 1997). Военные конфликты, политические кризисы, тяжелое экономическое положение, вызванное, помимо прочего, засухой в регионе Сахель, приводят к всплеску миграции из Африки южнее Сахары. Хотя первые группы мигрантов из этого региона появились во Франции еще после Второй мировой войны, с конца 1960-х по 1990-е годы наблюдается их резкий рост, и новые потоки приезжих включают как бывшие колонии (Сенегал, Мали, Мавритания, страны Гвинейского залива), так и страны, не связанные с Францией колониальным прошлым (Маврикий, Конго, Гана, Кабо-Верде и пр.). Если в 1970–1990-е доля мигрантов во Франции оставалась на уровне 7,5%, то в начале XXI века наблюдается резкий рост миграции: за 15 лет число мигрантов увеличилось с 4,4 млн в 1999 году до 6,2 млн или 9,3% населения в 2015-м. Кроме того, в потоке мигрантов в целом увеличивается доля мигрантов из стран Африки (44,6% в 2015 году), в особенности из Африки южнее Сахары, и продолжает снижаться доля европейских мигрантов, хотя последние все еще составляют вторую крупнейшую совокупность — 35,4% (INSEE France, 2021) от общего числа иммигрантов во Франции.

Париж — столица страны, а также один из основных индустриальных центров. С начала индустриализации этот город был центром притяжения внутренних мигрантов, а также стя-

гивал на себя иностранную миграцию. Уже в 1891 году доля его жителей, не родившихся в Париже, достигала 97%, однако иностранцев среди них было только 10%, и в основном они приезжали из Англии, Италии, Бельгии, Германии и Польши (Fourcaut, 2012b). В начале XX века число иностранных мигрантов в Париже резко растет благодаря беспрецедентному экономическому росту и к 1931 году достигает 450 тыс. Две трети из них — итальянцы; кроме этого, в городе селятся бельгийцы, испанцы, поляки, русские — белые эмигранты и бежавшие от погромов евреи, а также армянские беженцы из бывшей Османской империи. В ходе всех последующих волн Париж остается крупнейшим очагом миграции и даже в период с 1970-х по 1990-е годы, когда число мигрантов стабилизируется в остальной Франции, в парижском регионе оно продолжает расти. В XXI веке мигранты продолжают селиться в Париже — регион Иль-де-Франс удерживает абсолютное первенство по доле иностранных мигрантов и их приросту: помимо того, что это регион с наиболее развитой экономикой, здесь также находятся крупнейшие аэропорты, государственные органы по работе с мигрантами (например офис по делам беженцев), университеты, которые принимают больше всего иностранных студентов во Франции, а также крупные фонды социального жилья (Fourcaut, 2012c). Париж также отличается наиболее широким разнообразием мигрантов разного происхождения: так, если магрибцы и европейцы представлены в других крупных агломерациях, то мигранты из Юго-Восточной Азии и Китая сконцентрированы именно в Париже; большинство мигрантов из Африки южнее Сахары также живут в Париже (Chalard, Lévy, 2016).

Как расселены мигранты в Париже? Можно выделить четкий пространственный паттерн расселения разных мигрантских групп по городу и пригородам (Рисунок 1). Если европейские мигранты расселены по агломерации достаточно равномерно и их можно встретить как в центральных коммунах Парижа, так и в пригородах, расположенных во всех направлениях от центра, азиатские иммигранты в большей степени концентрируются в северо-восточных и юго-вос-

точных пригородах. Еще более выражена концентрация магрибских мигрантов: если всего в агломерации их около 5%, в ряде северных пригородов их доля может достигать 15%, а в центральных коммунах они недопредставлены или практически не живут. В целом же территория, где доля магрибских мигрантов выше, — это полоса пригородов, тянущаяся с северо-запада на северо-восток, а также районы к юго-востоку от Парижа.

Сходная картина характеризует мигрантов из Черной Африки. Они почти не живут в центральной части города, зато значительно (в 5 раз относительно их доли в населении Парижа) перепредставлены на севере, в частности в муниципалитете Сен-Дени. Сен-Дени, кроме того, характеризуется самой высокой долей магрибцев (Vieillard-Baron, 2016). Мигранты, таким образом, концентрируются в некоторых частях Парижа, однако на уровне муниципалитетов и районов говорить о сегрегации не приходится (Préteceille, 2011) — по состоянию на начало 2000-х ни в одном из них, а всего их 420, доля мигрантов и их детей не составляла более 50%. В восьми таких пространственных единицах эта доля колеблется между 38 и 45%, в шестнадцати — между 30 и 37%, а наиболее часто встречающаяся доля мигрантов первого и второго поколения в муниципалитете или районе — от 0 до 7% — таких пространственных единиц 164. Немного иной предстанет ситуация, если спуститься на еще более низкий переписной уровень (TRIRIS): из 1126 мелких пространственных единиц уже в 14 мигранты и их дети составляют более половины населения, а в муниципалитете Клиши-су-Буа (департамент Сена-Сен-Дени) эта доля достигает 70%. Совокупная доля мигрантов, которые живут в этих единицах, составляет не более 5% от их совокупного количества, и можно говорить, что территории высокой концентрации мигрантов есть в Париже, но в них живет лишь небольшая часть мигрантов, большинство же расселено в муниципалитетах, где концентрация невысока; одновременно, однако же, муниципалитеты с более высокой концентрацией мигрантов тяготеют к северным, северо-восточным и юго-восточным частям Парижа.

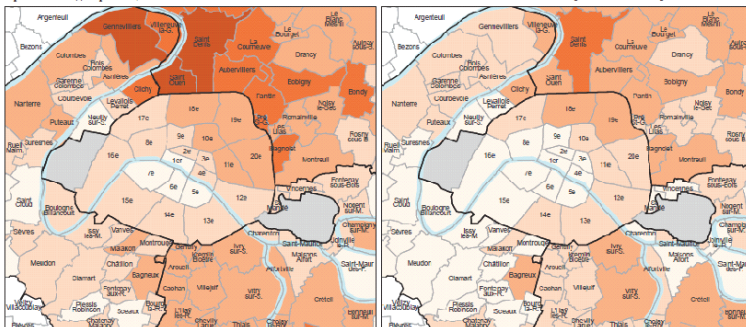
Доля мигрантов по стране происхождения, 2007 г.

Страны Магриба

Ср. знач.: Париж - 3%
Ср. знач.: Иль-де-Франс - 5,1%

Африка за искл. стран Магриба

Ср. знач.: Париж - 3,1%
Ср. знач.: Иль-де-Франс - 3,2%

Доля мигрантов в общей численности населения

- более 15%
- от 10 до 15%
- от 5 до 10%
- от 2,5 до 5%
- менее 2,5%

Источник: Перепись населения (INSEE) - 2007

Страны ЕС-27

Ср. знач.: Париж - 5,2%
Ср. знач.: Иль-де-Франс - 1,1%

Азия и Оксания

Ср. знач.: Париж - 4,3%
Ср. знач.: Иль-де-Франс - 3%

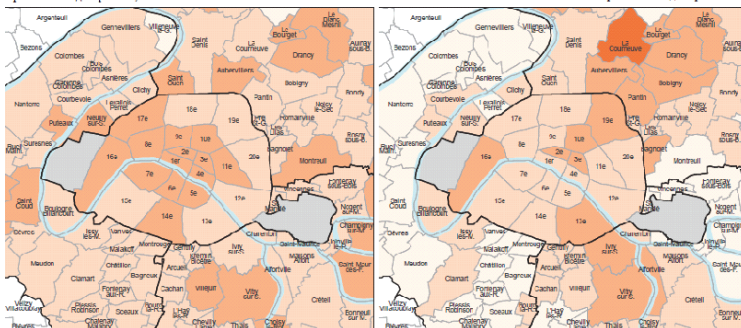

Рис. 1. Доля мигрантов из различных регионов мира по департаментам Парижа (Viellard-Baron, 2016)

Что собой представляют эти районы и в какой степени районы с высокой долей мигрантов являются одновременно бедными? Для Парижа это в значительной степени так — достаточно посмотреть на карту распределения среднегодовых доходов. Северные, северо-восточные и юго-восточные пригороды — это территории, где в среднем зарабатывают не более 20 тысяч евро в год, и эти цифры существенно контрастируют с западным Парижем и западными же его пригородами, где средний заработок в два раза выше (Bidoux, Couleaud, 2017). Аналогичным образом распределяется доля учеников, не получивших аттестат зрелости, — в северных пригородах она может составлять более четверти от всех выпускников, а в восточных в среднем не доходит и до 10% (Couleaud et al., 2016). Характерно и распределение мигрантов разного происхождения и немигрантов в районах, относящихся к т. н. зоне городской политики (ZUS) Парижа, т. е. районам, которым город приоритетно помогает. По данным 2008 года, население таких районов состоит из следующих групп: 46% — местные, 35% — мигранты из Турции, Северной Африки и Африки южнее Сахары и их дети, 15% — мигранты из других стран и их дети, 4% — французы из заморских департаментов. 100 наиболее уязвимых кварталов из числа зон городской политики имеют еще более высокую концентрацию выходцев из Африки и Турции — там их доля достигает 43% (Pan Ké Shon, 2011). Еще более показательны цифры, описывающие этнический состав зон городской политики всего Иль-де-Франс, в которых 50% жителей — это мигранты из Северной и Черной Африки и их дети (Bidoux, 2012).

В какой степени, однако, можно говорить о резидентной мобильности — насколько жители таких районов переезжают в лучшие части города? Мобильность в таких зонах, вопреки расхожему мнению, высокая — выше, чем в среднем по стране, — но для разных групп жителей она выглядит по-разному. Мобильность французов и мигрантов не из Африки не только выше, но и намного чаще идет по восходящей: среди французов, которые жили в 1990 году в неблагополуч-

ном квартале, 63,7% сменили место жительства до 1999 года, из них 69% уехали в «хороший» квартал (не-ZUS). Среди африканских мигрантов, живших в ZUS, место жительства сменили 55,4%, из них в хороший квартал переехали только 40%, 45% переехали в рамках того же квартала, 16% переехали в другой бедный район (Pan Ké Shon, 2009). В целом же вероятность поселиться в неблагополучном квартале в 84 раза выше для тех, кто уже живет в таком же (или том же) неблагополучном квартале. Можно, таким образом, говорить о том, что социально-пространственная мобильность среди мигрантов не является массовой и население бедных районов воспроизводится в том числе и через поколение.

Отдельно следует сказать об имидже мигрантской части Парижа. В научном и политическом дискурсе Франции закрепляется пространственное видение таких социальных проблем, как молодежная преступность, наркотрафик, безработица, нелегальная иммиграция. Конструируется образ пригородов как зоны социальной исключенности, повышенной преступности, инородной — мигрантской — культуры. Районы преимущественного проживания мигрантов начинают называть гетто и территориями беззакония. Этот образ настолько силен, что появляется феномен дискриминации по месту жительства, когда адрес проживания может стать причиной отказа в приеме на работу. Напротив, среди обитателей пригородов укореняется собственный конфликтный нарратив: они жертвы постоянной дискриминации и произвола полицейских, покинуты государством и обществом, живут без доступа к достойному образованию и работе, являются чужаками в собственной стране. Остро переживая собственную исключенность, мигранты пригородов воспроизводят стигматизацию, которой затем подвергаются: в их дискурсах лейтмотивом проходит мысль о том, что они хотят вырваться из своего квартала, что здесь действительно живут группы риска, но это все — «другие, а не я». Это причудливым образом сочетается с желанием защитить собственный квартал от обвинений со стороны и выражает-

ся в конструкциях вроде «У нас нет никаких проблем, СМИ врут» (Avenel, 2009).

Таким образом, всего за 70 лет интенсивной международной миграции в Париже сложились районы, в которых доля мигрантов выше, чем в других районах; более того, эти районы, характеризуясь низким уровнем доходов, плохим школьным образованием, высоким уровнем безработицы и низким уровнем пространственно-социальной мобильности, довольно быстро превратились в территорию воспроизводящейся межпоколенной бедности. Как такое положение вещей сложилось?

Еще до индустриализации пространство Парижа было иерархизировано и зажиточные парижане предпочитали селиться на западе от центра города; центр же хозяйственной активности приходился на географический центр Парижа и на территории, прилегающие к нему с северной и восточной сторон. Современная хозяйственная специализация районов и связанное с ней пространственное районирование приходится, однако, на индустриальную эпоху и связаны с ходом пространственных преобразований Парижа третьей четверти XIX века. В этот период власти проводят масштабную реновацию Парижа, налаживают канализацию, движение, строят престижные кварталы, превращают город в центр культуры и своего рода «витрину» Франции (Horn, 2012). Пространство за пределами города остается областью неконтролируемого расселения и хаотичной урбанизации, осуществляемой руками частных предприятий и застройщиков. Жить за городом дешевле — и в части жилья, и в части налогов. Параллельно пригороды привлекают сначала мелкие мануфактуры, а затем и крупные предприятия благодаря наличию дешевой рабочей силы, неосвоенности территорий и невысоким ценам на землю (Fourcaut, 2012b).

Размещаются они преимущественно в северном, северо-восточном и юго-восточном направлениях от центра в связи, во-первых, с локализацией ресурсов, необходимых для производств; во-вторых, с тем, что в этих же направлениях располагаются деловые районы центра города и сообщение

с ними происходит быстрее всего; в-третьих, с тем, что западный ветер относит фабричный дым дальше от города в восточном направлении, а город с начала индустриальной эпохи пытался регулировать экологические вопросы. Рабочие этих предприятий живут недалеко от рабочих мест, в условиях, оставляющих желать много лучшего: в заводских бараках, доходных домах, а также в появляющихся в начале XX века трущобах — стихийной частной застройке, лишенной коммунальных удобств и административного управления (Lévy-Vroelant, 2004). К началу Второй мировой войны неконтролируемое жилищное строительство достигает своего пика. Именно в таких обстоятельствах начинается массовая послевоенная иностранная миграция, значительная часть которой оседает в Париже: мигранты работают на предприятиях и на стройках восстанавливающейся после войны Франции, а селятся — в бараках, доходных домах и трущобах.

Миграция иностранцев, однако, рассматривается французами как временная, и поэтому они не становятся объектами социальной, а тем более жилищной политики. В связи с этим расселять их в социальное жилье, которое сначала в ограниченных количествах, а после войны и массово появляется в парижских пригородах, изначально не планируется. Новые жилые комплексы строили большей частью на месте бывших сельскохозяйственных угодий, т.к. свободных и недорогих земель было мало. Это могли быть как зеленые районы вокруг старых индустриальных городов — как, например, в Сен-Дени, Бобиньи, Иври, — так и слабо урбанизированные зоны вокруг небольших деревень, которые осваивали буквально с нуля. Из-за ограниченного бюджета и крайне сжатых сроков новые дома строили крупными, если не гигантскими блоками от 1000 до 10000 квартир — часто это были целые кварталы однотипных бетонных многоэтажек. Скорость строительства не позволяла продумать гармоничное оснащение новых районов общественными сооружениями, поэтому сначала в них не было ничего, кроме самих жилых зданий: ни школ, ни больниц, ни парков или даже

магазинов — хотя некоторое время спустя там появились начальные школы и общественный транспорт.

Кого селили в новых домах? Чаще всего это был рабочий «средний класс» — семьи с детьми, работающие на заводах или других предприятиях и имеющие стабильный доход, квалифицированные кадры среднего звена, а также белые французы, репатриировавшиеся из колоний. Вначале среди них не было ни молодежи, ни пожилого населения. Все они отбирались специальными комитетами доступного жилья и заселялись в качестве арендаторов. Примечательно, что формально мигрантам не было запрещено селиться в этих кварталах, но на практике у них не было возможности туда попасть (Blanc-Chaléard, 2008). Уже на данном этапе наметилось деление между более и менее образованными группами жильцов: первые воспринимали эти кварталы как промежуточное место жительства и рассчитывали в будущем купить собственный дом, в то время как вторые планировали остаться. Мигрантов же переселяли из трущоб в специально построенные транзитные городки и общежития. Они были построены в разгар Алжирской войны специально для мигрантов из этой страны, поскольку среди последних распространялись националистические настроения, и власть таким образом хотела «держать руку на пульсе». Затем же — на волне борьбы с трущобами — в эти городки и общежития переселяют разных мигрантов вне зависимости от страны происхождения.

1970-е — это время, когда стало понятно, что послевоенные иностранные иммигранты не собираются уезжать, а кроме того, выяснилось, что социальное многоэтажное жилье не является местом, где хотел бы жить средний парижанин. Строительство социального жилья прекращается, вместо него вводятся индивидуальные пособия по улучшению жилищных условий. Французы, жившие в социальном жилье, благодаря пособиям уезжают в собственные дома, а на их место заселяют мигрантов и бедных из транзитных городков. Кризис 1970-х особенно сильно бьет по промышленности и, соответственно, низкоквалифицированным фа-

бричным рабочим, к которым в первую очередь относятся мигранты, и на смену белым французским рабочим в качестве жильцов «больших ансамблей» приходят мигранты. Довольно быстро эти места становятся пространством социальной исключенности. Высокий уровень безработицы, слабое владение французским языком, восприятие жителей этих районов французами в качестве чужаков — все это способствовало маргинализации этих пространств. Пригороды стали сосредоточением социальной депрессии и связанных с ней «социальных пороков» — алкоголизма и наркомании, девиантного поведения и «антишкольной культуры» в молодежной среде. Возможности для вертикальной мобильности жителей этих районов — пространственной и социальной — были сильно ограничены. Достигая трудоспособного возраста, молодежь, плохо учившаяся в школе, не пошедшая в университеты и не имеющая перед глазами моделей успеха в постиндустриальном обществе, сталкивалась с невозможностью устроиться на работу, отчего пригороды замыкались на себе и погружались в еще большую депрессию, а «французское общество» смотрело на их жителей с еще большим пренебрежением. Выразителями такого отношения были и полицейские, автоматически рассматривавшие жителей таких районов как потенциальных нарушителей (Lareyronnie, 2006). Ответом на такое отношение стали сначала митинги и шествия («марш бёров» 1983 года), а затем и погромы, прозвучавшие на весь мир в 2005 году, — в их ходе было сожжено порядка 100 тысяч автомобилей. Эти события только усилили общественный антагонизм.

В качестве меры для изменения сложившейся ситуации с конца 1990-х была введена политика социального смешения. Эта политика предполагает масштабное переустройство и снос социальных кварталов, замену их другими типами жилья, а также резидентное «перемешивание» населения. Кроме того, на каждый муниципалитет была возложена обязанность строить 20–25% социального жилья, но на данный момент более тысячи муниципалитетов по всей Франции с этой обязанностью не справляются; более того, счи-

тается, что некоторые из них предпочитают платить штрафы, лишь бы не привлекать в район «бедность» (SudOuest.fr, 2017). Эффективность этой политики лишь предстоит оценить, однако распространено мнение, что в задуманной мере она реализована не будет и этническая сегрегация в Париже в ближайшем будущем не прекратится (Epstein, 2011; Fourcaut, 2012a).

Таким образом, мигранты и их дети — прежде всего из северной и центральной частей Африки — живут в Париже преимущественно в северных, северо-западных и северо-восточных пригородах, эти пригороды беднее прочих частей Парижа, при этом бедность эта — устойчивая, межпоколенная, а сами пригороды часто справедливо ассоциируются с клубком социальных проблем разного рода. Пригороды, кроме того, плотно ассоциируются с иноэтничным мигрантским населением, в результате чего, учитывая распространенность расистских установок во французском обществе, негативный образ как районов, так и их жителей усиливается, что ожидаемо рождает противодействие и еще большую социальную и пространственную поляризацию.

Сингапур

Сингапур — это одновременно город и островное государство, расположенное в Юго-Восточной Азии и существующее в нынешнем виде с 1965 года. Основанный в 1819 году и остававшийся до 1963 года частью Британской империи, Сингапур быстро вырос из рыбацкой деревушки в крупный портовый город за счет мигрантов, прежде всего из соседних стран региона — Китая, Индии, Малайзии. В 1963–1965 годах Сингапур входил в состав Федерации Малайзия, получившей независимость от Британии, а в 1965 году стал отдельным государством. С тех пор он показал небывалый экономический рост (порядка 6% в год на протяжении 1965–1995 годов), получив наряду с Тайванем, Гонконгом и Южной Кореей наименование Азиатского тигра.

На 2018 год население Сингапура составляло 5,6 миллионов человек. Из всего населения граждане составляли 3,471 млн человек, а мигранты разных категорий — 2,2 млн (Strategy Group, 2018), или 39% от живущих или временно пребывающих в стране. В 2015 году доля граждан и постоянных резидентов, родившихся не в Сингапуре, а в другой стране, составила 46% (Yang et al., 2017). Большинство жителей Сингапура составляют китайцы (76%), на втором месте — малайцы (15%), на третьем — индийцы (7,5%), на все остальные национальности приходится 1,5%. В силу такой структуры населения Сингапур называют китайским городом вне Китая (Warren, 2003). В Сингапуре действует политика мультирасиализма (multiracialism policy), которая кодируется аббревиатурой СМЮ — Chinese, Malay, Indian and Others. Идеологический «слоган» этой политики — «Отдельные, но равные» (Separate but Equal) (Yeoh, 2018: 241). Деление на расы — значимый фактор в жизни жителей Сингапура в разных сферах, от системы образования до расселения. В ID каждого гражданина указано, к какой группе он относится. В Сингапуре четыре официальных языка: английский, китайский (мандарин), тамильский и малайский.

Сингапур был основан в качестве порта в стратегически важном месте — Малаккском проливе, через который проходили суда, обеспечивавшие торговые сношения между Европой и Китаем. Сингапур стал заменой тех территорий, которые Британия за пять лет до основания города, в 1814 году, передала Нидерландам по договору, заключенному по окончании Наполеоновских войн. Тогда на острове Сингапур были только рыбацкая деревня и британская торговая фактория. Благодаря удачному расположению и грамотному управлению Сингапур быстро рос и составил конкуренцию Пинангу и Риану — крупным портам, расположенным по соседству.

Согласно данным первой переписи населения Сингапура, проведенной спустя пять лет после основания британской фактории, в январе 1824 года в городе насчитывалось 10683 жителя, из них большинство — 4580 — составляли малайцы,

на втором месте были китайцы (3317), далее располагались бугисы (народ одного из островов Индонезии, 1925), индийцы (756), 74 европейца, 16 армян и 15 арабов (National Library Board, 2011). Бум миграции начался во второй половине XIX века в связи с открытием Суэцкого канала в 1869 году, развитием добычи олова в Малайзии и в целом движением «сельскохозяйственного фронта» в Малайзии. Тогда в Британскую Малайю (совокупность территорий в Юго-Восточной Азии, находившихся под контролем Британской империи, включая Сингапур) стали приезжать мужчины-одиночки из Китая и южного индийского штата Тамилнада. Китайских рабочих привлекали китайские предприниматели для работы на оловянных рудниках Перака (штат Малайзии) (Amrith, 2010), а индусов — европейцы.

В период 1880–1930 годов население Сингапура увеличилось в основном за счет миграции, а не естественного прироста (Seng, 2007b). В 1930-х годах власти озаботились тем, что неконтролируемая миграция связана с рисками приезда коммунистов, преступников и большого количества неквалифицированных мигрантов, и ввели ограничения, в результате которых был запрещен въезд неквалифицированных мигрантов, введены квоты на въезд мужчин из Китая (а позже и женщин), а многие безработные мигранты из Китая и Индии депортированы.

С приобретением независимости в 1965 году Сингапур делал ставку на индустриализацию, для чего требовалась низкоквалифицированная рабочая сила, которую завозили из-за рубежа. Основным донором была соседняя Малайзия, но в конце 1970-х годов потребовались новые источники — и Сингапур стал импортировать работников из «нетрадиционных стран» (non-traditional countries), таких как Бангладеш, Индия, Филиппины, Шри-Ланка, Мьянма и Таиланд (Rahman, 2017). Миграция низкоквалифицированной рабочей силы из этих стран была удобна тем, что в зависимости от экономической конъюнктуры мигрантов можно было быстро в страну привезти и так же быстро выслать (Yang et al., 2017). В 1980-х, в связи с развитием экономики зна-

ний, Сингапур стал привлекать иностранные «talants». Для этого власти Сингапура учредили несколько организаций, представляющих его в других странах и консультирующих желающих переехать, а также начали предоставлять стипендии талантливым иностранным студентам. Начиная с 1990-х годов, Сингапур стал активно принимать высококвалифицированных мигрантов, выдавать им статусы постоянных резидентов и принимать в гражданство. Это вызвало негативную реакцию населения: мигрантов обвиняли в том, что они отнимают работу, из-за них общественный транспорт переполнен, зарплата снижается, а стоимость недвижимости, напротив, растет. В 2013 году правительство опубликовало доклад (A Sustainable Population for a Dynamic Singapore: Population White Paper), в котором указывало, что в силу демографических проблем (старение населения и снижение рождаемости) стране нужны мигранты — на уровне 15 000–25 000 новых граждан каждый год, так чтобы к 2030 году населения Сингапура составило 6,5–6,9 млн человек. Затем, однако, в результате недовольства населения, а также экономического спада 2008–2009 годов в Азии власти Сингапура усложнили правила натурализации и получения статуса постоянного резидента.

Общий тренд миграционной политики Сингапура сегодня — привлечение рабочей силы из-за рубежа. При этом высококвалифицированных иностранцев приглашают на постоянное место жительства, а низкоквалифицированных — только на строго определенное время. Беженцев Сингапур не принимает. Из 5,6 миллионов человек, которые составляют население Сингапура сегодня, граждане составляют 61%, постоянные резиденты — 9%, а 30% — это иностранцы-нерезиденты. Среди последней категории больше половины (59%) — это мигранты с разрешением на работу (Work Permit; из них 13% — это домашние работники), 15% — это неработающие члены семей граждан, резидентов или других иностранцев с визой, которая позволяет привезти члена семьи в Сингапур, 11% — мигранты с визой Employment Pass, 10% — с визой S-Pass, 5% — студенты (Yeoh, Lam, 2016).

Согласно данным ООН, среди стран происхождения 1,8 млн жителей Сингапура, имеющих миграционный бэкграунд, первое место занимает Малайзия (1 млн, на втором месте — Китай (380 тыс.), Индонезия (150 тыс.), Индия (138 тыс.), Пакистан (118 тыс.). Однако эти 1,8 млн включают в себя только граждан и постоянных резидентов (United Nations Children's Fund, 2014).

Где селятся мигранты в Сингапуре? Жилищный фонд Сингапура устроен особенным образом. С 1960-х в стране существует Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он активно строит жилье: к 2016 году 73% жилья в Сингапуре построено государством в лице HDB. В таком жилье проживают 80% сингапурцев. Это в абсолютном большинстве случаев дома высокой этажности, расположенные вне исторического центра и построенные во второй половине XX — начале XXI века. Квартиры чаще всего покупаются в ипотеку и находятся в собственности владельцев, оформленной на 99 лет. Остальной жилищный фонд — это частное жилье, относящееся к одному из трех типов: преимущественно современные кондоминиумы, старые и новые бунгало, а также шоп-хаусы, строившиеся до Второй мировой войны. Кроме того, существует временное жилье, прежде всего общежития, предназначенные исключительно для временных низкоквалифицированных мигрантов. Это могут быть, «коммерческие общежития», то есть специально для этого построенные здания разной степени капитальности, где селятся работники разных компаний. Управлением таких общежитий занимаются специальные или строительные компании, получившие соответствующую лицензию. Самое крупное общежитие такого рода в Сингапуре вмещает 25 тысяч человек. Стандартный формат проживания — комната на 12 человек, с 6 двухъярусными кроватями, без кондиционера. Это также могут быть пространства, переделанные из складов или иных помещений прежде промышленного назначения. Часто эти помещения расположены в непосредственной близости от рабочего

места. Как правило, такие общежития вмещают около 20–30 человек.

Расселение всех категорий жителей Сингапура — от граждан до временных неквалифицированных мигрантов — подчинено правилам; в частности, существует расовое квотирование проживания в HDB. Так, в соответствии с правилами 2010 года, в одном доме могут жить не более 87% китайцев, 25% малайцев и 15% индийцев и остальных (Phang, 2018: 118). Для расселения временных мигрантов сформулированы правила, и тип доступного жилья связан с типом визы, страной происхождения и сферой занятости. Снимать квартиры HDB могут мигранты с S-Pass и Employment Pass, а также мигранты с WP, которые заняты в сфере обслуживания. Кроме того, мигрантам с WP, которые работают на производстве, разрешается снимать комнаты с проживающим в квартире хозяином. В 2014 году были определены правила, согласно которым в доме может быть не больше 11% иностранцев, арендующих квартиру, а в районе — не больше 8% (ibid.: 119). Квартиры HDB недоступны для мигрантов-строителей, но им, в отличие от занятых во всех остальных сферах, можно жить на строительных площадках. Общежития, а также любое частное жилье доступно всем иностранцам.

Эти правила в целом соблюдаются, и в результате расселение мигрантов в Сингапуре выглядит следующим образом. Резиденты и новые граждане, равно как и квалифицированные мигранты-нерезиденты, снимающие квартиры в HDB, равномерно распределены по городу. Жильцы кондоминиумов (мигранты и немигранты) в целом тоже не создают значительных мест резидентной концентрации мигрантов, однако иногда селятся вместе, как, например, в восточной части города, где есть отдельные улицы, занятые кондоминиумами со значительным присутствием индийцев, работающих в высокотехнологичных сферах, в т. ч. в ИТ. В таких кондоминиумах доля индийцев может достигать до 80%.

Неквалифицированные мигранты расселены в зависимости от типа работы. Домашние работники практически без исключений живут у своих работодателей. Строители и ра-

ботники промышленных предприятий живут в общежитиях и арендуют жилье в частном секторе, преимущественно в шоп-хаусах (зданиях низкой этажности с коммерческой площадью на первом этаже и жилой — на втором и выше). И то, и другое становится источником жилищной сегрегации, поскольку общежития чаще всего расположены в промышленных зонах, вынесенных на окраины острова, а шоп-хаусы преимущественно располагаются в районах старой застройки, которая не считается комфортной и где резиденты Сингапура практически не живут.

В результате, если недавние граждане, резиденты, а также временные квалифицированные мигранты в целом живут дисперсно, неквалифицированные мигранты с WP за исключением работников отдельных сфер концентрируются в общежитиях на окраине города, а также в старых районах, в частности, в районах Маленькая Индия и Гейлан, и именно они являются большинством населения соответствующих резидентных единиц. Как сложилось такое положение вещей?

Можно выделить три фактора, каждый из которых сыграл свою роль и действие которых во взаимодействии с другими факторами разворачивалось в ходе послевоенной истории Сингапура. Во-первых, это локальная конструкция этничности, во-вторых, деятельность государства как регулятора рынка жилья, этничности и миграции, в-третьих, антимигрантские настроения местного, в нескольких поколениях назад тоже мигрантского населения.

Долгое время Сингапур развивался в соответствии с генпланом, разработанным основателем порта и, соответственно, города Томасом Раффлзом. Генплан включал в себя этническое зонирование в соответствии с «расовым» принципом: была европейская часть, где должны были селиться европейцы и состоятельные азиаты, а также китайская, индийская и мусульманская, где могли селиться исповедовавшие ислам малайцы и арабы. В результате мигранты из Китая селились в Чайнатауне, а индийцы — в районе, который постепенно получил название Маленькая Индия (Little India). Малень-

кая Индия в отличие от Чайнатауна до сих является местом резидентной концентрации мигрантов. За сто лет — с 1819 по 1911 год — население города увеличилось со 150 до 185 000 жителей, и сам город пространственно значительно перерос созданный Раффлзом план. Постепенно центральная часть города перестала вмещать новых жильцов, и прибывающие мигранты начали селиться на окраинах — в кампонгах (так называют деревни в Индонезии) (Seng, 2007a), арендуя землю и возводя там жилье разной степени основательности. К концу Второй мировой войны на острове был город, окруженный кольцом кампонгов, то есть деревень или, как их называли власти, сквоттерских поселений. Власти не могли контролировать происходящее в кампонгах — ни неформальную экономическую активность, ни политическую деятельность (ibid.). Кампонги были названы социальным злом, и им была объявлена война. В 1950-х был принят закон, позволяющий снос зданий, построенных в определенный период времени без разрешения. Кампонги сносили, жители частью селились в предлагаемые им квартиры, частью переезжали в другие кампонги или занимали новые земли, основывая таким образом новые кампонги. Задача по «зачистке» кампонгов, среди прочих функций, лежала на Доверительном фонде по улучшению Сингапура (Singapore Improvement Trust), основанном в 1927 году британским колониальным правительством. В феврале 1960 года преемником этого Фонда стал Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он оказался эффективнее своего предшественника в плане переселения жителей окраинных кампонгов, их сносу и строительству на их месте новых микрорайонов с многоэтажной застройкой. К 31 марта 1976 года больше 50% населения Сингапура жили в государственных квартирах, предоставленных HDB, а сейчас эта цифра достигает 80%.

В политике расселения присутствует артикулируемая государством ценность смешивания населения, как социально-экономического, так и этнического. Вопрос об этническом смешивании населения возник уже в 1960-е годы, когда

в Сингапуре произошли сразу две серии «расовых» беспорядков — в 1964 и 1969 году, — в которых принимали участие китайцы и малайцы. С 1969 года, уже в независимом Сингапуре, правительство стало активно строить многоквартирные дома и заселять их так, чтобы малайцы не формировали большинства среди жителей. Однако к 1980-м годам в городе появились два района — Bedok и Tampines, — в которых малайцы составляли около 30% населения. Чтобы предотвратить эти процессы, в 1989 году правительство ввело политику этнической интеграции (Ethnic Integration Policy), иными словами, «этнические» квоты на проживание в HDB, в соответствии с которыми в районе могли проживать не более 84% китайцев, 22% малайцев и 10% индийцев и других национальностей (а состав населения в Сингапуре на тот момент был таков: 78% китайцев, 14% малайцев, 7% индийцев, 1% других) (Phang, 2018: 117). В 2010 году доля последней группы — индийцев и других — выросла и составила 12%. Помимо квот на уровне района, есть еще квоты на каждый многоквартирный блок. В соответствии с правилами 2010 года, как было сказано выше, в одном доме могут жить не более 87% китайцев, 25% малайцев и 15% индийцев и остальных (ibid.: 118).

Параллельно тому, что государство все больше участвовало в создании и распределении жилищного фонда, повышался госконтроль за миграционными процессами. Была сформулирована миграционная политика, в рамках которой были четко разделены квалифицированные и неквалифицированные потоки, и, если квалифицированные мигранты рассматриваются как потенциальные граждане, неквалифицированные мигранты редко могут остаться в Сингапуре и получить постоянный резидентный статус или гражданство. Первым была дана возможность селиться по тем же правилам, по которым селятся сингапурцы. Для вторых были созданы общежития, вынесенные на окраины города. Нужно отметить, что до определенного момента именно такое расположение общежитий скорее отвечало удобству работодателей, нежели было сформулированной политикой.

В 2008 году власти пробовали открыть общежитие для нерезидентов в одном из жилых районов (Serangoon Gardens), но столкнулись с недовольством местных жителей — петицию против этой инициативы подписали 1600 человек. Предложенный государством компромисс — перенести входную группу общежития на другую улицу дальше от жилого комплекса и селить в общежитии только мигрантов китайского и малазийского происхождения (а это значит не селить строителей из Бангладеш) — жителей не удовлетворил, в итоге общежитие там открыто не было. Это выступление сингапурцев, однако, произошло не на пустом месте и находится в тренде прочих антимигрантских выступлений. В частности, в 2013 году правительство опубликовало доклад, в котором указывало, что в силу демографических проблем стране нужны мигранты — на уровне 15 000–25 000 новых граждан каждый год. Последовавший за этим протест, в котором приняли участие порядка 5 тысяч человек, считается самым большим с момента независимости Сингапура (Yeoh, Lam, 2016).

В какой-то момент, однако, власти и общество стали союзниками в деле переноса общежитий на окраины. 8 декабря 2013 года одного из индийских рабочих в районе Маленькая Индия сбил автобус, который забирал рабочих, чтобы отвезти их обратно в общежитие. В итоге собралась толпа, насчитывавшая порядка 300 человек, которую к ночи разогнала полиция. Предположительно, эта ситуация стала отправной точкой для того, чтобы государство стало стимулировать работодателей размещать мигрантов в общежитиях, удаленных от жилых районов, устройство которых позволяло бы мигрантам их не покидать. Кроме того, были приняты правила, согласно которым в одном помещении может проживать не более шести (а не восьми, как раньше) иностранцев, что делает проживание в шоп-хаусах в этих районах экономически менее привлекательным, и таким образом создана ситуация, когда все больше неквалифицированных мигрантов переселяются из старых районов в центре Сингапура в общежития на окраинах.

Таким образом, если квалифицированные мигранты, которые рассматриваются обществом как потенциальные граждане, за редкими исключениями, расселены равномерно по городу, сообразуясь с этническими квотами для домов и районов, временные же мигранты в основном живут отдельно — в старых районах, а также в специальных мигрантских общежитиях, вынесенных на городскую периферию. Ключевую роль в создании и поддержании такого положения вещей играет государство посредством этнической, миграционной и жилищной политики, однако в части сегрегирования трудовых мигрантов важным союзником государства выступает общество, в котором сильны антимигрантские установки. Кроме того, низкоквалифицированные мигранты живут в центральных районах со старой застройкой, иногда продолжая этническую историю места (район Маленькая Индия), однако в свете новых регуляций, а также реновационной активности правительства доля проживающих в этих районах от всех мигрантов снижается и их значимость как мест концентрации мигрантов падает.

Сидней

26 января 1788 года¹ на юго-восточном побережье Австралии в будущей Сиднейской бухте произвел высадку небольшой флот, состоявший из 11 кораблей и перевозивший из переполненного Лондона в дальний угол Британской империи несколько сотен заключенных. Сейчас эта дата празднуется как день Австралии, а также день основания Сиднея. За этим флотом, вошедшим в историю страны как Первый флот, последовали Второй и Третий, и к 1868 году, когда в Австралию перестали отправлять заключенных, порядка 165 тысяч человек были перевезены туда именно в таком качестве. Параллельно с этим, однако, в Австралию отправлялись и сво-

¹ Фрагмент, посвященный истории иммиграции в Австралии, написан на основании «Истории иммиграции в Австралию» Дж. Йуппа (Jupp, 2002), а также материалов музея иммиграции г. Мельбурна (Immigration Museum, 2019).

бодные британцы — за землей, которой в Австралии было много, и в целом лучшей жизнью. Из Сиднея они распространялись по остальной территории, и именно переселенцами из Сиднея были основаны такие города, как Мельбурн и Аделаида. Следующая, иная по характеристикам, миграционная волна связана с золотой лихорадкой 1850–1860-х годов, когда золото было найдено сначала в Новом Южном Уэльсе, а затем и рядом с Мельбурном, незадолго до того основанным переселенцами из первых колоний. Именно тогда в Австралии появились первые мигранты-небританцы. Ими стали китайцы из южной провинции Гуандун. Возможность массовой миграции китайцев напугала тогдашних австралийцев, и в том числе для регуляции миграции было решено создать союз до того независимых друг от друга колоний. Так появилось Содружество Австралии, провозглашенное 1 января 1901 года. Одним из первых указов стал Акт ограничения миграции, ставший основой т. н. Политики белой Австралии. Акт напрямую не запрещал иммиграцию небританцев, однако включал пункт, согласно которому мигранты должны пройти языковой тест — написать диктант из 100 слов на одном из европейских языков. Язык диктанта выбирал миграционный офицер. В результате с начала века до Второй мировой войны абсолютное большинство новых австралийцев составили британские мигранты — приезжавшие за свой счет и с помощью правительственных дотаций.

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории иммиграции в Австралию. Австралия приняла участие в войне на стороне Великобритании и впервые столкнулась с опасностью военной оккупации. Это серьезно напугало австралийское общество. Слоган «Населить или исчезнуть» хорошо выражал общественные настроения того времени. Поскольку общество разрывалось между идеей белой Австралии и необходимостью привлекать мигрантов, было решено в первую очередь обратиться к странам, где население фенотипически максимально соответствовало представлениям о «белом человеке», и, отправившись в европейские лагеря интернированных, министр иммиграции Артур Колвелл

пригласил иммигрировать в Австралию эстонцев, латышей, литовцы и поляков (West et al., 2011). Их прибытие пробило брешь в Политике белой Австралии, и за 1945–1965 годы в Австралию прибыло порядка двух миллионов человек, при этом британцев из них была только половина. Документальное же окончание Политики белой Австралии относится к 1966 году, когда осуществляется пересмотр миграционной политики и тогдашний министр иммиграции Хуберт Опперман заявляет, что в качестве иммигрантов станут привлекаться иностранцы, если они «способны интегрироваться в общество и обладают квалификациями, полезными для Австралии» (Watt, 1968).

Мощным символическим актом, указавшим на то, что Австралия теперь принимает мигрантов со всего света, включая тех, кому раньше, как считалось, не место в стране, стал прием в 1978 году беженцев из Вьетнама (Price, 1981). Параллельно шла гражданская война в Ливане (1975–1990), и в страну прибыло порядка 30 тысяч ливанцев — суннитов, шиитов и христиан (Tabar et al., 2010). Среди прочих эпизодов истории XX века, в результате которых беженцы оказались в Австралии, можно указать конфликт в Восточном Тиморе (1975), установление диктатур в странах Латинской Америки (1970-е), выступления китайских студентов в Пекине (1988), Балканские войны (1991–2001). Примерно тогда же, в 1970–1980-х, начинает выработываться миграционная политика мультикультурной Австралии, действующая по настоящее время. Ее основа — это баланс между экономической целесообразностью и гуманитарными мерами. Экономическую целесообразность обеспечивает т. н. балльная система, согласно которой определяется, мигранты с какими квалификациями нужны Австралии, а также специальные программы для бизнесменов, гуманитарная составляющая — это программа воссоединения семей и программа приема беженцев. С 1990-х и по настоящее время в Австралию прибывают мигранты из разных стран. Новые конфликты открывают новые направления вынужденной миграции — например, из Афганистана, Ирака, а позже — Сирии и других постреволюционных

арабских стран. Интенсифицируется миграция с индийского субконтинента (Индия, Пакистан, Бангладеш), а также из Китая и прочих небольших государств Восточной Азии, таких как Тайвань, Гонконг и Макао. Параллельно с этим «посеянные семена» миграции беженцев, прежде всего из Ливана и Вьетнама, «прорастают» прочими видами иммиграции, в частности по линии воссоединения семей, а также переезда специалистов и бизнесменов. За последние годы Австралия ежегодно принимает порядка 180–190 тысяч иммигрантов по визам, необходимым для постоянного проживания, из которых около 110 тысяч — это квалифицированные специалисты, 60 тысяч — члены семей, а еще 13–14 тысяч — это беженцы (Phillips, Simon-Davies, 2016). В этих условиях в 2016 году наиболее частотными странами происхождения иммигрантов стали Индия (38 264 человек), Китай (29 604), Соединенное Королевство (16 982), Ирак (9771), Сирия (8229), Новая Зеландия (8199), Пакистан (6315) и Вьетнам (5579). Всего же на данный момент порядка 29% жителей Австралии из 25-миллионного населения страны родились за ее пределами, а еще порядка 20% — это дети мигрантов. Самой распространенной страной происхождения австралийских иммигрантов является Англия (около 1 млн человек), на втором месте — Новая Зеландия (568 тысяч), дальше Китай (557 тысяч), Индия (489 тысяч), Филиппины (252 тысячи) и Вьетнам (243 тысячи). Кроме того, в десятку входят Италия, Южная Африка, Малайзия, Шотландия и Шри-Ланка (Liddy, 2018).

Сидней с момента основания является воротами в Австралию для мигрантов. Именно он на протяжении XX века чаще всего становился первым местом поселения для мигрантов, и сейчас, если совокупная доля мигрантов и их детей в населении Австралии составляет 49%, для 4,5-миллионного Сиднея эта цифра — 68%, самый высокий процент среди всех крупных населенных пунктов Австралии. Мельбурн и Перт несколько уступают (62 и 64% соответственно), остальные же столицы штатов, а также столица, Канберра, уступают еще существеннее. Несколько, кроме того, различается этнический бэкграунд мигрантов и их детей, проживающих в Сид-

нее и в других городах. Так, Сидней проигрывает Мельбурну по доле греков и итальянцев, зато там больше китайских и арабских мигрантов, а также их детей (Australian Bureau of Statistics, 2016a).

Где живут мигранты в Сиднее? Ответ на этот вопрос зависит от определения мигранта. Австралийская перепись в качестве таковых позволяет выделять (1) родившихся вне Австралии, (2) родившихся у родителей, родившихся вне Австралии, (3) указавших в качестве своего «этнического происхождения» категорию иную, нежели Австралия, (4) указавших в качестве языка домашнего общения язык иной, нежели английский. Эти множества частично накладываются, и в публичном пространстве и научных дебатах сосуществуют ответы, согласно которым мигранты селятся везде, и Сидней является смешанным городом, и существует два Сиднея — мигрантский и немигрантский. Для начала посмотрим на «расовую карту» Сиднея, составленную на основании переписи 2016 года (Рисунок 2).

Эта карта построена на основании переменной «Происхождение» и учитывает, таким образом, и первое, и второе поколение мигрантов; при этом все европейские мигранты и их потомки отнесены к категории «Белые», а кроме того, выделены регионы происхождения «Восточная Азия» (прежде всего Китай, Вьетнам и Корея), «Ближний Восток» (прежде всего Ливан и прочие арабские страны) и «Субконтинент» (Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка). Прослеживается несколько четких паттернов. Во-первых, ближневосточные мигранты живут компактно в кластере западных пригородов Обурн, Гринакр, Фэрфилд, Ливерпуль, Бэнкстаун, субконтинентальные мигранты концентрируются в районе Стрэтфилда и Парраматты, китайские же и вьетнамские мигранты живут более дисперсно, хотя есть и места концентрации, например Кабраматта. Более того, очевидно, что эти кластеры находятся преимущественно на западе и на юго-западе от центрального Сиднея. Напротив, «белые» живут в ближайших к центру пригородах, на восток и на север от него, а также по всем направлениям на окраи-

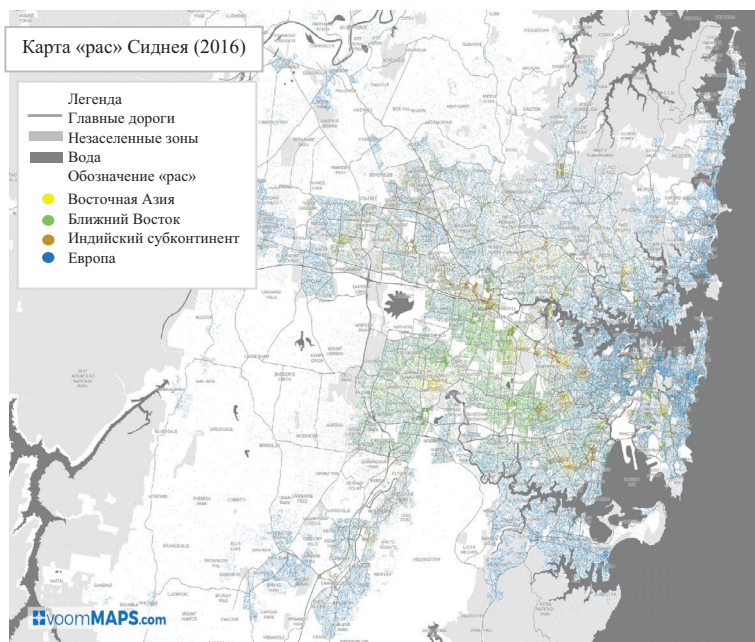

Рис. 2. Карта «рас» Сиднея (voomMAPS, 2016)

нах города. Выборочно приглядимся к нескольким районам и посмотрим их этнический состав. В преимущественно восточноазиатском пригороде Кабраматта (Australian Bureau of Statistics, 2016b) самые большие группы — это вьетнамцы (33%), китайцы (24%), камбоджийцы (8%), британцы (5%) и австралийцы (4%). Этот пригород на слуху и считается самым азиатским в Сиднее. А во внутреннем пригороде Энмор (Australian Bureau of Statistics, 2016c) этот чарт выглядит так: британцы (23%), австралийцы (18%), ирландцы (10%), шотландцы (8%) и китайцы (3%). Посмотрим теперь на северный пригород Мэнли (Australian Bureau of Statistics, 2016d) — он находится на берегу океана и считается раем для серферов: британцы (29%), австралийцы (16%), ирландцы (10%), шотландцы (8%), немцы (4%). Вернемся на восток, в Роузхилл: индийцы (22%), британцы (10%), китайцы (10%), ливанцы (7%), австралийцы (7%). И закончим окраиной города — при-

городом Маунт Аннан: австралийцы (28%), британцы (25%), ирландцы (7%), шотландцы (6%), итальянцы (3%) (Australian Bureau of Statistics, 2016e). Перечисление пригородов можно было бы продолжить, и оно показало бы значительное разнообразие вариантов этнического состава, однако в целом можно предположить определенный уровень сегрегации в Сиднее. Насколько это так?

Социальные географы Поульсен, Джонстон и Форрест (Poulsen et al., 2004) разделили все пригороды Сиднея на пять типов в зависимости от доли иммигрантов, а также стран их происхождения. Пригороды, в которых принимающее население составило 80% и более, они назвали изолированными сообществами местных (*isolated host communities*). Неизолированными сообществами местных (*non-isolated host communities*) были названы пригороды, в которых принимающее население составило 50–80%. Третий тип — это ассимиляционно-плюральные анклав (associated assimilation-pluralism enclaves), в них принимающее население является значимым (30–50%) меньшинством, а разные мигрантские группы составляют от 50 до 70% жителей пригорода. Четвертый тип — это анклав смешанных меньшинств (*mixed-minority enclaves*), в которых большую часть населения составляют иммигрантские группы, но ни одна из них не превосходит численно все остальные более чем в два раза. Пятый тип — это поляризованные анклав (polarized enclaves), где доминирующая группа меньшинства превосходит более чем в два раза все остальные группы меньшинств. Последний, шестой, тип авторы назвали гетто или экстремально поляризованными анклавами (*ghettos or extreme polarized enclaves*), и в нем доминирующая группа составляет 60% населения, а кроме того, 30% и более этой группы в целом в Сиднее живут в такого рода переписных единицах. Гетто, выделенные таким образом, авторы в Сиднее не обнаружили. Наиболее же типичное для иммигрантов Сиднея проживание — в неизоллированных сообществах местных: для большинства групп иммигрантов доля живущих в таких переписных единицах составляет 50% и более; однако также распространенным

является проживание в смешанном анклав — до четверти живущих в таких пригородах для некоторых мигрантских групп. Авторы этого исследования в отличие от авторов карты в качестве местных рассматривали только «англо-кельтов», а прочие европейские группы мигрантов были исследованы отдельно; на карте же итальянцы и греки включены в совокупность европейцев.

В какой степени можно, кроме того, говорить о том, что в целом мигранты больше концентрируются в тех или иных районах? Те же авторы провели другое исследование (Forrest, Johnston, 2001), где на основании переписи 1996 года измерили диссимиларность этнических групп в Сиднее. Индекс диссимиларности, который они использовали, варьируется от 0 до 100, где 0 означает, что для достижения равномерного расселения никого из этой группы не надо переселить в другие пространственные единицы, а 100 — что всех. Согласно результатам исследования, самая низкая диссимиларность — у шотландцев, немцев, северных ирландцев, новозеландцев и финнов, а самая высокая — у лаосцев, камбоджийцев, вьетнамцев, мигрантов из СССР, а также иракцев. Паттерн выражен довольно ярко, и авторы объясняют это не культурными особенностями, а временем, проведенным в Австралии, указывая на важную характеристику расселения мигрантов в Австралии: места концентрации мигрантов — это зачастую места аккомодации, то есть первичного поселения; освоившись и заработав денег, мигранты переезжают в другие районы. Эти районы зачастую более смешанные, однако в силу того, что миграционные волны — это одновременный переезд многих людей со схожими социально-экономическими характеристиками, из первых районов во вторые мигранты переезжают тоже относительно массово, и создаются места вторичной концентрации мигрантов. Более того, с учетом того, что важной универсальной детерминантой выбора района проживания для мигрантов в Австралии является близость к родственникам и друзьям, эти районы зачастую находятся недалеко от районов первичного проживания мигрантов. Такими парами районов стали, на-

пример, Марриквилль и Эрлвуд для греков, а также Лакемба и северный Бэнкстаун для ливанцев. Расстояние между этими районами не превышает 4 километров. В результате этого выработался и другой паттерн, характеризующий расселение мигрантов в Сиднее. Некоторые пригороды, зачастую являющиеся местами первичной концентрации мигрантов, со временем полностью меняют свой этнический профиль. Это произошло, например, с пригородом Хэррис Парк, который сначала был местом концентрации ливанских мигрантов, а сейчас ливанцев почти полностью заменили индийцы. Это произошло и с упомянутым Марриквиллем, в котором, после того как оттуда стали выезжать греки, поселились вьетнамцы, а в последние годы он переживает джентрификацию и становится этнически более разнообразным.

Можно, таким образом, говорить о том, что Сидней в целом поделен на две части. В одной части концентрируются белые мигранты и немигранты, во второй — небелые мигранты. Границы между этими «двумя Сиднеями», в общем, проходимы, более того, старые мигрантские группы — например поляки и греки, — в 1960-х рассматриваясь австралийцами как «небелые» мигранты, с интенсификацией прочих еще более культурно отличных миграционных потоков стали «белыми», в том числе и в части паттернов расселения; однако «небелый» Сидней, локализованный в западных и юго-западных пригородах, воспроизводит себя новыми мигрантскими группами, которые селятся там, откуда выезжают старые мигранты. Белые же — раньше британцы и австралийцы, а теперь и прочие европейские мигрантские группы — селятся в восточных и северных пригородах, а также на самых окраинах города. В связи с чем сложились именно такие паттерны расселения?

Сидней, появившись в конце XVIII века, быстро разросся из небольшой плохо организованной колонии до экономической столицы региона¹. Первый этап роста пришелся на начало XIX века и связан с именем губернатора Лахлана

¹ Урбанистическая история Сиднея написана по материалам Музея Сиднея, а также диссертации П. Спирритта «Урбанистическая история

Маквари, спланировавшего сеть дорог и возведшего первые каменные строения до того деревянного городка. Вторым этапом связан с золотой лихорадкой 1850-х, ускорившей индустриализацию в Австралии. Мануфактуры, а позже заводы скапливаются на юге, юго-западе и западе от центральной части Сиднея, там же появляются районы, в которых живут рабочие. Белые воротнички, а также зарождающаяся буржуазия выбирает селиться в восточных пригородах. Факторов, связанных именно с таким районированием, несколько. Во-первых, Сидней, расположенный на тот момент на южном берегу бухты, имеет довольно сложный ландшафт, и места для размещения промышленности выбирались там, где полого и были проложены первые железнодорожные пути. Во-вторых, производствам нужна пресная вода, которая бралась из рек, преимущественно находившихся в западном и юго-западном направлении, а кроме того, там располагались и другие ресурсы: например, глина для кирпичного производства в Марриквилле бралась из реки Кукс. В-третьих, жаркий климат Сиднея заставляет особенно ценить бриз — ветер с моря, который эффективно охлаждает в первую очередь восточные пригороды. В результате уже к концу XIX века сложилась классовая структура пространства. Бурное развитие транспорта на рубеже веков позволило рабочим переселиться в пригороды, однако эти пригороды находились в тех же направлениях — прежде всего на запад и юго-запад от центра. Там же возникали новые фабрики. После Второй мировой войны, когда стали прибывать небританские мигранты, внешние пригороды также были классово дифференцированы.

Приняв решение о стимулировании интенсивной иммиграции, австралийское правительство довольно быстро определилось и с интеграционной концепцией — иммигранты должны как можно быстрее встать на ноги, но в этом им надо помочь. Для этого были открыты центры приема иммигрантов, или мигрантские общежития. Зачастую такие

Сиднея 1920–1950» (Spearritt, 1976) и его книги «Век Сиднея: история» (Spearritt, 2000).

общежития представляли собой бывшие военные бараки или промышленные здания и могли располагаться как в черте города, так и за его пределами. Самое известное такое общежитие называлось Бонегилла и располагалось недалеко от города Олбери, в 300 километрах от Сиднея (Bonegilla Migrant Experience, 2019). Были, однако, общежития и в самом Сиднее. В частности, на 1966 год (Parliamentary Standing Committee..., 1966) таковых было 13 и располагались они в районах Брэдфилд-парк (1050 мест), Бротон (250 мест), Буннеронг (1200 мест), Кабраматта (1190 мест), Дандас (410 мест), Ист Хиллз (1200 мест), Хилскот-роуд (800), Матравилл (500), Виллавуд (2520). Большая их часть также располагалась на запад от Сити. Такое расположение было связано с тем, что именно там располагалась инфраструктура, необходимая для организации таких общежитий, а также с тем, что трудоустройство послевоенных иммигрантов планировалось на заводах, находящихся в этой части города. Некоторые комментаторы (Pruor, 2014) также отмечают, что в той степени, в какой миграция была тяжелым компромиссом для австралийского общества того времени, австралийцы хотели вынести интеграционную инфраструктуру подальше — на окраины тогдашнего города. В общежитиях мигранты жили несколько месяцев, за это время зачастую трудоустраивались на близлежащих фабриках, и, когда вставал вопрос о том, где жить, покинув общежития, наиболее очевидным решением было поселиться в одном из районов рядом, тем более там уже жили родственники и друзья, также прошедшие через общежития. Согласно исследованию Варвика Вилсона (Wilson, 1990), который изучал вьетнамских «лодочных» иммигрантов, абсолютное их большинство (96%) прошло через общежития и жило на расстоянии не более 10 километров от них, а чаще — в радиусе трех-четырех километров. Иммиграционные волны сменяли одна другую, в общежитиях на место британцев приходили итальянцы, на место итальянцев — вьетнамцы, на место вьетнамцев — балканцы, однако этот механизм поиска жилья оставался единым для всех, и, когда интеграционная политика сменилась и на сме-

ну расселению в общежитиях пришла установка на максимальное использование помощи родственников, а в случаях, когда это невозможно, на предоставление социального жилья, относительно равномерно распределенного по территории города, паттерн уже успел сформироваться.

Кроме того, как и в других контекстах, мигранты и немигранты делали свой резидентный выбор. Универсально самыми важными факторами является близость к родственникам и друзьям, однако затем для низкодоходных групп на первый план выходит близость работы (Waxman, 1999), а для средне- и высокодоходных — хорошие школы (Chiang, Hsu, 2005). Параллельно в расчет принимается этнический состав района, а также близость культурных организаций. Установка «Жить только среди своих» у мигрантов в Сиднее присутствует редко, однако некоторая их доля может быть желательна. Кроме того, зачастую у жителей Сиднея разной этнической принадлежности есть представление о том, с кем им не хотелось бы жить рядом — для белых австралийцев это могут быть, например, индийцы, у которых, когда они готовят, по дому разносится запах карри, или арабы, районы преимущественного проживания которых могут ассоциироваться с высокой криминальной активностью. В результате действия этих трех факторов складывается этническая мозаика Сиднея. Особым образом в эту мозаику встраиваются группы, состоящие преимущественно из квалифицированных специалистов (например китайцы и индийцы), однако в целом и они вписываются в этот паттерн — хотя уже через несколько лет они станут австралийским средним классом, первые годы после иммиграции им приходится непросто, и они предпочитают селиться в районах с невысокой стоимостью недвижимости.

В целом, Сидней, в котором 68% жителей — это мигранты, таким образом, делится на две части: одна из них населена белыми австралийцами, а также европейскими мигрантами и их потомками, во второй селятся мигранты из прочих частей света и их дети. Эти две части, однако, местами накладываются. Более того, хотя вторая часть Сиднея в целом

беднее, эта бедность не является устойчивой и межпоколенческой: австралийское общество предоставляет мигрантам, а особенно их детям возможности для вертикальной мобильности — большинство групп мигрантов второго поколения образованы лучше сопоставимых местных (Khoо et al., 2002). В результате значительная часть мигрантского Сиднея — среднечеловеческая. Можно, таким образом, говорить об умеренной сегрегации, которая не связана с классовыми различиями.

МОСКВА

До 1991 года Советский Союз, правопреемником которого является Россия, за редкими исключениями, пришедшимися преимущественно на 1920–1930-е годы (американские инженеры во время индустриализации, «дети Испании»), практически не принимал международных мигрантов. Вместе с этим, за 70 лет существования СССР сложилась масштабная система внутренней миграции, объединившая в себя перемещения, осуществляемые в рамках разнообразия логик и институтов: индустриализация, начавшаяся в самом конце 1920-х и длившаяся на протяжении всего советского периода, перемещала сельское население в города; модернизация требовала специалистов и сначала притягивала молодежь в города, а затем — в рамках системы распределения — отправляла их работать в отдаленные уголки страны, в том числе и в «национальные» республики СССР и РСФСР; дефицит способствовал появлению торговцев из южных регионов в сибирских городах, а репрессивная система — перемещению населения на север и восток страны. В 1991 с распадом Советского Союза началось складывание постсоветской международной миграционной системы¹ с центром в России.

Сегодняшняя миграция в Россию — это, с одной стороны, отражение процессов прошлого, с другой стороны — важная

¹ Термин предложен в работе Ирины Ивахнюк «Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства» (Ивахнюк, 2012).

часть демографических и экономических реалий нынешней российской жизни. В 1990-е годы из-за конфликтов, политических и экономических неурядиц на постсоветском пространстве в Россию приехали не менее 3,5 млн человек, многие из которых были детьми или внуками когда-то уехавших из РСФСР людей (Зайончковская, 2013). В 2000-е годы с ростом цен на нефть российская экономика стала нуждаться в большем числе рабочих рук, которых в силу демографической ситуации в стране не было. В то же время в бывших советских республиках, прежде всего закавказских и среднеазиатских, а кроме того, в Молдавии и Украине число людей, готовых работать, превышало число рабочих мест, а те рабочие места, что были, предполагали более низкую зарплату, чем в России. Так на основе сохранившихся с советского времени социальных связей стали появляться и крепнуть миграционные потоки, направленные в Россию. Сегодня демографическая ситуация в России характеризуется естественной убылью населения, в том числе трудоспособного (Вишневский, 2013), и снижается общий уровень экономического благосостояния. По прогнозам демографов, через десять лет естественная убыль российского населения может составлять до 500 тысяч человек в год (Предположительная численность населения..., 2018), и важность миграции в свете этого признается на государственном уровне (Указ Президента..., 2014; Указ Президента..., 2018).

Сколько в России мигрантов? За последний доковидный 2019 год в России на миграционный учет были поставлены около 19 миллионов иностранных граждан¹ — эта цифра включает в себя очень разных людей: туристов, студентов, иностранцев, приехавших лечиться и повидать родственников, а более 5 миллионов из них указали, что приехали работать. Важнейший регион-донор для России — это Средняя Азия: среди приехавших работать больше половины — почти

¹ Точнее, речь идет о количестве постановок на миграционный учет, и с учетом того, что один человек мог быть зарегистрирован таким образом дважды или трижды, цифра 19 миллионов — это наибольшее возможное значение.

четыре миллиона — приходится на три страны: Узбекистан (2,1 млн), Таджикистан (1,2 млн) и Киргизию (0,4 млн). Кроме того, на работу многие приезжают из Украины (0,4 млн), Молдовы (0,2 млн), Азербайджана (0,2 млн) и Армении (0,2 млн) (Отдельные сведения о миграционном..., 2020). Одновременно с этим каждый год некоторое количество иностранцев получает гражданство России, переставая отражаться в миграционной статистике. Например, за 2015–2017 годы гражданами РФ стали порядка 700 тысяч человек, а за весь постсоветский период — более 9 миллионов (Проблемы миграции, 2019). Важно, что приобретение гражданства не означает желание остаться в России навсегда или даже того, что «новый россиянин» живет в России. Во многих случаях гражданство — это возможность претендовать на работу с более высокой зарплатой и избавиться от проблем, связанных с оформлением документов для иностранцев и взаимодействием с полицейскими. И наоборот: человек может жить в России годами, не приобретая российское гражданство.

Москва, столица России, привлекает мигрантов больше, чем любой другой город России: например, из тех 5 миллионов, кто приехал в 2019 году работать, почти 1,8 миллиона приходится на Москву (Отдельные сведения о миграционном..., 2020). Помимо этого, значительное число тех, кто получил российское гражданство, живет в Москве. В целом, мигранты в Москве представляют собой разнообразие социально-экономических групп: от успешных бизнесменов, переехавших с семьей еще в 1990-е, в чьих семьях выросли дети, которые родным языком считают русский, до «одиночек», приезжающих временно на низкоквалифицированную работу и русский язык знающих плохо. Значительная и наиболее видимая часть мигрантов тяготеет ко второму типу. Как и во многих других странах, они занимаются теми видами работы, на которые не претендуют местные жители, и в Москве они в первую очередь заняты в строительстве и сфере обслуживания.

Как расселены мигранты в Москве? Социологические исследования (Вендина, 2004; Demintseva, 2017), число которых

ограничено, свидетельствуют о том, что, во-первых, в Москве не складывается «этнических районов» — резидентных территорий, на которых мигранты или люди с миграционным бэкграундом составляли бы большинство; во-вторых, хотя в некоторых частях Москвы представителей отдельных мигрантских групп может быть чуть больше, чем в других (Вендина, 2004), мигранты в целом равномерно расселены по московским районам. Такие же выводы можно сделать на основании переписи 2010 года, о которой, однако, известно, что по разным причинам этнические мигранты в ней существенно недопредставлены, представлены некорректно, а предположительно корректные цифры иногда скорее вводят в заблуждение¹. Так, самая большая доля иноэтничных мигрантов среди всех территориальных единиц столицы обнаруживается в маленьких деревнях Новой Москвы, включенной в состав столицы незадолго до переписи 2010 года. В них, как, например, в Юрьевке, деревне, входящей в Вороновское поселение и удерживающей первенство по доле иноэтничных мигрантов среди всех переписных единиц Москвы (60%), мигранты — это 12 из 20 переписанных человек. Эта же доля для Вороновского поселения в целом, где проживает 8139 человек, составляет только 0,7%, из чего можно сделать вывод, что территории компактного проживания иноэтничных мигрантов в Воронове не сложилось². Район «старой Москвы», в котором доля мигрантов самая высокая, — это Арбат (9,5%), однако, скорее всего, это вновь ар-

¹ Среди причин такой недопредставленности: наличие специального переписного листа для иностранцев, о котором могли не знать переписчики, уязвимое положение этнических мигрантов, в результате которого дверь переписчикам могли просто не открыть, проживание мигрантов в помещениях, не внесенных в совокупность резидентных, интенсивный график труда, в результате которого на момент переписи мигранты могли отсутствовать дома, и проч.

² Согласно данным, предоставленным администрацией поселения, на данный момент постоянно зарегистрированных жителей в Юрьевке 45 человек, из которых иноэтничными мигрантами первого и второго поколения являются 12 человек, что, с учетом временного лага, снижает указанную долю до 26%.

тефакт сбора данных, и настолько высокая доля объясняется, во-первых, наличием в этом районе большого числа гостиниц, во-вторых, тем, что в центре в тот период располагались организации, временно регистрировавшие мигрантов, и, вразрез с официальной процедурой, данные по зарегистрированным автоматически переносились в переписные листы. В Пресненском — втором «старомосковском» районе по доле мигрантов — последняя составляет только 6,1%, а в третьем — в Чертанове — только 4,5%, и далее только снижается. Самая низкая доля мигрантов, согласно переписи, в районе Сокол — 0,7%, а среднее значение по всем районам Москвы в пределах МКАД — 1,95%. Доля мигрантов в переписных данных, таким образом, с одной стороны, системно занижена, с другой — когда она высока, нередко это оказывается артефактом сбора данных и не отражает реальность. В результате переписные данные, с одной стороны, не являются надежным источником, с другой — даже на этих ненадежных данных видно, что доли невелики, разброс небольшой, и мигранты в целом равномерно представлены в московских районах.

На этом фоне, однако, можно говорить о некотором количестве типов компактного проживания¹ иноэтничных мигрантов в Москве. Прежде всего, речь идет о временных мигрантах в строительных бригадах. Эти бригады, если речь идет о высотном строительстве, требующем наибольшее количество рабочих рук, представляют из себя группу людей, сложившуюся на основе земляческо-родственных се-

¹ Эта глава написана на материале статьи, подготовленной в рамках первого подпроекта, в рамках которого исследование Москвы и Подмосковья проводилось в пилотном режиме. Тогда наша задача состояла в том, чтобы изучить все разнообразие ситуаций, в которых мигранты бы по большей части соседствовали с другими мигрантами. С учетом того, что соседство — достаточно размытая категория, и в отношении мигрантов это может означать как проживание на соседних койкоместах, так и проживание в одном районе, мы решили различить места компактного проживания (широкая категория), включающие в себя разные формы соседства, и места резидентной концентрации, где речь идет о поквартирном или подомовом соседстве.

тей. В типичном случае строители всей бригадой проживают либо на стройке в строительных городках, либо в одном из специальных общежитий, которые строят компании для своих работников. И в том, и в другом случае строители живут замкнуто и, если соседствуют с немигрантами, это соседство «осуществляется» через забор стройплощадки или через шлагбаум, отделяющий въезд во двор общежития от прочей застройки. Иным по структуре типом компактного проживания мигрантов являются т. н. резиновые квартиры. Под этим словосочетанием обычно подразумевается квартира, в которой зарегистрировано большое количество не проживающих в квартире мигрантов, а также квартира-общежитие, в которой в одной комнате может жить до десяти человек, спящих на матрасах или двухъярусных кроватях, иногда — посменно. Такие квартиры чаще всего находятся в обычных многоквартирных домах, а в соседних квартирах живут немигранты, и их в каждой отдельной квартире живет гораздо меньше¹. Жильцы квартир-общежитий могут приходиться друг другу как родственниками, так и абсолютно чужими людьми; более того, распространена ситуация, при которой одна комната в двухкомнатной квартире-общежитии занята семьей в составе муж-жена-ребенок, а в другой живут только молодые мужчины. Третьим типом компактного проживания мигрантов в Москве являются места их резидентной концентрации недалеко от некоторых крупных специфически мигрантских рабочих мест: рынков, овощебаз или торговых центров. На протяжении 2000-х крупнейшим таким рабочим местом был Черкизовский рынок, а в 2013 году стала известна на всю страну Покровская овощебаза в Бирюлеве Западном, закрытая после антимигрантских выступлений националистов. В настоящий момент подобными местами концентрации являются некоторые части города Котельники, расположенного сразу за МКАД и прилегающего к оптово-розничному рынку «Садовод» и нескольким большим

¹ Согласно Индексу лучшей жизни ОЭСР, в Москве на одного человека приходится 22 квадратных метра жилой площади, что примерно соответствует одной просторной комнате (Как жизнь?... , б. д.).

торговым комплексам (детальнее о Котельниках см. главу 4). Доля мигрантов и мигрантских квартир в подобных домах может достигать половины; более того, не желая иметь столько мигрантов в качестве соседей, немигрантское население может свои квартиры сдавать или продавать — тоже мигрантам. Такое положение вещей, однако, зачастую характеризует лишь несколько домов, непосредственно прилегающих или находящихся в приоритетной транспортной доступности от рабочего места. Вопреки ожиданиям, дома, в которых происходит такая замена населения, совсем не обязательно представляют собой старую советскую застройку. Напротив: купив квартиры на стадии котлована и столкнувшись при заселении с нежелательным соседством, немигрантское население бюджетных новостроек съедет с большей вероятностью, чем если бы они были в своих домах старожилами. Вместе с тем зафиксированы случаи, когда замена населения происходит и в домах советского времени, и в частном секторе — например, в деревне Челобитьево, прилегающей к МКАД с северной стороны, в одно- и двухэтажных домах советского времени живут преимущественно таджикские мигранты, резидентная концентрация которых связана с расположенными рядом Мытищинским строительным рынком и неформальной мигрантской биржей труда на Ярославском шоссе. Можно ли говорить, что жилье, характеризующееся этими типами компактного проживания, больше представлено в одних частях Москвы и меньше — в других? Стройки происходят по всей Москве, и проживание на стройках, соответственно, не является особенностью какой-либо части города. Квартиры-общежития также относительно равномерно расположены в городе, включая центральные районы, в которых такими общежитиями могут служить, например, аварийные дома. Крупные мигрантские рабочие места, однако, зачастую расположены на окраинах Москвы — в районе МКАД; в результате и связанные с ними места резидентной концентрации располагаются на периферии города. Вместе с этим, такие места концентрации, равно как и прочие места компактного проживания, в принципе, являются

лишь одним из типов проживания мигрантов в Москве. Семейные мигранты и мигранты второго поколения зачастую живут вне мест компактного проживания, и их проживание не привязано к каким-либо специфическим «мигрантским» местам. На этих основаниях, таким образом, с учетом того, что места компактного проживания мигрантов не локализируются в той или иной части Москвы, можно повторить, что иноэтничные мигранты расселены по городу в целом равномерно.

С чем связано такое положение вещей? Есть один ключевой фактор, который его объясняет. Это эгалитарность городского пространства «социалистического города» Москвы¹. Районирование и локализация социальных групп присутствовали в Москве на протяжении ее дореволюционной истории, но, хотя те или иные части города могли считаться связанными с теми или иными профессиями, этническими категориями и классами, в целом эта принадлежность являлась символическим ориентиром и по разным причинам не создавала ситуации социальной сегрегации. Не создавалось в Москве и специфических географических направлений, где бы локализовывались мануфактуры и фабрики. Хотя можно говорить о некоторой их кластеризации на востоке и юго-востоке, строились они в Москве почти везде, где была вода, а затем и железная дорога. Единственное направление, которое было свободно от индустрии, — это юго-запад. На момент индустриализации оно было слабо освоено в связи с характеристиками ландшафта — Воробьевы горы затрудняли строительство железной дороги. Рабочие до революции жили частью в специально построенных для них рабочих городках, пространственно примыкающих к фабрикам, частью — в доходных домах, бараках и прочих типах жилья, расположенных по всему городу. Кластеры дворянских и купеческих усадеб также не были привязаны

¹ История складывания эгалитарного пространства Москвы на данный момент толком не изучена, поэтому этот фрагмент написан на основе серии глубинных интервью со специалистами по пространству Москвы Д. Ромодины, П. Гнилорыбовым, О. Вендиной.

к специфическим районам и соседствовали с местами проживания прочих социальных групп. Сложно сказать, в какой степени с количественным ростом рабочего класса при сохранении дореволюционных пространственно-социальных структур классовое районирование бы возникло, однако на момент революции Москва классово-сегрегированным городом не являлась. Революция и постреволюционное «уплотнение» способствовало интенсивному социальному смешению. Ограниченный и в основном дворянско-купеческо-мещанский жилищный фонд наполнился хлынувшими в Москву мигрантами с преимущественно сельским бэкграундом; смешивание происходило на уровне отдельных квартир. Довоенный период характеризовался ограниченным жилищным строительством, спецификой которого являлась децентрализация и наличие у большинства министерств и предприятий собственных строительных подразделений, возводящих здания. В этих домах жили сотрудники соответствующих организаций, и дифференциация происходила на уровне отдельных домов, подъездов и квартир, но не районов — создание специфически номенклатурного района согласовать было бы сложно. После войны происходит централизация строительства: строительные функции берет на себя город, а через некоторое время возникают строительные комбинаты и начинается массовое строительство хрущёвской и брежневской эпох. Новый жилищный фонд частично распределяется между организациями, частично поквартирно выдается жителям аварийного и коммунального жилья центра города, в котором население разного социального происхождения жило с 1920-х. Организации пытаются способствовать строительству единичного элитного жилья для руководителей (зачастую это «сталинки», построенные в постсталинскую эпоху, а также панельные дома обычных серий с более дорогой «начинкой»), однако в общем массовая застройка продолжает традиции московского социального смешения, и хотя, например, в домах на юго-западе Москвы, где с 1960-х начинают кластеризоваться научные организации, в целом уровень образования жильцов выше,

а на востоке рядом с огромными заводами индустриальной эпохи — ниже, и там, и там население является в значительной степени социально разнообразным. Нужно отметить, кроме того, что соответствующий имидж районов в разных частях Москвы — продукт 1980-х; до того для жителя центра, которому выдавали квартиру, сам этот факт был значительно важнее района, в котором она находится, тем более что от района к району они не различались. Так сложилось эгалитарное социалистическое пространство в Москве, на которое накладывается постсоветская — внутренняя и международная — миграция.

Оказываясь в Москве, мигранты разных миграционных потоков и волн, если их не размещает работодатель (а это касается значительной части мигрантов в строительной сфере), первое время почти всегда или селятся у родственников, или снимают койко-место, комнату или квартиру, затем же — и это важный индикатор, позволяющий говорить, что мигрант из временного становится постоянным, — они могут купить недвижимость (подробнее об этом рассказывается в главе 6). Выделяются, таким образом, два паттерна — связанные со съемом и с покупкой жилья. Снимать жилье мигранты чаще всего пытаются рядом с работой, которая не локализуется в какой-либо части Москвы, однако нередко они живут и на существенном от нее отдалении — это чаще всего связано с тем, что жить вместе предложили родственники или «земляки». В этом случае ценность «Жить со знакомыми» оказывается важнее ценности «Снимать рядом с работой», а с учетом того, что время на поиск жилья у мигрантов ограничено, а родственники и знакомые — ключевой информационный ресурс для мигрантов (Варшавер, Рочева, Иванова, 2017), фактическое место их жительства складывается из этих двух составляющих. Важно, что стоимость койко-места в квартире-общежитии мало зависит от района проживания. Расположение каждого из квартир-общежитий, в свою очередь, ретроспективно также зачастую объясняется близостью к рабочему месту человека, некогда такую квартиру снявшего, а рабочие места, как уже отмеча-

лось, располагаются по всей Москве. Как, в результате этого, и такие квартиры-общежития.

Насколько отличается паттерн резидентного выбора у тех, кто принимает решение о покупке недвижимости? У таких людей на первый план выходят несколько другие факторы: цены на недвижимость, качество школ, экология, а также близость мест проживания родственников и знакомых. Эти паттерны мало отличаются от соответствующих паттернов у не-мигрантов или внутренних мигрантов, которые покупают недвижимость в Москве, поэтому и расселяются этнические мигранты равномерно по доступному жилищному фонду. В том числе и новому, также, в целом, равномерно распределенному по городу. Напомним, что в его строительстве активное участие принимает третья категория мигрантов — мигранты-строители. Они живут преимущественно на объектах, а значит, тоже относительно равномерно по городу.

Однако, как говорилось выше, места резидентной концентрации мигрантов все-таки складываются, и из некоторых мест, расположенных рядом с большими мигрантскими рабочими местами, где мигранты селятся массово, немигранты предпочитают уехать. Почему подобного процесса не происходит на уровне всего города? Во-первых, доля этнических мигрантов в населении Москвы относительно невелика и, по разным оценкам, составляет не более 20%, в результате чего подобные места концентрации являются единичными явлениями, и они не кластеризуются в тех или иных частях города. Во-вторых, поскольку большинство московских районов мало отличаются один от другого в части качества жилья, социального состава жильцов, а также доли мигрантов в населении, на уровне города такие смены места жительства относительно бессмысленны. В-третьих, слабо развитый рынок покупки-продажи недвижимости скорее осложняет этот акт, и москвичи, зачастую не купившие квартиру, а получившие ее в ходе приватизации, нередко относятся к ней не как к активу, а как к фамильному гнезду и в результате относительно редко меняют место жительства. Такое положение вещей является дополнительным фактором, сохраняющим

status quo и объясняющим равномерное расселение мигрантов по всей Москве.

Данное описание и объяснение не является исчерпывающим — существует разнообразие моделей проживания мигрантов в Москве (об этом см. главу 3), и каждая из них должна быть исследована на предмет пространственного размещения отдельно. Детального исследования требует и резидентный выбор — мигрантов и немигрантов. Кроме того, ждет своего исследователя история и социология пространственного эгалитаризма Москвы. Вместе с тем, в целом картина именно такова: этнические мигранты в Москве расселены равномерно, и связано это в первую очередь с эгалитаризмом городского пространства столицы.

Сравнение и теоретическая модель

Итак, резюмируя характеристики расселения мигрантов и их детей в Париже, Сингапуре, Сиднее и Москве, можно говорить о том, что в Париже, как и в Сиднее, фиксируется определенный уровень резидентной сегрегации постоянных мигрантов и их детей, которые в целом перепредставлены в бывших рабочих районах; в Сингапуре пространственно сегрегировано большинство временных трудовых мигрантов, в то время как квалифицированные мигранты и постоянные резиденты (два накладывающихся множества), а также недавние граждане в целом в резидентных паттернах не отличаются от немигрантов; в Москве, несмотря на наличие небольшого количества мест резидентной концентрации мигрантов, сегрегации нет и мигранты селятся равномерно по всему городу. Анализ факторов расселения мигрантов в этих четырех городах, осуществленный в контексте ключевой теоретической литературы на тему, позволил выделить ряд значимых факторов и создать схему (Рисунок 3), которая описывает взаимодействия этих факторов между собой.

В целом, расселение мигрантов является функцией от разнообразных характеристик принимающего общества и миграционных потоков, а также миграционной политики,

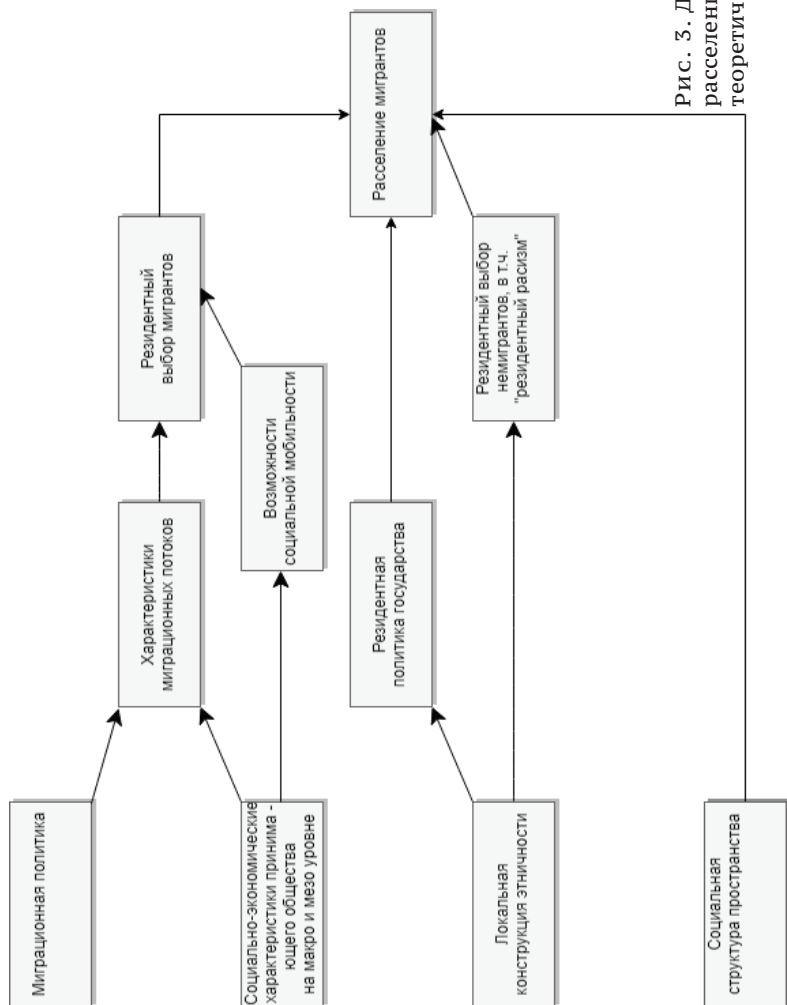

Рис. 3. Детерминанты расселения мигрантов: теоретическая модель

соединяющей первые и вторые. Проанализируем каждый из факторов детально — отдельно и во взаимосвязи с прочими факторами, а затем укажем, какие факторы ответственны за расселение мигрантов в каждом из четырех случаев и сравним их между собой.

Характеристики миграционных потоков — человеческий капитал и габитус мигрантов (образованные или необразованные, сельские или городские, квалифицированные или неквалифицированные), а также их миграционные намерения — являются производной от социально-экономических характеристик принимающей страны и ее места в рамках тех или иных миграционных систем. В частности, Сингапур и Австралия вместе являются частью Тихоокеанской миграционной системы, и, как следствие, основные страны-доноры для них — это Китай и Индия, для постимперской Франции основные доноры — это ее африканские колонии, а для России — страны бывшего Советского Союза. Более высокий уровень экономического развития в этих странах, а особенно в столицах, находящихся в фокусе исследования, в принципе, позволяет претендовать на прием мигрантов всех уровней квалификации, поэтому другим важным фактором, определяющим характеристики потоков, является миграционная политика — проактивная, сфокусированная на привлечении квалифицированных мигрантов в качестве постоянных жителей, в Сингапуре и Австралии и реактивная, не способная повлиять на «качество миграции», в России и Франции. Миграционная политика Сингапура, кроме того, проводит четкую грань между неквалифицированными временными и квалифицированными постоянными мигрантами, а в Австралии в свете того, что эта страна принимает гуманитарных мигрантов, работы, которые выполняют временные мигранты в Сиднее, выполняют именно они. В результате «качество» миграционного потока в Австралии и Сингапуре выше, чем во Франции и в России.

Социальная структура пространства — наиболее значимый фактор принимающего общества — складывается в ходе социальной истории места и описывает то, как раз-

ные социальные группы размещены в стране и городе. Зачастую классовость пространства закладывается в ходе интенсивной индустриальной урбанизации. В Париже, главном центре французской индустриализации, классовая дифференциация пространства сложилась уже к началу XX века. В Австралии индустриализация произошла позднее, однако представления о необходимости резидентной классовой сегрегации Австралия заимствовала из Англии, откуда происходило абсолютное большинство ее населения на момент индустриального бума, в результате чего к 1930-м Сидней также является классовым городом. В Сингапуре ключевым основанием для распределения людей в пространстве была расовая принадлежность, заявленная в качестве такового в генплане начала XIX века и остающаяся таковым до настоящего времени — пространственная дифференциация по имущественным основаниям в Сингапуре существовала, но значила меньше, чем расовая; в настоящее же время в связи со строительством массового государственного жилья ее значимость снизилась еще больше. Особая история — у одного из в прошлом ключевых социалистических городов — Москвы. Дореволюционная индустриализация не создала классово дифференцированного пространства, равно как не сложилось его и после революции. Этому способствует прежде всего не эгалитарная идеология советского государства, а институционально-организационная структура советского массового строительства. В результате можно говорить о том, что в Париже и Сиднее пространство — классовое, в Москве и Сингапуре — эгалитарное.

Играет роль и локальная конструкция этничности (Варшавер, 2016) — совокупность актуальных этнических категорий и типичных отношений между ними. Именно она в некоторых случаях имеет институциональное воплощение (например, согласно официальной сингапурской идеологии мультирасиализма, расовые группы являются *separate, but equal*), именно она позволяет некоторым мигрантским группам быстро переходить в категорию «местных» (например, британцам, а затем итальянцам и грекам в Сиднее), а некоторых

на протяжении поколений оставляет «чужаками» (например магрибцев в Париже), и именно она определяет наличие или отсутствие «резидентного расизма» — такой характеристики резидентного выбора местных, при котором они в качестве соседей не хотят видеть мигрантов и их детей. Австралия до 1970-х придерживалась расовой миграционной политики, на смену которой пришел мультикультурализм, однако эта замена была в значительной степени вынужденной мерой, и в настоящее время государственный мультикультурализм соседствует с культурным расизмом некоторой части австралийского общества, выражающимся в том числе в нежелании «слышать запах карри» из кухонь соседей-индийцев. Сходная ситуация во Франции, в которой расизм, в частности резидентный, принимающего общества накладывается на экономическую депривированность мигрантов и их детей, выраженную в том числе и пространственно. В результате многие французы не хотят селиться рядом с мигрантами. В Сингапуре «расовый паритет» лежит в основании расселения, и жители не могут повлиять на этнический состав своего дома или подъезда — в результате везде он примерно одинаковый. Вместе с этим общежития, в которых живут временные мигранты, как показали недавние события, являются нежелательным соседством для сингапурцев, а значит, можно говорить о присутствии резидентной ксенофобии. Конструкция этничности в Москве — с давних пор этнически разнообразном городе — сочетает в себе традиции советского интернационализма, бытовой ксенофобии немигрантов по отношению к мигрантам и тем, кто на них похож, и нежелания жить рядом с ними, а также существенного уровня ингруппового фаворитизма у некоторых групп мигрантов первого и второго поколений.

Важным фактором является и государственная или городская резидентная политика — направленная на общество в целом или непосредственно на мигрантов. В Париже власть сфокусировалась на жилищном вопросе после Второй мировой войны, и государственная политика была ответом на довоенный жилищный кризис. В ее рамках немигрантская

часть рабочего класса была расселена в социальное жилье, а мигрантская — во временные общежития и транзитные городки. Затем же, с ликвидацией временного жилья, мигранты переселились в «большие ансамбли» социальных кварталов. В настоящий момент власти пытаются осуществить попытку социального смешения, которая состоит в расселении социального жилья. В Сингапуре государство является главным регулятором расселения как мигрантов, так и немигрантов. Как и Франция, столкнувшись с жилищным кризисом, после Второй мировой войны оно начало массовое строительство многоэтажных зданий, в которых сейчас живет 80% жителей. В этом жилье государство регулирует расовый состав населения. Кроме того, государство регулирует условия проживания в старом жилье, а также расположение мигрантских общежитий. В Сиднее государство и город вмешиваются в расселение мигрантов и немигрантов меньше: в ходе приема первых послевоенных волн мигрантов их аккомодация осуществлялась в специальных общежитиях, сейчас же немигрантам государство помогает с арендой. В Москве строительство и расселение до 1991 года осуществлялось государством, затем же государство почти полностью покинуло эту сферу, и на данный момент оно практически никак не модерирует расселение.

Функцией от характеристик миграционного потока и характеристик принимающего общества, в частности уровня безработицы и конструкции этничности, является следующий фактор — наличие вертикальной социальной мобильности у мигрантов, в том числе межпоколенческой. Париж является примером ее сильной ограниченности: низкий уровень человеческого капитала мигрантов, высокий уровень безработицы в целом, и особенно высокий — среди мигрантов и их детей, отсутствие моделей социального успеха, расизм принимающего общества, замыкание социальных районов на себе и складывание там антиобщественной культуры — все это создало ситуацию, при которой выбраться из таких гетто по социальной лестнице оказывается сложно. Сингапур, напротив, — это современное динамичное обще-

ство с низким уровнем безработицы, в котором мигранты и их дети не имеют структурных ограничений для достижения социального успеха. Одновременно с этим временные мигранты лишены возможностей для социальной мобильности. Хорошие показатели межпоколенческой социальной мобильности демонстрирует Сидней: известно, что мигранты второго поколения в Австралии лучше образованы, чем местные, и не проигрывают им на рынке труда. Москва в части наличия возможностей социальной мобильности не отстает от Сиднея, и, если первое поколение в целом работает на низкоквалифицированных работах или занимается бизнесом, второе поколение массово идет в вузы и на рынке труда затем не уступает сопоставимым немигрантам.

Особой переменной, значение которой определяется характеристиками миграционного потока, характеристиками вертикальной мобильности и резидентной политикой, является резидентный выбор, осуществляемый мигрантами. Дело в том, что в обществах, в которых мигранты занимают низкие позиции на рынке труда и где их расселением занимается государство, выбора, строго говоря, мигранты не осуществляют. Напротив, финансовое благополучие — имеющее домиграционное происхождение или приобретенное в ходе вертикальной мобильности в принимающем обществе — позволяет мигрантам выбирать, где жить. Этот выбор, однако, может быть ограничен нежеланием местных жить с мигрантами. Во Франции мигранты место жительства в целом не выбирали. В Австралии для большинства миграционных волн прошлого и гуманитарных мигрантов настоящего также выбор не стоял — их селили в общежития, затем же они переселялись в ограниченное число кварталов, — однако квалифицированные мигранты настоящего и второе поколение такой выбор осуществляют. В Сингапуре ни квалифицированные, ни неквалифицированные мигранты за некоторыми исключениями не могут выбирать, где жить, — за неквалифицированных мигрантов чаще всего отвечает работодатель, а квалифицированные покупают или снимают государственное жилье часто посредством об-

ращения в специальный распределитель недвижимости. Москва предоставляет наибольшие возможности для выбора: в российской столице нет ни классовой предзаданности пространства, ни вмешательства государства в характеристики расселения. Рынок съемной недвижимости в значительной степени поделен на мигрантский и немигрантский сектора, и эта регуляция осуществляется в том числе за счет этнических маркеров в объявлениях о сдаче квартир, однако находятся квартиры-общежития могут по всему городу. Продажа же квартир осуществляется вне указанных ограничений.

Заключение

Итак, в этой главе, во-первых, описано расселение мигрантов в некоторых глобальных городах в сравнении, во-вторых, представлена схема, объясняющая характеристики расселения мигрантов в зависимости от разнообразия факторов, описывающих миграционные потоки и принимающие контексты. Можно предположить, что анализ других случаев дал бы на выходе несколько иные набор факторов и теоретическую схему. Анализ релевантной теоретической литературы по теме, а также последовавшие исследования в таких городах, как Торонто, Стокгольм, Дубай и Лондон, позволяют говорить о том, что эта схема носит универсальный характер. Именно она послужила теоретическим контекстом для российского случая, которому будут посвящены последующие главы.

Глава 3

Характеристики проживания мигрантов в Москве и Московской области: классификации¹

Введение и методология исследования

Как уже говорилось, на основании российских исследований едва ли можно восстановить полную картину, описывающую характеристики проживания мигрантов²; более того, даже если статья напрямую касается этих вопросов, зачастую в ее фокусе будут оказываться наиболее броские примеры (Рочева, 2015), в частности «резиновые квартиры». В этой главе представлена серия классификаций резидентных характеристик мигрантов в Москве и Московской области с примерами, и основная цель включения ее в монографию состоит в том, чтобы погрузить читателя в резидентную повседневность мигрантов — разнообразную и нелинейную. Такое погружение позволит двигаться дальше — в сторону рассмотрения мест резидентной концентрации мигрантов и детерминант их складывания.

¹ Эта глава написана на основе следующей публикации: (Ермакова и др., 2020).

² Исключением является работа Е. Деминцевой и В. Пешковой (Деминцева, Пешкова, 2014), где приводится распределение опрошенных по типу занимаемого жилья.

Исследование, на основании которого была создана эта классификация, было проведено в парадигме обоснованной теории А. Страуса, Б. Глезера (Glaser, 1992; Glaser, Strauss, 1967), сбор данных был осуществлен с помощью качественных методов, среди которых были глубинные, экспертные и экспресс-интервью. Обоснованная теория в настоящий момент считается одной из основных парадигм исследования (Hutchinson, 1993; Weingand, 1993; Улановский, 2009) в рамках качественных методов; исследования с использованием принципов, в ней заложенных, широко проводятся как за рубежом (Charmaz, 1990; Midence, O'Neil, 1999), так и в России (Дивисенко, 2008; Сибирко, Винокуров, 2014), а сама парадигма развивается (Charmaz, 2007; Morse et al., 2016) и уточняется применительно к разным областям знания (Chamberlain, 1999; Locke, 2000; Pettigrew, 2000).

Генеральная совокупность исследования, как и в других подпроектах, это этнические мигранты из Средней Азии и Закавказья — люди, которые (1) родились не в России и (2) в целом воспринимаются местным населением как «чужие». При этом они могут быть как гражданами России, так и нет, а также существенно различаться по уровню достатка. Выборочная совокупность формировалась по принципам, известным как теоретическая выборка (Glaser, Strauss, 1970; Draucker et al., 2007) и разработанным в рамках обоснованной теории (Страусс, Корбин, 2001). На первом этапе исследователи придерживались установки на изучение наиболее разнообразных случаев (Там же: 147) проживания мигрантов в Москве и Московской области для сбора категорий (Там же) по следующим основаниям: типы *tenure*, типы недвижимости, типы социального окружения и способы добираться на работу. Данные для заполнения категорий собирались последовательно и систематически. Чтобы охватить все возможные варианты расселения мигрантов, поиск мигрантов осуществлялся в разных районах Москвы и Подмосковья, с непохожей инфраструктурой и социально-экономическими характеристиками. В выборку районов

вошли места скопления мигрантов: рынки («Садовод», Савеловский, «Строймастер», Новоясеневский), вокзалы (Киевский), районы общежитий (пгт Новоивановское, район оптово-продовольственного центра «Фуд Сити»), торговые центры, они же места работы и отдыха мигрантов («Принц Плаза», «Метрополис», «Гагаринский», «Европейский», ТК «Савеловский»). Каждый последующий случай проживания должен был быть максимально непохожим на предыдущий. Например, если интервью состоялось с человеком, имеющим российское гражданство и проживающим в квартире в Москве, то в следующий раз искался информант-иностранец, живущий в частном доме в Подмоскovie. Как именно осуществлялся поиск информантов? На первоначальном этапе исследовательская команда брала короткие интервью, чаще всего на улице, в ходе которых собиралась основная информация о резидентом пути мигранта в России и устанавливался контакт. Далее исследователи договаривались о встрече, и уже в ее ходе проводилось глубинное интервью. В его финальной части, кроме того, выяснялось разнообразие случаев проживания среди знакомых информанта и, если исследование этих случаев определялось как целесообразное, исследователи выходили с ними на связь. В полном объеме, однако, эта последовательность действий осуществлялась далеко не всегда, и часто приходилось довольствоваться информацией, полученной в ходе коротких интервью, а некоторые интервью обрывались на разных этапах. Важно также отметить, кроме того, судя по всему, эта выборка имеет смещения, и, в частности, в ней недопредставлены мигранты из высокодоходных групп, а также собственники жилья.

Таким образом, эмпирической базой исследования стали 65 полуструктурированных интервью, которые были сгруппированы по степени полноты. По итогам, в 13 интервью нам удалось исчерпывающе описать миграционную и резидентную историю, понять логику смены мест жительства. В 37 интервью мы смогли частично понять механизм поиска жилья, и в 15 экспресс-интервью мы смогли описать только

текущее место жительства. Помимо этого, было проведено одно экспертное интервью с владелицей кыргызского агентства по недвижимости.

Гайд интервью включал в себя вопросы, связанные с миграционной и резидентной историей информанта, его семейным положением, занятостью, организацией бюджета, отношениями с соседями и отношением к другим национальностям, режимом пользования районом, планами на будущее. Помимо этого, информантам задавались вопросы про каждое место проживания в России, и в частности Москве и Московской области, денежные расходы в связи с ним, его качество и местоположение, как происходил поиск, какие установки и размышления были на этот счет. Для соблюдения гайда использовалась графическая техника, в ходе которой интервьюер рисовал резидентную биографию информанта и отмечал интересующие его характеристики каждого места проживания мигранта.

Цикл исследовательского процесса можно описать следующим образом: (1) аналитическая встреча всей команды исследователей, на которой обсуждается известное на момент встречи, формулируются лакуны и гипотезы и подбираются ходы для заполнения лакун и проверки гипотез, (2) полевой этап, в ходе которого происходит поиск и интервьюирование информантов, (3) написание полевых дневников, расшифровка аудиозаписей, если последнее необходимо, (4) чтение дневников и конспектов интервью всеми участниками исследовательской команды, (5) аналитическая встреча всей команды исследователей, в ходе которой обсуждаются наполнения категорий, основания для их различия, намечаются новые случаи проживания мигрантов для дальнейшей полевой работы.

По итогам исследования была разработана классификация расселения мигрантов, описывающая каждый известный нам случай по основаниям: tenure, тип застройки, состав жителей места проживания и способ добраться на работу.

Результаты исследования: классификация

Ниже каждое основание описано, представлены выделенные по этому основанию типы, а также для каждого из них приведены примеры¹.

TENURE

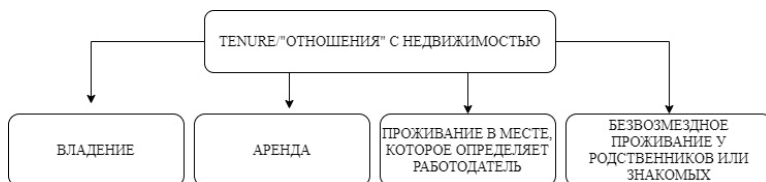

Рис. 4. Классификация типов проживания мигрантов по основанию tenure

В английском языке tenure — это отношения правового характера между мигрантом и местом его проживания. В русском языке есть только отдаленные аналоги этого термина, поэтому мы не стали его переводить, а кроме того, расширили границы определяемых им феноменов и включили в него отношения между мигрантом, собственником, а также всевозможными посредниками. Всего было выделено четыре типа tenure (Рисунок 4). Первый выделенный тип — владение. Некоторые мигранты приобретают жилье в собственность, оплачивая всю сумму сразу. Так поступил М. (м., 55 лет, узбек, № 63). В 2006 году он переехал в Россию, первое время работал продавцом в магазине, затем купил машину и несколько лет работал таксистом. Параллельно с этой занятостью он начал изучать, как устроен рынок стройматериалов, с 2010 года арендовал складское помещение на рынке «Строймастер» и организовал свой бизнес. В 2013 году купил

¹ Было принято решение приводить именно описания, а не выдержки из интервью, в связи с тем, что такие выдержки редко содержат описание резидентной ситуации в целом и биографических элементов, с ней связанных, а именно такая задача стояла перед нами, когда мы писали этот текст.

однокомнатную квартиру в городе Московский и при выборе места жительства исходил из соображений, чтобы это было недалеко от места работы и вписывалось в располагаемую сумму.

Можно предположить, однако, что такие истории, как у М., распространены менее широко, чем покупка жилья в ипотеку. Продавщица цветов А. (ж., 52 года, армянка, № 27) и ее супруг взяли в кредит 1,5 млн рублей, чтобы восполнить недостающую сумму на покупку квартиры в одном из юго-восточных районов Москвы, где они живут и работают уже семь лет. Изначально они приехали в этот район, поскольку там давно жил и работал брат А. А. приехала и сразу начала работать продавщицей в его цветочном магазине, муж переехал через пару месяцев и начал помогать с поставкой цветов. Семья никогда не рассматривала перспективу смены места жительства и работы. А. хотела как можно скорее купить квартиру, для нее это способ стать «своей» в районе, поскольку отношение к ней и к ее семье как к приезжим ее очень задевало, и после покупки квартиры, по ее мнению, отношение «местных» к ней изменилось бы.

Некоторые мигранты приобретают участки и сами строят дома. Так, например, сделал С. (м., 50 лет, узбек, № 65). Он переехал в Москву в 2003 году, три года работал строителем и жил в строительных вагончиках, затем начал снимать квартиру в поселке Мосрентген, рядом с местом работы. В 2010 году он купил участок на Калужском шоссе, также недалеко от места работы — рынка «Строймастер», где у него бизнес, — и построил там трехэтажный дом. Он всегда хотел жить в доме и отмечал в интервью, что жизнь в квартире не для него — ведь в Оше у него был дом. Да и вообще комфортнее, когда есть свой участок, где можно проводить время на свежем воздухе, а не сидеть в душной квартире.

Следующий тип *tenure* — аренда. Этот тип включает в себя разнообразие подтипов, поскольку мигранты могут арендовать койко-место в квартире, койко-место в общежитии, койко-место в доме, комнату, квартиру, дом. Помимо этого, в рамках располагаемой суммы на аренду жилья мигранты

могут легко менять районы и места проживания, поскольку аренда в целом привязывает человека к месту в меньшей степени, чем собственность. Мы, кроме того, различаем совместную аренду квартиры и аренду койко-места в квартире в зависимости от того, как сам информант описывает характер своего проживания. Эти подтипы различаются «условием входа» для новых жителей: в квартире, которую снимают совместно, новый житель должен быть знаком кому-нибудь из соседей; в случае же, если арендуется койко-место, вопрос зачастую сводится к платежеспособности потенциального соседа и предварительное знакомство не требуется. Так, работник склада Ш. (м., 37 лет, кыргыз, № 22) после периода жизни в строительных вагончиках, который пришелся на первые его месяцы в Москве, всегда снимал койко-места в разных квартирах-общежитиях. Нынешнее свое койко-место он нашел без труда — выбрал первый удобный вариант и никаких особых условий, кроме своевременной оплаты, там не было. Существенно отличается история таксиста А. (м., 30 лет, таджик, № 59). Он арендует квартиру вместе с другими приятелями-таксистами, они вместе проводят время по вечерам и в случае, если кто-нибудь съедет с квартиры, не станут брать «первого встречного» — они скорее готовы платить более высокую арендную плату, чтобы сохранить дружескую атмосферу в квартире.

Помимо аренды койко-места в квартире, нам встречались случаи аренды койко-места на рабочем месте и аренды койко-места в доме. Так, информант У. (м., 35 лет, узбек, № 40) работает уборщиком в торговом центре, в нем же арендует койко-место. Его иногда будят по ночам и заставляют работать. Он с радостью бы переехал и занял койко-место в квартире, но у него нет денег, чтобы его арендовать: койко-место на работе стоит меньше, чем в любой квартире в Москве. Он работает недавно, ему пока что не выплатили первую зарплату, поскольку он еще не предоставил патент на работу, а не предоставил он его, поскольку у него нет денег, чтобы его оплатить. В этой ситуации улучшение жилищных условий отходит на второй план.

Койко-место в доме могут арендовать те мигранты, работа которых находится недалеко от соответствующей застройки (в основном бывших и нынешних сел и деревень). Узбечка Н. (ж., 35 лет, узбечка, № 45) работает в оптово-продуктовом центре «Фуд Сити» и выполняет разные заказы. Обычно она перебирает овощи, но на момент интервью она колола и чистила орехи. За один мешок орехов она и ее напарница зарабатывают 1200 рублей. Она арендует койко-место в деревне в четырехэтажном доме недалеко от места работы за 4 тыс. рублей. Владелец дома, дагестанец, живет со своей семьей на четвертом этаже, три других этажа он сдает под койко-места. Еще один пример такого расселения — уборщик в том же центре С. (м., таджик, 50 лет, № 52). До того как он начал работать уборщиком, он работал на кладбище в соседней деревне, арендовал койко-место в двухэтажном доме за 4 тыс. рублей, и в этом доме, по его словам, проживало примерно 100 человек. Собственники дома — москвичи, С. никогда их не видел.

В качестве примера аренды квартиры подходит история информанта Р. (м., 31 год, кыргыз, № 20). Несколько лет назад владелец ресторана, в котором Р. работает су-шефом, предложил ему посмотреть квартиру в Ясенево (районе, в котором жил у дяди с 2004 года и работал Р.). Владелец знал, что Р. искал для себя жилье, и тут выяснилось, что друг владельца сдает квартиру. Он арендовал эту трехкомнатную квартиру за 50 тыс. рублей, начал жить там с двумя братьями и сестрой. Год назад брат Р. предложил подселить к себе своего бывшего одноклассника Ш. (м., 21 год, кыргыз, № 21), который хотел съехать от своих родственников; Р. согласился. В разговоре об этой квартире, несмотря на то что все делают вклад в ее оплату, Ш. называл ее квартирой Р., и сам Р. говорил, что это он арендует, при том что скорее он является «ответственным квартиросъемщиком» уже обсужденного выше типа, в рамках которого группа знакомых снимает квартиру совместно.

От организации таких квартир-общежитий можно получить дивиденды. Если Р. арендует квартиру, чтобы жить там

со своими родственниками, то агент по недвижимости А. (ж., 35 лет, кыргызка, № 36) арендует квартиру для того, чтобы организовать там сдачу койко-мест, но кроме того, она живет там сама. Она работает агентом по аренде недвижимости с 2016 года и поэтому имеет дело с квартирами, которые выставляются на продажу. Такие квартиры она арендует по небольшой цене, заселяется, селит жильцов, а потом, когда квартира продается, выселяется в следующую такую квартиру. За последние два года она сменила четыре подобных квартиры. Сейчас она арендует четырехкомнатную квартиру на метро «Братиславская» и три комнаты из четырех сдает в аренду; более того, в свою комнату, где живет с мужем, она временно подселила девушку. Как делят плату жители комнат между собой, А. не знает и не интересуется, говорила, что не зарабатывает на этом и организует такую квартиру-общеквартиру только для того, чтобы самой не платить за жилье.

Следующий тип аренды — аренда комнаты. Как правило, мигранты арендуют комнаты, чтобы жить в них со своей семьей или с друзьями. Информант К. (м., 30 лет, узбек, № 60), например, снял комнату в поселке Хлебниково, поскольку нашел там работу. В комнате он живет с супругой, которая работает в этом же поселке; он недавно перевез ее к себе. В других комнатах проживают: в одной — братья информанта, в другой — хозяйка квартиры. Аренда комнаты составляет 10 тыс. рублей. Некоторые, однако, арендуют комнаты, чтобы жить там в одиночку: М. (м., 55 лет, узбек, № 63) снимал комнату в Ясенево с 2006 по 2013 год и сменил жилье только потому, что накопил деньги на покупку квартиры.

Типиче «проживание в месте, которое определяет работодатель» включает в себя случаи, когда мигрант по договоренности с работодателем обязан жить на рабочем месте или рядом с ним, при том что мигрант за проживание не платит (хотя, можно предположить, в некоторых случаях проживание вычитается из его зарплаты). Такое условие часто выдвигается сиделкам (информантка А. ж., 35 лет, кыргызка, № 36), поскольку им необходимо следить за подопечным 24 часа в сутки, или строителям (С., м., 52 года, таджик,

№ 52, и Г., м., 38 лет, узбек, № 56), которые живут в вагончиках на стройках или близко от них, чтобы экономить время на дорогу. В описанных случаях мигранты не выбирают место жительства, а точнее, оно идет «в пакете» с работой. Бывает, однако, что работодатель оставляет за работником-мигрантом выбор — поселиться самостоятельно или там, где скажет работодатель. Например, промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек, № 24) и его коллеги могли выбрать — жить ли в общежитии, предоставляемом работодателем, или снимать самостоятельно. Щ. выбрал первый вариант: ему удобно, что работодатель решает за него проблему с расселением, а также берет на себя ответственность по доставке Щ. и его коллег на работу.

Примеры этого же типа *tenure* — информант Б. (м., 24 года, узбек, № 26) и информантка М. (ж., 55 лет, кыргызка, № 47). Б. работает сантехником и живет в строительном общежитии, которое предоставляет работодатель, в том же районе, что и описанный выше промышленный альпинист Щ. М. работает уборщицей на «Садоводе» и живет в общежитии рядом. Работодатель взимает плату за общежитие. Мы не знаем, обязана ли М. жить в этом общежитии или она может выбрать другое место проживания, но саму информантку устраивает вариант, предложенный работодателем.

Тип «безвозмездное проживание в квартире или доме у знакомых или родственников» зачастую характеризует мигрантов, которые приезжают на заработки впервые и могут сначала жить у родственников, не оплачивая койко-место или, как правило, делая иной вклад в общее хозяйство, например организуя быт или следя за детьми. Так, пенсионерка Г. (ж., 65 лет, узбечка, № 61) два года назад перевезла из Бухары в Подмоскowie дочь, чтобы она присматривала за внуком и следила за хозяйством, пока та на работе. Другая иллюстрация этого типа — история информанта А. (м., 23 года, таджик, № 17). Он работает грузчиком в палатке с самсой в районе Теплового Стана и живет в районе метро «Озерная» вместе с мамой в квартире, которую отдал его маме во временное безвозмездное пользование ее бывший работода-

тель. Дело в том, что мама А. работала сиделкой пожилой женщины около 10 лет, и после ее смерти сын женщины разрешил ей бесплатно жить там, пока квартира выставлена на продажу. А. оплачивает только коммунальные платежи.

Тип застройки

Все типы застройки, в которых проживают информанты, мы разделили на новый и старый многоквартирный жилой фонд, индивидуальные жилые дома, строительные вагончики и общежития (Рисунок 5). Под новым многоквартирным жилым фондом мы понимаем все дома, построенные после распада СССР, под старым жилым фондом — дома, построенные до того. Проживающие в домах нового жилого фонда могут иметь квартиру в собственности, как, например, таксист А. (м., 48 лет, таджик, № 39), а могут снимать квартиру, как владелец парикмахерской И. (м., 35 лет, азербайджанец, № 48), комнату, как работница рынка Н. (ж., 45 лет, узбечка, № 43), или койко-место, как Ш. (м., 25 лет, таджик, № 50). Квартиры, которые относятся к новому жилому фонду и которые приобрели информанты, часто располагаются за МКАД, и в качестве основного объяснения именно такого расположения приводятся как стоимость — более низкая, чем внутри МКАД, — так и прочие соображения: прежде всего расположение работы. Собственник А., который купил трехкомнатную квартиру в Люберцах на стадии котлована за 5,5 млн рублей, сказал, что хотел бы жить поближе к МКАД, но не было подходящих по сумме и площади вариантов. Собственников А. и С. эта локация устраивала без оговорок, поскольку они сами работают за пределами МКАД и купили квартиры, ориентируясь на место работы. Интересно, что среди информантов не было тех, кто имел бы квартиру в собственности в старом жилом фонде — в нем информанты квартиры, комнаты и койко-места только снимали.

Следующий тип застройки — индивидуальные жилые дома. Этот тип застройки актуален в первую очередь для Подмосковья в связи с тем, что в пределах Москвы (без учета

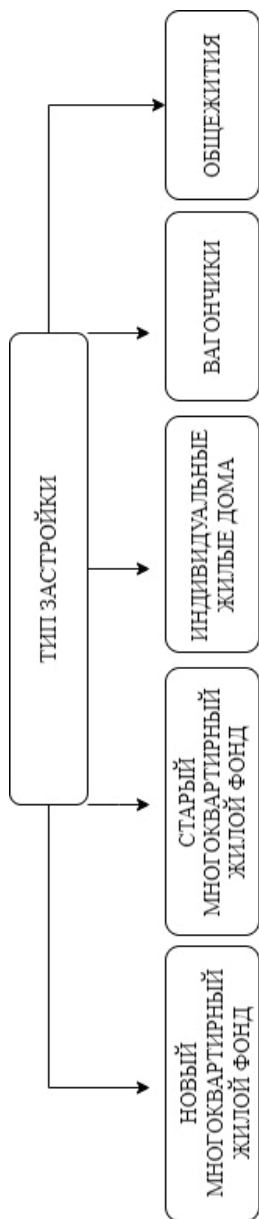

Рис. 5. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «тип застройки»

территории Новой Москвы) индивидуальные жилые дома — редкость. Сборщик сантехники А. (м., 21 год, узбек, № 62) в поселке Хлебниково полтора года арендовал койко-место в доме, который напрямую у владельца снимает Г. (ж., 65 лет, узбечка, № 61), но переехал оттуда две недели назад, объяснив свое нежелание там жить тем, что дом старый и там плохо работает отопление, в связи с чем А. постоянно был простужен и не мог выздороветь. Г., в свою очередь, рассказала, что хозяйка дома умерла и дом долго стоял пустым, после чего сын хозяйки решил его сдавать. Нового владельца Г. никогда не видела, а деньги она переводит на карту. Летом аренда дома составляет 25 тыс. рублей, зимой 20 тыс. рублей. Койко-место в этом доме стоит 4 тыс. рублей. Г. не пользуется интернетом, новые жильцы появляются в доме через знакомых. Раз в три месяца к ней приходит участковый. Обычно он, не заходя в дом, спрашивает, если ли новые жильцы, все ли у них в порядке с документами и нет ли у них каких-либо проблем. Г. всегда говорит, что все в порядке.

Помимо случаев аренды дома нам встречались случаи, когда мигранты покупали участки и строили на них дома. Выше приведен случай владельца строительного бизнеса на рынке «Строймастер» С. (м., 50 лет, узбек, № 65), который в 2010 году купил участок, построил трехэтажный дом и сейчас живет там с женой и четырьмя детьми.

Четвертый тип застройки — строительные вагончики. Они могут быть изготовлены из разного материала и быть разной величины, а кроме того, строительные городки, которые состоят из таких вагончиков, могут различаться размерами и характеристиками благоустройства. Обычно такое жилье предоставляется работодателем, и проживание в нем идет «в пакете» с работой, при этом на основании имеющихся данных нам сложно говорить о том, может ли мигрант или бригада отказаться от проживания как части этого «пакета», получив вместо этого деньги на аренду. Кроме того, нам не встретилось случаев аренды строительного вагончика отдельными мигрантами. Пример проживания в вагончике — это рабочий Г. (м., 38 лет, узбек, № 56). Он живет в таком

типе застройки рядом с деревней в Новой Москве. Там с другими рабочими он обрабатывает торф. Жилье всей бригаде предоставляет работодатель, а кроме того, он компенсирует затраты на продукты.

Последний выделенный тип — проживание в общежитии. Мы выделяем общежития как тип застройки и отделяем их от квартир, которые функционируют как общежития и которые были описаны выше. Такие общежития — это отдельно стоящие здания, год их постройки может быть разным. Этот тип жилья зачастую арендуют работодатели для своих сотрудников. Часть полевой работы проходила в нескольких общежитиях недалеко от Сколково. Известно, что в этих общежитиях селятся мигранты, так или иначе со Сколково связанные. В одном из них койко-места снимают для своих сотрудников строительные компании, строящие Сколково. В другом — живет промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек, № 24), который работает в компании, Сколково обслуживающей.

СОЦИАЛЬНЫЕ КРУГИ В МЕСТЕ ПРОЖИВАНИЯ

Следующим основанием классификации стали характеристики социальных кругов в месте проживания. В ее рамках были выделены следующие типы: проживание в одиночку, с семьей, с родственниками, с представителями своей этнической категории, не являющимися семьей или родственниками, и с представителями других этнических категорий, не являющимися семьей или родственниками (Рисунок 6).

Существует стереотип, что мигранты стараются жить вместе, «кучно»; об этом же нам рассказала эксперт, владелица агентства по недвижимости Н., и, скорее всего, в той или иной степени это действительно так; тем не менее в некоторых случаях мигранты селятся по одному. Так живут в настоящий момент Д. (м., 53 года, таджик, № 9) и И. (м., 35 лет, азербайджанец, № 48). Д. работает сотрудником «мигрантской» НКО. Несколько лет назад он купил однокомнатную квартиру в Люберцах — в районе, где он жил раньше. Д. до-

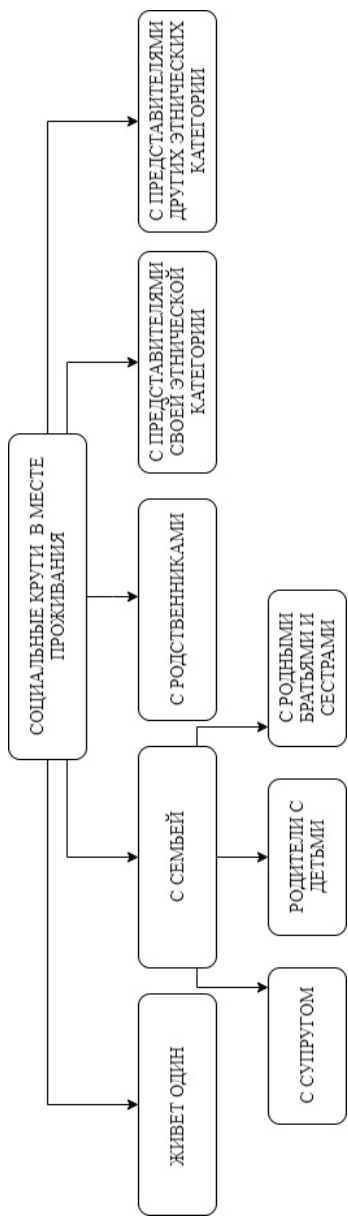

Рис. 6. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «социальные круги в месте проживания»

бирается на работу примерно два часа; при выборе района было важно, что там живут знакомые и они могли бы ходить друг другу в гости по вечерам. И. — владелец парикмахерского салона, арендует однокомнатную квартиру и живет один.

Все остальные выделенные типы действительно подразумевают соседство. Один из них — проживание с семьей. В свою очередь, внутри этого типа выделяется проживание с супругом, с супругом и детьми или с родными братьями и сестрами. Кыргызка К. (ж., 29 лет, кыргызка, № 31) проживает со своим супругом-строителем. Она переехала год назад, работает пекарем на Савеловском рынке в пекарне. Они снимают комнату в Подмоскovie, рядом со стройкой, где работает супруг. К. приходится тратить в день 2 часа на дорогу к своему месту работы. Комнату нашел ее супруг до приезда, она не участвовала в принятии решения. Кыргыз С. (м., 50 лет, узбек, № 65) вместе с семьей живет в собственном доме в Новой Москве, его дети родились уже в России. Кроме того, в выборке представлен случай, в рамках которого пожилые родители живут с совершеннолетними детьми, при том что резидентные решения в целом принимают последние (А., ж., 52 года, армянка, № 27). С братьями и сестрами живет электрик Э. (м., 22 года, таджик, № 28). Он переехал год назад к своему брату, который живет и работает в Москве около 15 лет. Они снимают двухкомнатную квартиру в районе метро «Водный стадион»; вместе с ними живут еще две их сестры, обе работают уборщицами. Квартиру снял старший брат Э. несколько лет назад.

Следующий тип — проживание с двоюродными и троюродными родственниками. На момент интервью с такими родственниками проживал таксист Н. (м., 28 лет, кыргыз, № 33). Он приехал в Москву неделю назад, временно поселился у родственников в двухкомнатной квартире на Преображенской площади, в трех остановках от метро. В большой комнате спят 4 человека, в другой комнате — 3. Он никогда не интересовался, как родственники (семья двоюродного брата отца) нашли эту квартиру, и знает лишь, что они живут

там уже давно. Сейчас, впрочем, он ищет другое жилье, чтобы жить поближе к метро.

Другой распространенный тип расселения при первом приезде — проживание с представителями своей этнической категории, которые не являются родственниками. Представителями той же этнической категории могут быть как знакомые информанта из его страны, так и новые люди, с которыми он познакомился по приезду. Например, информант К. (м., 38 лет, кыргыз, № 30) живет с другими кыргызами, с которыми он познакомился уже в Москве в съемной двухкомнатной квартире на «Алексеевской». Там живет всего 7 человек: и мужчины, и женщины. Женщины работают продавщицами, мужчины — на стройках. При поиске жилья у К. не было критерия, чтобы все в квартире были его национальности. Но поскольку он общается только с кыргызами, с ними же работает и через знакомых искал жилье, можно сказать, что это его постоянный, повторяющийся от одной квартиры к другой тип проживания.

Последний тип расселения по заданному основанию — проживание с представителями других этнических категорий. Чаще всего так живут в общежитиях или квартирах-общежитиях, где проживает сейчас А. (м., 21 год, узбек, № 62). Пару недель назад он переехал в однокомнатную квартиру, где живут четверо его коллег по работе, среди которых два узбека и таджик. Раньше они не были знакомы, эту квартиру А. нашел через своего друга с работы, он познакомил А. с жильцами квартиры, поскольку те искали еще одного соседа, чтобы меньше платить за квартиру. Интересно, что формально к этому типу относится и проживание домашних работниц, которые зачастую обслуживают представителей иных этнических категорий, и съем комнаты или койко-места в квартире у немигрантов, при том что последние продолжают жить там. Сиделка Д. (ж., 44 года, кыргызка, № 18) ввиду своей работы обязана жить со своей подопечной — русской пенсионеркой, а таджик М. (м., 28 лет, таджик, № 8) снимает комнату в квартире у русской женщины, которая живет в соседней комнате. Приведенные примеры тяготеют

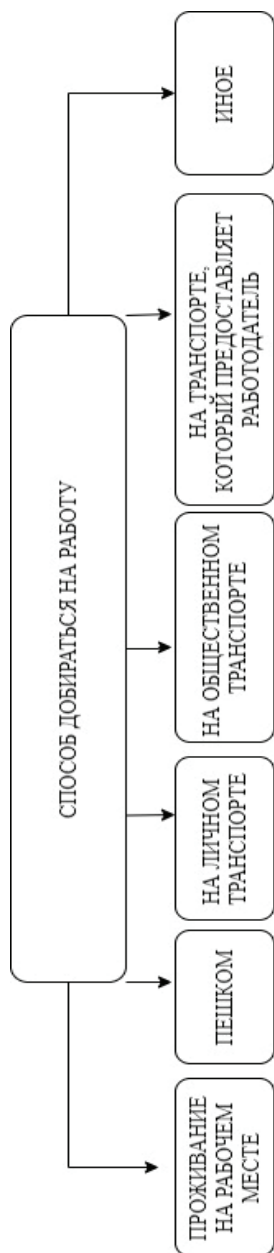

Рис. 7. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «способ добираться на работу»

к одному из чистых типов, однако в ходе исследования встречались случаи, которые однозначно отнести к одному из типов было затруднительно. Например, курьер Э. (м., 29 лет, кыргыз, № 42) живет в квартире-общежитии, которую организует его двоюродная тетя. Помимо Э., в квартире живет около 17 человек, среди которых кыргызы, узбеки, казахи, один русский. А санитарка Д. (ж., 42 года, таджичка, № 15) снимает двухкомнатную квартиру в Королеве за 20 тыс. рублей, где сначала она жила со своими тремя детьми, а затем поселила к себе таджичку, с которой не была знакома раньше, чтобы делить арендную плату.

СПОСОБ ДОБИРАТЬСЯ НА РАБОТУ

Классификация по способу добираться на работу основывалась на гипотезе, что мигранты, выбирая место проживания, зачастую в первую очередь ориентируются на расположение работы. Все способы передвижения на работу, которыми пользовались информанты, можно разделить на проживание на рабочем месте, пешком, на личном транспорте, на общественном транспорте, на транспорте, который предоставляет работодатель, и иное (Рисунок 7).

На рабочем месте проживают чаще всего мигранты, которым предоставляет жилье работодатель. Среди информантов, относящихся к этой категории, — Г. (м., 38 лет, узбек, № 56), который живет в вагончике рядом со стройкой, а также два уборщика: У. (м., 35 лет, узбек, № 40), проживающий в подсобном помещении торгового центра, в котором он работает, и С. (м., 52 года, таджик, № 52), который живет в общежитии, которое днями убирает.

Те, кто добираются на работу пешком, как правило, тратят на дорогу до получаса. Пешая доступность от работы — зачастую весомый фактор при выборе жилья. Например, работник супермаркета недалеко от станции метро «Академическая» Ш. (м., 37 лет, кыргыз, № 22) раньше жил в Черемушках и ездил на работу на общественном транспорте. После того как ему пришлось сменить жилье, он в первую

очередь искал койко-место в Академическом районе, чтобы сэкономить на транспорте. Некоторые мигранты, кроме того, выбирают жилье в пешей доступности от места работы, чтобы не спускаться в метро и не взаимодействовать с полицией. Курьер Э. (м., 29 лет, кыргыз, № 42) сказал, что в этом году он впервые сделал патент на работу, раньше всегда работал без него и для безопасности переехал в район метро «Бабушкинская», чтобы ходить пешком и не сталкиваться с полицией в метро.

На личном транспорте добираются на работу владельцы строительного бизнеса М. (м., 55 лет, узбек, № 63), С. (м., 50 лет, узбек, № 65) и логист Ф. (м., 30 лет, узбек, № 64). М. каждый день добирается из поселка в Новой Москве на свой склад и офис, расположенные на рынке «Строймастер», около 20 минут без пробок, 40 — с пробками. С., коллега М., примерно столько же тратит времени на дорогу, добираясь из города Троицк. Эти два информанта имеют в собственности дома, которые построили, ориентируясь на близость к строительному рынку, поскольку они занимаются строительным бизнесом по 10 лет и намерены продолжать. Их общий друг Ф. работает логистом в компании на Ленинском проспекте, куда добирается за 40–50 минут из города Московский, где он пару лет назад купил квартиру в ипотеку.

Время на дорогу к месту работы тех мигрантов, которые добираются на общественном транспорте, занимает от 10 минут до 2 часов. Они могут добираться на автобусах, трамваях, метро, электричках и такси.

На транспорте, который предоставляет работодатель, перемещается промышленный альпинист Ш. (м., 28 лет, узбек, № 24). Он живет в общежитии недалеко от Сколково в комнате со своими коллегами. Каждое утро за ними приезжает машина, отвозит их на строительный объект в Сколково, вечером забирает обратно.

Выводы

Можно, таким образом, говорить, что мигранты, вопреки расхожему мнению, живут весьма разнообразно, и наряду с арендаторами койко-мест в квартирах-общежитиях встречаются, с одной стороны, собственники квартир и домов, с другой — например, те, кто бесплатно или за небольшие деньги живет на рабочем месте. В главе 6 мы детальнее поговорим о том, насколько частотны некоторые из выделенных типов проживания; сейчас же важно было зафиксировать все их разнообразие и «оживить» каждый из них посредством кратких описаний биографий мигрантов и их интеграционных траекторий в принимающем обществе.

Глава 4

Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах и детерминанты их складывания¹

Введение и методология исследования

И все-таки: складываются или не складываются в России места резидентной концентрации мигрантов? Насколько верно мнение, согласно которому мигранты расселяются в российских городах равномерно (Деминцева, Пешкова, 2014; Demintseva, 2017), или скорее правы те авторы, которые говорят о складывании мест, где мигрантов значительно больше, чем в других местах (Вендина, 2004; Мукомель, 2008; Этнические рынки..., 2015)? Или, может быть, эти две позиции на самом деле не противоречат друг другу? В этой главе мы — на основании масштабного исследования всех российских городов-миллионников — показываем, что, несмотря на то, что мигранты в целом селятся в большинстве районов российских городов, фрагменты застройки, в которых их доля существенно выше, чем в среднем по городу, все-таки существуют. Такие фрагменты застройки мы назвали местами резидентной концентрации. Более того, история

¹ «Эта глава написана на основе публикации, принятой к печати в журнале “Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены” (№ 6 (2022))»

складывания таких мест практически не отличается от города к городу. В этой главе мы для начала опишем методологию исследования, затем приведем обобщенное описание таких мест, вслед за этим укажем факторы, объясняющие, почему в некоторых городах такие места складываются, а в конце приведем пример такого места (Темерник, Ростов) и порассуждаем о других типах мест резидентной концентрации мигрантов в России.

Исследование проводилось в два больших этапа. Прежде всего, в целом произвольным образом было выбрано три пилотных города — Москва, Екатеринбург и Красноярск — и в каждом из городов была проведена серия экспертных интервью с урбанистами и исследователями миграции, по результатам которой был сформирован список мест, о которых эксперты говорили как о местах резидентной концентрации мигрантов. Следующим шагом был анализ статистических данных (переписи и доступной школьной статистики), а также скрининговые посещения этих мест. Работа в этих местах осуществлялась посредством экспресс-интервью¹, экспертных интервью со специалистами по конкретным локациям (к ним относились администрация школ, консьержки, полицейские и проч.) и наблюдения. Было проведено сопоставление результатов изучения мест из списка, и по его результатам в каждом городе было выделено одно место, где резидентная концентрация мигрантов была выше (обычно существенно), чем в других местах. Выявление мест резидентной концентрации, таким образом, носило прежде всего индуктивный характер и в целом предполагало два условия: во-первых, наличие резидентной застройки (в связи с чем строительные городки, которые являются местом резидент-

¹ Экспресс-интервью — короткие полуструктурированные интервью, обычно берутся на улице или на объектах инфраструктуры и длятся от 3 до 15 минут. Они отличаются от глубинных интервью меньшей длительностью и подробностью, их основной плюс состоит в том, что о них не нужно договариваться и в рамках одного проекта их можно взять значительно больше, чем глубинных. Анализ таких интервью осуществляется на основании того же набора методов, что и анализ глубинных интервью.

ной концентрации мигрантов, но иного типа, во внимание не принимались), во-вторых, более высокую долю мигрантов в сравнении с другими местами в городе. Далее выделенные места стали объектом экспедиционной полевой работы, состоящей в проведении множественных экспресс-интервью, позволяющих в общих чертах дать ответ на вопрос о доле мигрантов в той или иной части застройки.

Основным способом определения приблизительной доли мигрантов, живущих в том и ином месте в исследуемых городах, была комбинация наблюдения и интервью. Соответствующие исследовательские мероприятия были организованы следующим образом. Прежде всего определялись границы застройки, в которой предстояло определить долю проживающих мигрантов, затем в этой застройке классифицировались дома и на этой основе делалась выборка домов и подъездов, в отношении которых предстояло оценить приблизительную долю мигрантов. Затем рядом с этими домами осуществлялось наблюдение и проводилась серия экспресс-интервью жителей этих домов; при этом наряду с вопросами о «районе в целом», в котором, по мнению информантов, обычно оказывалось «очень много мигрантов», задавался вопрос о том, сколько «мигрантских квартир» в подъезде, в котором живет информант, а также у него на этаже. В этом случае доля мигрантов оказывалась ниже, и на нее в первую очередь мы и ориентировались в расчетах. Экспресс-интервью проводились как с местными, так и с мигрантами и продолжались до тех пор, пока не складывалось отчетливое, непротиворечивое представление о доле мигрантов в соответствующем доме и каждое следующее интервью только подтверждало сложившееся представление. Этот способ был основным элементом методологической конструкции исследования.

По результатам этих интервью можно было в целом сделать выводы относительно того или иного подъезда или дома и выразить их в процентах, отдавая себе отчет в приблизительности таких вычислений. Более подробным вариантом использования этой методологии стал поквартирный обход в одном из подъездов дома в Котельниках, считающе-

гося наиболее мигрантским (см. главу 5). В процессе и по результатам этой работы выделялись места наибольшей концентрации мигрантов. Содержательным результатом этого этапа стало обнаружение того, что во всех трех городах такие места складываются вокруг крупных оптовых рынков, более того, складываются они по похожему сценарию.

На втором этапе было решено сконцентрироваться на рынках и на основании кабинетной и полевой работы в остальных российских городах-миллионниках убедиться, насколько такие места воспроизводятся от города к городу, а также насколько похожа история их складывания. В случае, если бы ответ на оба этих вопроса был положительным, можно было бы утверждать, что за этими явлениями существует паттерн. На этом этапе вновь сначала осуществлялся поиск и анализ академической и неакадемической литературы о расселении мигрантов и местах их резидентной концентрации в городах, равно как и об истории пространственного развития этих городов, но также создавался реестр наиболее крупных рынков города (при этом упор делался на вещевые и плодоовощные рынки). Кроме того, проводились онлайн-интервью с экспертами¹. Для того чтобы подобрать экспертов для интервью, был выделен идеально-типический набор необходимых экспертов: историк-урбанист, специалист по миграции, а также руководитель мигрантской организации, «представляющей» наиболее многочисленную мигрантскую группу. Фактический набор мог отличаться от идеально-типического, и зачастую экспертов было больше. По завершении этого этапа в каждый из городов была осуществлена исследовательская поездка, в рамках которой проверялись гипотезы о местах резидентной концентрации вокруг наиболее крупных рынков, а также собиралась допол-

¹ Сначала эта форма была выбрана вследствие ковид-ограничений, однако затем стало понятно, что интервью — в особенности посвященные городской среде — по видеосвязи проводить значительно удобнее. Одно из удобств состоит в том, что у эксперта появляется возможность демонстрации экрана с картой города, а информанты могут записать такую «виртуальную экскурсию» на видео.

нительная информация о механизмах их складывания. Эта гипотеза вновь проверялась прежде всего на основании серии экспресс-интервью в застройке, однако наряду с изучением застройки, прилегающей к рынкам, проводились экспресс-интервью на самом рынке, в ходе которых изучались «этнический профиль» и примерная география расселения работников рынка, а также интервьюировались люди, по тем или иным представлениям имеющие представление о месте (продавцы магазинов, директора школ и проч.). Собранная информация была организована в кейсбук, единицей анализа в рамках которого стал рынок, а результатом — описание приблизительной доли мигрантов в застройке, связанной с рынком, а также факторы складывания или нескладывания там места резидентной концентрации. Из этих факторов затем была создана теоретическая модель.

Совокупное число случаев (связок «рынок-застройка») во всех городах на обоих этапах исследования составило 37, совокупное число экспресс-интервью составило 877, совокупное число экспертных интервью составило 108.

У такого способа работы есть ряд ограничений. Во-первых, описанный способ определения доли мигрантов в застройке сам по себе не является точным и, по сути, позволяет лишь грубо различить ситуации, в рамках которых: мигрантов нет или почти нет; мигранты есть, но их немного; мигранты есть, их много, но не большинство; мигрантов большинство. За исключением анализа больших данных, однако, это единственный способ ответить на поставленный вопрос, более того, сопоставление случаев на основании этой имплицитной шкалы — с известной долей приблизительности — позволяет осмысленно группировать изученные случаи. Во-вторых, часто возникал вопрос границ исследуемой застройки, и исходя из этого существенно варьировалась даже примерно определяемая доля мигрантов, там проживающих. Обычно в фокусе оказывался ближайший радиус от рынка, где есть жилая застройка, однако кроме того, изучались дома, отстоящие на некотором расстоянии от рынка. Иногда, впрочем, границы носили вполне отчетливый характер, и такой проблемы не стояло. В-третьих,

далеко не всегда рынку соответствовала одна-единственная совокупность зданий: в некоторых случаях их может быть несколько — например, СНТ (садовое некоммерческое товарищество), квартал многоэтажек советского периода и современный ЖК (жилой комплекс). В таких случаях анализировать факторы, объясняющие долю мигрантов в них, а также складывание или не складывание там мест резидентной концентрации, приходилось в отдельности по каждой совокупности зданий. В-четвертых, возникала проблема отбора рынков. Мы исходили из того, что в городе есть как минимум два больших рынка — вещевой и плодоовощной. Эмпирически, однако, иногда вещевой оптовый рынок или крупный плодоовощной распределительный центр в городе отсутствуют, и предприниматели ездят на закупки в другие регионы. В результате в городе вместо одного большого рынка есть несколько не таких больших. По факту — в той или иной степени — было изучено большинство крупных рынков городов и застройки вокруг них, однако, если на основании нескольких первых интервью становилось понятно, что места резидентной концентрации там не складываются, — результаты работы фиксировались и работа продолжалась в следующем месте.

Вместе с тем, несмотря на эти ограничения и очевидные несовершенства методологии, вся совокупность данных, собранных в 15 городах России и организованная в 37 случаев, позволяет нарисовать достаточно четкую картину: описать идеально-типический случай места резидентной концентрации, а также механизмы его складывания, выделить факторы, связанные со складыванием мест резидентной концентрации, оценить вариативность и «вес» каждого из них и в конечном счете оптимально объяснить, каким образом места резидентной концентрации мигрантов, связанные с рынками, складываются в России.

Результаты исследования

Из 37 случаев только в шести место резидентной концентрации было выражено ярко (от 20% мигрантских квартир).

Перечислим эти случаи. Это (1) район Покровских проездов и микрорайон Южный в подмосковном городе Котельники (оба этих места резидентной концентрации связаны с рынком «Садовод»), (2) район Сортировка в Екатеринбурге, связанный с рынком Таганский Ряд, (3) район Темерник в Ростове-на-Дону, связанный с одноименным рынком, (4) район Авиагородок в Самаре, примыкающий к Кировскому вещевому рынку, и (5) застройка рядом с Хилокским рынком, а также (6) несколько жилмассивов рядом с частично закрывшимся кластером рынков на Гусинобродском шоссе в Новосибирске.

Был ряд случаев, в которых, хотя и можно говорить о концентрации мигрантов, примерная доля мигрантских квартир была ниже 20%. В частности, это застройка рядом с Юго-Западным рынком в Воронеже, район улиц Калмыкова и Комаровского, расположенный через реку от Китайского рынка в Челябинске, район Тракторозаводского рынка в Волгограде, микрорайон Затон в Уфе, а также район КрасТЭЦ в Красноярске. Был ряд случаев, в которых доля мигрантов в прилегающей застройке высока, однако совокупное количество этой застройки совсем небольшое. Наиболее яркие случаи такого типа — район Канавинского рынка в Нижнем Новгороде, где преобладающая застройка — это частный сектор и есть «мигрантские» улицы, однако совокупно этой застройки немного, всего несколько улиц; а также район овощебазы на улице Адоратского в Казани, где непосредственно прилегающей к рынку застройкой является всего один дом, но он представляет из себя общежитие, где бóльшая часть жителей — мигранты.

Оставшиеся случаи характеризуются еще более низкой долей проживающих мигрантов. Возможно, она остается более высокой, чем в других местах в городе, однако в рамках принятого в рамках проекта рабочего определения места резидентной концентрации, а также в свете отсутствия должного инструментария такие места скорее рассматривались как несложившиеся места резидентной концентрации и исследовались на предмет факторов, объясняющих, почему так произошло. Такой анализ также способствовал созданию

описания идеального типа и изучению роли каждого фактора в складывании или нескладывании мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков.

Итак, что представляет из себя идеально-типическое место резидентной концентрации мигрантов рядом с рынком? Это жилая застройка, непосредственно примыкающая к большому рынку на городской периферии, вокруг которого зачастую располагаются прочие предприятия, трудоустраивающие мигрантов, — например автосервисы или кафе. Застройка эта чаще всего многоэтажная. В этой застройке средняя доля «мигрантских» квартир (или иных резидентных единиц), взятая от всех квартир дома, составляет от 20%, однако в силу того, что мигранты в среднем живут плотнее, чем местные (с одной стороны, в квартирах могут формироваться своего рода общежития, с другой — в мигрантских семьях в среднем больше детей, чем в немигрантских), доля мигрантов ко всем живущим в такой застройке может быть выше, чем доля мигрантских квартир. В такой застройке, кроме того, редко, но встречаются дома, в которых и доля мигрантских квартир превышает 50%. Обычно это дома, непосредственно примыкающие к рынкам или находящиеся внутри них. По мере отдаления от рынка зачастую, однако, доля как мигрантских квартир, так и мигрантов в целом падает, и в целом совокупная доля мигрантов во всей застройке почти никогда не превышает 50%. Немигрантское население этих районов чаще всего относится к одной из трех категорий. Во-первых, это жители, поселившиеся там в советское время и оттуда не переехавшие: пенсионеры, люди, занятые на низкоквалифицированных работах, иногда — нынешние работники заводов, с которыми в советское время была ассоциирована эта застройка. Во-вторых, это потомки «заводчан», которые — чаще всего после смерти своих старших родственников — решили там поселиться. В-третьих, это внутренние — внутрирегиональные или трансрегиональные — мигранты, которые снимают или покупают там квартиры в связи с низкой их стоимостью, а также молодые семьи, в которых как минимум один из супругов родился

в городе, где расположен район. Нередко, кроме того, внутри или рядом с этой застройкой есть школа — в ней доля учащихся мигрантов может быть больше 50%, и она считается «мигрантской», однако, если таких школ больше чем одна, цифры по мигрантам в них могут существенно различаться.

Как такие места складываются? В начале 1990-х на городской периферии — на пустыре или на месте до того существовавшего рынка — возникает большой вещевой или плодоовощной рынок (овощебаза). Этот рынок становится важным логистическим узлом для города, региона и иногда даже соседних регионов. Работают на этом рынке преимущественно мигранты из Закавказья и затем — все больше — из Средней Азии. Эти мигранты занимаются торговлей или обеспечивают функционирование рынка. В рамках снижения издержек на проживание и перемещение до работы такие мигранты предпочитают селиться в пешей доступности от рынка, тем самым обеспечивая спрос на застройку, непосредственно к рынку примыкающую. Параллельно идет отток населения, который напрямую не связан с наличием рынка: зачастую речь идет об окраинных, нередко заводских районах, уровень жизни в которых один из самых низких в городе, отчего те, кто имеет возможность переехать в другие районы, делает это и тем самым «освобождает места» для мигрантов. В этих районах, кроме того, нередко идет точечное и микрорайонное строительство, появляются новостройки эконом-класса, и в них мигранты селятся еще чаще, чем в старом жилом фонде. По мере того как в прилегающей к рынку застройке доля мигрантов повышается, во-первых, район становится известен в городе как мигрантский, и следствием этого является то, что селиться там избегают некоторые из тех, кто выбирает район для покупки или аренды недвижимости; во-вторых, там с большей вероятностью селятся мигранты, которые не работают на рынке, — прибыв в город, первое время они живут у знакомых в этом районе, а затем, когда решают, где снять койко-место, комнату или квартиру, остаются жить по соседству. Это связано с тем, что этот район им уже известен, вокруг есть мигрантская инфраструктура,

например кафе, а кроме того, за время жизни в этом районе они успели познакомиться с другими живущими здесь мигрантами и, скорее всего, именно через них они и узнали о возможности арендовать в этом районе недвижимость. Дополнительным аттрактором для мигрантов — в первую очередь семейных — в этом районе является «мигрантская» школа. Это школа, в которой к детям-мигрантам «привыкли», не чинят им препятствий в том, что касается зачисления, а также, возможно, в ней есть специальные программы для таких детей.

Именно так можно обобщить всю совокупность случаев, однако, кроме того, есть типичные вариации и девиации. В частности, застройка вокруг может быть не многоэтажной, а частным сектором. Рынок мог сложиться как еще в советское время, так и в последние годы (зачастую был осуществлен перенос рынка со старого места на новое). Район, где возник рынок, мог быть не периферийным, а относительно центральным. Более того, в той мере, в какой идеальный тип создавался на основе наиболее ярких случаев, похожие механизмы действовали и в тех случаях, когда доля мигрантов по разным причинам так и не достигла условных 20%.

Поместив все исследованные случаи в анализ, мы выделили факторы, которые объясняют складывание или нескладывание места резидентной концентрации. Опишем эти факторы и механизмы, за ними стоящие.

Количество мигрантов в городе

В целом очевидно, однако в рамках создания модели требует упоминания то, что чем выше доля мигрантов к населению города и региона, тем выше вероятность складывания мест концентрации. И действительно, согласно нашим вычислениям¹, из регионов, попавших в выборку, места резидентной концентрации чаще всего складываются именно там, где эта

¹ Сначала по специальному запросу были получены данные по количеству постановок на миграционный учет иностранцев из разных стран в регионах России, затем количество постановок на миграционный учет

доля выше всего. Москва занимает в этом «чарте» первое место, Новосибирская область — третье, Свердловская область — четвертое, а Самарская — пятое. Исключениями в этом отношении являются Санкт-Петербург и Ленинградская область, с одной стороны, и Ростовская область — с другой. Санкт-Петербург и Ленинградская область принимают мигрантов почти что наравне с Москвой, однако ярко выраженных мест резидентной концентрации там не складывается; Ростовская область, наоборот, находится в нижней четверти по доле мигрантов, однако именно там зафиксировано наиболее ярко выраженное место резидентной концентрации.

Тип и величина рынка

Рынки или рыночные кластеры различаются в том, что касается их «профиля», который может оказаться более или менее «мигрантским». Скажем, на оптовых плодоовощных рынках чаще всего работают мигранты, а на строительных рынках — наоборот, местные. Вещевые рынки в этом смысле занимают промежуточные позиции, однако «мигрантскость» рынка также различается от региона к региону. Фактор величины рынка также является интуитивно понятным, и в этом смысле эталонным «большим» рынком является «Садовод», где, как следует из информации на сайте, на 40 га территории располагается 8000 магазинов (ТК Садовод, б. д.), однако величина важна не сама по себе, а в связи с рабочими местами, которые существуют на рынке — их количеством и типом. Оптовые рынки, по всей видимости, с большей вероятностью будут создавать места резидентной концентрации в связи с тем, что на них работает больше низкоквалифицированных работников — грузчиков, тележечников и проч.; внутренняя же логистика розничных рынков, пусть и относительно больших, столько низкоквалифицированных работников не требует, и многие из тех, кто продает там, —

иностранцев из закавказских и среднеазиатских стран было разделено на количество жителей региона.

это «осевшие» мигранты с собственной квартирой и личным транспортом, который в том, что касается места жительства, «отвязывает» их от места работы.

Давность существования рынка

В случае, если рынок существует давно и с ним не происходило никаких «метаморфоз», в частности переноса некоторых его частей в прочие места, вероятность, что вокруг него сложится место резидентной концентрации, выше, чем если рынок недавний. Из всех случаев, где место резидентной концентрации было ярко выраженным, лишь московский случай нарушает эту закономерность («Садовод» возник после ликвидации Черкизовского рынка в 2009 году), в остальных же случаях рынки возникают в 1990-х или даже в советское время (Гусинобродский рыночный кластер). В некоторых случаях (Восточный рынок в Челябинске и Колхозный рынок в Казани) места резидентной концентрации существовали ранее, однако затем — с переносом части рыночной инфраструктуры — они сошли на нет. В свою очередь, если рынок оказывается перенесенным в новое место, это — при определенных обстоятельствах — может не привести к тому, что за ним «последует» и место резидентной концентрации мигрантов: перенос торговли с Гусинобродского шоссе в специально построенный Норд-Молл в Новосибирске не привел к формированию там места резидентной концентрации, и многие «рыночные» мигранты остались жить на старом месте.

Стоимость покупки и аренды недвижимости в застройке, ассоциированной с рынком, на городском фоне

Если стоимость покупки и аренды недвижимости в застройке, прилегающей к рынку, ниже, а еще лучше существенно ниже, чем в среднем по городу, вероятность того, что в этой застройке сложится место резидентной концентрации, выше, чем если это не так. Авиагородок, примыкающий

к Кировскому рынку в Самаре, а также застройка, располагающаяся рядом с ростовским рынком Темерник и новосибирскими Хилокским и Гусинобродским рынками, — это почти самые дешевые районы в соответствующих городах (Маркетинговое исследование... (Новосибирск), 2018; Маркетинговое исследование... (Ростов-на-Дону), 2018; Маркетинговое исследование... (Самара), 2018). Эта логика, впрочем, несколько нарушается в Екатеринбурге и Москве, где конструкция факторов, создающая место резидентной концентрации, в меньшей степени включает в себя ценовой контраст застройки в сравнении с другими районами. Есть и другой нюанс: по всей видимости, в таких районах возникает особый, мигрантский, спрос, который в конечном счете может поднять цены на часть недвижимости; впрочем, как именно устроен этот спрос и как он влияет на ценообразование — вопрос отдельного исследования.

Дистанция от рынка до застройки

Можно выделить три ситуации. В рамках первой рынок и застройка частично накладываются, некоторые здания находятся на территории рынка, некоторые — на границе, а некоторые — сразу за ней; в рамках второй застройка и рынок находятся в пешей доступности; в рамках третьей от рынка до застройки и наоборот необходимо добираться на транспорте. При прочих равных первая и вторая ситуации будут способствовать складыванию места резидентной концентрации, и примером такой пространственной соотнесенности застройки и рынка является Сортировка в Екатеринбурге (застройка накладывается на рынок), Темерник в Ростове и Авиагородок в Самаре (застройка примыкает к рынку). Третья ситуация, наоборот, способствует более дисперсному расселению, поскольку сама необходимость добираться на транспорте позволяет на равных основаниях рассматривать жилье на довольно обширной территории. Возможно, именно поэтому в уфимском микрорайоне Затон так и не сложилось места резидентной концентрации

мигрантов: при том что большинство работников рынка «Евразия», по всей видимости, действительно живут в этом районе. Дело в том, что до работы они добираются на транспорте, а значит, во-первых, им все равно, где именно в Затоне жить, во-вторых, некоторые работники базы выбирают жить в других местах. Здесь, впрочем, вмешивается следующий фактор, описывающий застройку, — ее количество и отграниченность.

Количество застройки и ее отграниченность от прочей застройки

Рынок — это всегда ограниченное количество рабочих мест, и даже с учетом того, что рядом с рынками селятся мигранты, работающие не только на рынке, если рядом с рынком много жилой застройки, мигранты в ней «растворятся», и место резидентной концентрации не сложится. Наоборот, способствовать складыванию места резидентной концентрации будет ситуация, когда застройки относительно немного и она отделена от прочей застройки, тем самым становясь очевидным приоритетным местом поселения мигрантов, которые работают на рынке. Многие случаи, в рамках которых не сложилось места резидентной концентрации, как раз характеризуются тем, что вокруг рынков там располагаются огромные массивы пространственно недифференцированной резидентной застройки. Скажем, среди прочего этот фактор не позволил сформироваться месту резидентной концентрации рядом с рынком Юнона в Санкт-Петербургском районе Автово или Юго-Западным рынком в Воронеже; обратным же примером является район Темерник в Ростове — он относительно небольшой и отгорожен от прочих районов железной дорогой и промзоной.

Характеристики застройки

Среди вариантов застройки, прилегающей к рынкам, можно выделить, с одной стороны, частный сектор, с другой —

мало- и многоэтажную застройку; при этом в последней следует различать новостройки и многоэтажки советского времени, а среди них, в свою очередь, выделяются многоквартирные дома и общежития/коммуналки. Механизмы, посредством которых каждое из различений связано с вероятностью складывания мест резидентной концентрации, разные. Так, если рядом с рынком расположен частный сектор, «мигрантскими» часто становятся улицы, которые непосредственно прилегают к рынку; при этом через три-четыре улицы «эффект рынка» полностью теряется в связи с тем, что хозяева участков, отделенных от внешнего мира высокими заборами, добираются до своих участков на транспорте и в целом не рассматривают соседство с рынком как что-то мешающее. Как следствие, не происходит ни оттока местных в связи с рынком, ни избегания этого района теми, кто собирается купить дом в частном секторе. Из многоэтажек предиктором складывания мест резидентной концентрации, вопреки интуиции, являются новостройки эконом-класса, а не здания советского времени постройки. Это связано с тем, что в новостройках мигрантам не приходится конкурировать за жилье с теми, кому жилье досталось там в советское время. При этом, если сравнивать между собой общежития советского времени постройки и многоквартирные дома того же времени, более мигрантскими будут общежития, потому что чем мельче резидентная единица, тем выше на нее специфически «мигрантский» спрос. Ярче всего — в пользу складывания мест резидентной концентрации — этот фактор проявился в ростовском районе Темерник, где застройка — это бывшие общежития завода Ростсельмаш и бюджетные новостройки; и, наоборот, местом, где, наряду с прочими факторами, проживание населения советского времени не позволило сложиться полноценному месту резидентной концентрации, стал красноярский район КрасТЭЦ.

Таким образом, обобщая, можно сказать, что места резидентной концентрации рядом с рынком складываются с большей вероятностью в случае, если (1) в городе высока доля мигрантов к населению, (2) рынок большой, «мигрант-

ский», существует давно, (3) существует застройка, непосредственно примыкающая к рынку и пространственно отделенная от прочих районов, (4) стоимость недвижимости — на покупку и в аренду — в этой застройке низкая, (5) эта застройка преимущественно состоит из новостроек и общежитий. Наиболее ярким случаем совпадения такой конструкции факторов является район Темерник в Ростове-на-Дону, который мы приведем в качестве иллюстрации.

Случай: Темерник, Ростов-на-Дону

Ростов-на-Дону, развившись из небольшой крепости, в конце XIX века пережил бурный рост, с чем связано складывание престижного центра, окруженного малоэтажным «самостроем»¹. В советский период на очертания и облик города прежде всего повлияло открытие завода Ростсельмаш, расположившегося к северо-востоку от центра, — на протяжении всего советского времени вокруг него возникает мало- и многоэтажная застройка. На свободных пространствах, кроме того, складывается частный сектор, доля которого среди прочей застройки города одна из самых высоких в российских городах-миллионниках (Частный сектор..., 2019). В постсоветское время новые многоэтажные дома появляются по всему городу, включая центр, заводские районы и окраины.

Район Темерник располагается на внешней окраине Ворошиловского района, недалеко от административных границ города. В конце 1980-х от завода Ростсельмаш было построено несколько общежитий квартирного типа, в постсоветское время в промежутках между этими общежитиями стали возникать новостройки эконом-класса. На данный момент этот район является одним из самых дешевых в Ростове, относясь к третьему квартилю по ценам на покупку недвижимости и к четвертому квартилю по ценам на аренду (Маркетинговое исследование... (Ростов-на-Дону), 2018). Имея форму треугольника, с одной стороны этот район ограничен лес-

¹ Из экскурсии, проведенной в рамках исследования М. Братолобовой, доцентом ЮФУ.

ным массивом, с другой — рекой Темерник, с третьей — рыночным кластером, известным под названиями Восточный или Темерник.

Возникает этот кластер в конце 1990-х на пустыре, затем разрастается и занимает всю территорию между улицей Лешюшенко и частным сектором. На данный момент, согласно данным, приведенным на официальном сайте, на этом вещевом рынке, формально объединяющем три рынка — Восточный, Первый Темер и Темерник, — работает около 4000 продавцов; оптовая же торговля, ведущаяся на рынке, предполагает еще большее число рабочих мест, значительную часть которых занимают мигранты.

Ростовская область находится на 13-м месте по приему мигрантов среди всех регионов России, однако мигрантов из Средней Азии здесь сравнительно немного¹. Заняты они в строительстве, сельском хозяйстве и торговле, при этом в сфере услуг они, по всей видимости, работают меньше, чем в других регионах, и связано это с тем, что на те же позиции претендуют беженцы и мигранты из ЛНР (Луганской Народной Республики) и ДНР (Донецкой Народной Республики)². Одно из мест трудоустройства среднеазиатских мигрантов в Ростове — это рынок Темерник.

Рынок находится через улицу от жилой застройки, на этой улице происходит хаотичное автомобильное и пешеходное движение, пешеходы перемещаются в том числе между рынком и застройкой. Дома, непосредственно прилегающие к рынку, — это общежития квартирного типа и четырехподъездные новостройки эконом-класса. Вглубь района располагаются в том числе чуть более дорогие новостройки. Доля мигрантских квартир, живущих в прилегающей к рынку застройке, составляет, по всей видимости, не менее 40% от всех квартир. Несколько снижается доля мигрантов по мере отдаления от рынка. В одной из новостроек, там расположенных, мигранты являются значимым меньшинством, и на этаже

¹ Из интервью с Е. Серебряковой, руководителем Центра правовой помощи мигрантам в Ростове-на-Дону.

² Там же

Рис. 8. Мкрн. Темерник и рыночный кластер (Google Карты, б. д.)

Рис. 9. Ул. Лелюшенко, располагающаяся между жилой застройкой и рынком (Google Карты, б. д.)

из шести квартир мигрантской является только одна. Улица частного сектора, располагающаяся рядом с рынком, «поглощена» рынком — там располагаются несколько двух-трех-этажных общежитий, в пяти-шести улицах от рынка его резидентный эффект сходит на нет.

В целом, высокая концентрация мигрантов в этом районе обусловлена величиной рынка, относительно небольшим количеством отграниченной от прочих районов застройки, в которой высока доля общежитий и новостроек эконом-класса, а также тем, что рынок и застройка находятся в пешей доступности. Дополнительно, по всей видимости, играет роль то, что жилье в общежитиях, которое выдавалось работникам завода Ростсельмаш, обычно было для них вторым, и там не сложилось укорененного местного сообщества; кроме того, известно, что часть квартир в новостройках до сих пор выдаются «очередникам», которые также не испытывают привязанности к району и, столкнувшись с тем, что в нем много мигрантов, нередко довольно быстро уезжают оттуда.

Выводы

Можно, таким образом, говорить о том, что в российских городах-миллионниках складываются места резидентной концентрации мигрантов, и в рамках одного из типичных сценариев или паттернов такие места складываются вокруг крупных вещевых или (реже) плодоовощных рынков. Есть ли иные паттерны? По всей видимости, да. Воспроизводится паттерн, в рамках которого возникают крупные кластеры рабочих общежитий, где могут селиться, например, работники строительных фирм. Так, в Омске китайская строительная компания, ремонтирующая местный нефтеперерабатывающий завод, построила два таких кластера — отдельно для китайских, отдельно для среднеазиатских рабочих; похожий кластер складывается в Новоивановском сельском поселении — между Москвой и Одинцово, — куда селятся рабочие (как одиночки, так и семейные), работающие на объектах

в Москва-сити и Сколково. Если расширить объект исследования до мест резидентной концентрации мигрантов в России за пределами городов-миллионников, следует отметить поселки в сельской местности, где значительную долю населения составляют мигранты. Такие поселки складываются, в частности, в областях, прилегающих к столичному региону, и, если в одних случаях, по всей видимости, ведущими факторами складывания таких мест являются низкая стоимость жилья, с одной стороны, и активная циркуляция информации между мигрантами (село Рождествено Тверской области (Аронов, 2018)), в других случаях на первый план выходит этническая идентичность (несостоявшийся кыргызский поселок Ала-Тоо-1 в Тульской области (В России появится..., 2018)). Такие места резидентной концентрации должны стать объектом отдельного исследования.

Возвращаясь к настоящему исследованию, однако, нужно отметить, что выявление рыночного паттерна органичным образом поставило два следующих исследовательских вопроса. Первый связан с организацией логистических сетей в России. Согласно модели, места резидентной концентрации в рамках исследованного паттерна складываются вокруг больших вещевых и плодоовощных рынков. Можно предположить, что, если таких рынков нет, не будет и места резидентной концентрации. Вместе с тем, как следует из исследования, в каждом городе-миллионнике есть «вещевки» и плодоовощные рынки, вокруг которых образуется некоторая резидентная концентрация. Нюанс, однако, состоит в том, что нередко предприниматели, работающие на этих рынках, ездят на закупки на оптовые рынки и овощебазы в другие города или заказывают оттуда товары, и, в частности, крупными логистическими центрами, обслуживающими другие регионы и города-миллионники, являются рынок «Садовод» в Москве, Таганский Ряд в Екатеринбурге и Гусинобродский рынок в Новосибирске, вокруг которых и складываются наиболее крупные места концентрации. Из этого можно сделать вывод, что для того, чтобы понять, где и почему складываются места резидентной концентрации, надо изучить сеть

логистики для вещевой и плодоовощной торговли в России в целом. Другой вопрос, который возникает в связи с выявленным паттерном, таков: почему в некоторых сферах торговли в России большая часть занятых на разных позициях — мигранты. Такое — также еще не проведенное — исследование находится в области социальной истории, и в его фокусе, скорее всего, должно оказаться преобразование колхозов в совхозы на Кавказе и в Средней Азии, а также складывание неформальных сетей поставок сельхозпродукции в города РСФСР в советское время. Это что касается плодоовощной торговли; что же касается вещевых рынков, вероятно, необходимо понять, как были организованы сети поставок одежды во время перестройки, какие группы там доминировали и с чем это было связано. Формулировку вопроса для такого исследования еще предстоит уточнить, однако вновь ответ на него приблизит к пониманию того, почему места резидентной концентрации в городах-миллионниках складываются именно вокруг плодоовощных и вещевых рынков.

В заключение стоит отметить и еще одну вещь. Похоже, что время рынков проходит. Появившись в 1990-х, эта форма торговли товарами «широкого потребления» замещается разнообразием прочих форм: сетевыми магазинами, дисконт-центрами, онлайн-торговлей и проч. Этому способствуют и действия органов власти, видящих в рынках разнообразные угрозы. В последнее десятилетие административными решениями крупные рынки ликвидируются, переносятся, «реновируются», а также дробятся и «разносятся» по городской среде. В связи с этим исчезают и места резидентной концентрации. Случай рыночного кластера на Гусинобродском шоссе в Новосибирске, где перенос части рынка не привел к ликвидации места резидентной концентрации, скорее является исключением из правил; более типичен случай Казани, где Центральный рынок обновили и ликвидировали там часть уличных рядов, а параллельно — расселяли и сносили ветхую застройку вокруг рынка; а также случай Челябинска, где гигантский Восточный рынок, располагавшийся через реку от центра города, был ча-

стично перенесен в другое место, и «мощность» оставшихся торговых рядов, наложенная на центральность рынка, оказалась недостаточной для поддержания существования места резидентной концентрации. В ходе подготовки к полевому исследованию, кроме того, регулярно попадались заметки в СМИ, датированные месяцами, предварявшими исследование, согласно которым исследуемый рынок собираются ликвидировать — полностью (Симохина, Шереметьева, 2020) или частично (Суд согласовал..., 2020). Можно, таким образом, предположить, что уже через несколько лет изученный в ходе этого исследования рыночный ландшафт российских городов-миллионников существенным образом изменится. В связи с тем, что российские места резидентной концентрации связаны с рынками, можно ожидать, что изменятся и характеристики расселения мигрантов в этих городах. На основании уже имеющихся наблюдений можно предположить, что изменятся они в сторону более равномерного расселения мигрантов в городской среде, но детальнее об этом можно будет говорить лишь в будущем.

Глава 5

Котельники как место резидентной концентрации мигрантов¹

Введение и методология исследования

Мы показали, таким образом, что места резидентной концентрации мигрантов в российских городах существуют и что складываются они вокруг крупных рынков по похожему сценарию. Но что именно они собой представляют? Какие именно мигранты там живут? Как они взаимодействуют с немигрантами? Как устроен процесс «замены» населения? Мы кратко рассказали об одном таком месте — районе Темерник в Ростове-на-Дону, — но в этом описании ответили далеко не на все эти вопросы. В этой главе приводится детальное описание места резидентной концентрации мигрантов — города Котельники в ближайшем Подмосковье, — которое расположено в ближайшей транспортной доступности от крупнейшего российского оптового рынка — ТК «Садовод». Котельникам посвящено несколько месяцев исследования, и фокусировалось это исследование частью на том, как сложилось там место резидентной концентрации, частью на разнообразии социальных процессов,

¹ Эта глава написана на основе следующей публикации: (Андреева и др., 2020).

там происходящих. В главе сначала описывается история города, а также изменения, произошедшие в течение последнего десятилетия, затем описываются и категоризируются его жители, вслед за этим рассказывается о «мигрантских Котельниках»: о новостройках, в которых мигрантов больше всего, о самих мигрантах, а также об их отношениях с местными.

Исследование проводилось методом кейс-стади, в ходе которого осуществлялось наблюдение в городской среде, а также была проведена серия коротких интервью (N = 187), информанты для которых отбирались на основании теоретической выборки и были как мигрантами, так и нет. Кроме того, один из исследователей месяц проживал в специально арендованной квартире в Котельниках.

Вопросы, которые задавались информантам, можно условно разделить на два блока. Первый блок включал вопросы о жилищных стратегиях жителей: главной целью было выявить, как и почему информанты оказались в городе, по каким критериям выбирали место жительства (город, район, дом), каков их формат проживания (съем, собственность), какими способами они искали жилье. На основании собранных данных были выделены идеально-типические группы горожан, которым свойственны те или иные модели поведения на рынке недвижимости.

Второй блок включал вопросы об отношении к району и соседям: в случае местных исследователи ставили своей целью оценить, считают ли они соседство с мигрантами проблемным и почему, насколько склонны уезжать из районов с повышенной концентрацией мигрантов. В интервью с мигрантами исследователи стремились охарактеризовать не только их взаимоотношения с местными и другими мигрантами, но также намерение остаться жить там, где они живут сейчас, и установки на то, чтобы селиться рядом с другими мигрантами.

Помимо интервью с жителями были проведены экспертные интервью с риэлторами, работниками школьных учреждений, библиотеки, архива, местных газет, магазинов

и кафе, консьержками, старожилами. Наконец, чтобы воспроизвести урбанистическую историю Котельников, исследователи провели работу в архивах города, с материалами музея, а также с открытыми источниками.

Результаты исследования

Котельники: история, экономика, застройка, население

Котельники — город-спутник Москвы, примыкающий к ЮВАО и ограниченный с запада МКАД и парком Кузьминки-Люблино, с севера и востока — Новорязанским шоссе, с юга — Томилинским лесопарком и Большим Люберецким карьером (Рисунок 10). До 1996 года на территории Котельников находилось несколько рабочих поселков: Опытное поле, Белая дача, Силикат, Ковровый (сейчас они соответствуют одноименным микрорайонам города) и само село Котельники (частный сектор в районе Большой и Малой Колхозных улиц и Полевого проезда). В 1996 году эти поселения были объединены в поселок Котельники в составе Люберецкого района (Город Котельники, б. д.), а в 2004 году Котельники получили статус города. Население города на 2019 год составляло 47 тыс. человек (Численность населения..., 2019).

О досоветской истории Котельников информации немного. Известно, что деревня Котельниково существовала уже в XVII веке, а в 1680-х годах в деревне была построена церковь Казанской иконы Божией матери, которую и сегодня можно увидеть на Малой Колхозной улице. В XIX веке близ села появились первые предприятия по добыче песка и камня (Город Котельники, б. д.). Своя досоветская история есть также у микрорайона Белая дача: здесь в конце XVIII века была построена одноименная усадьба, которая существует и сегодня.

При СССР начинается стремительное промышленное развитие территорий. Еще до войны в окрестностях села Котельники строится завод по производству силикатного кирпича, в 1939-м — Первомайский комбинат, представляющий собой склады стратегических запасов; после вой-

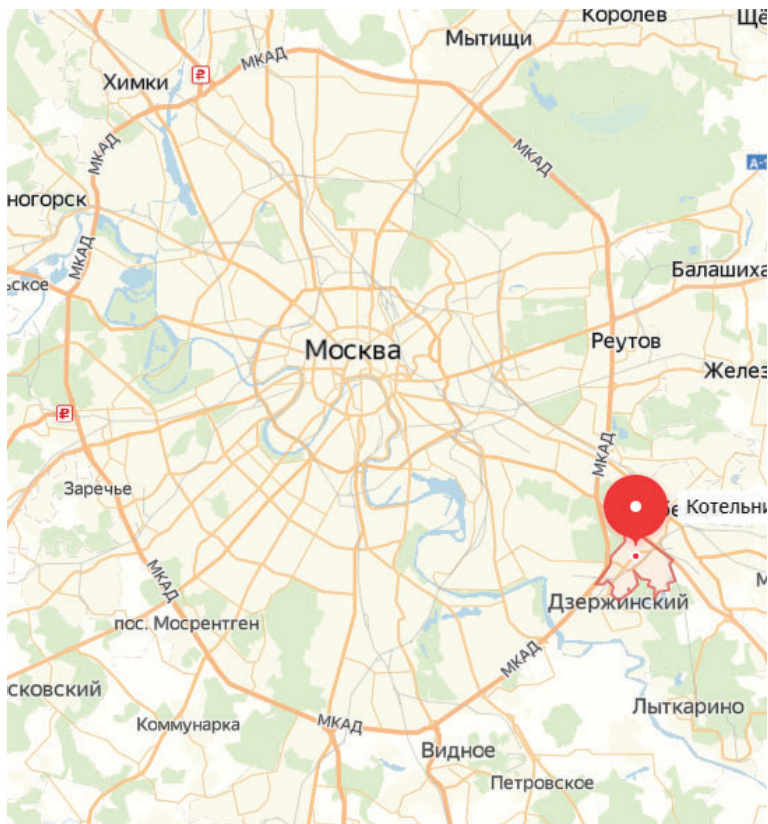

Рис. 10. Котельники на карте Подмосковья

Источник: Яндекс.Карты

ны — железобетонный завод (рядом с силикатным заводом) и Ковровый комбинат. Также в советское время расширяется добыча строительных материалов на Люберецких карьерах, где строят Люберецкий горно-обогатительный комбинат. В этот же период на территориях усадьбы Белая дача возникает сначала небольшая сельхозартель, а после войны — крупный совхоз, который быстро растет и становится одним из передовых в СССР: его посевные поля, животноводческие фермы и тепличные комплексы занимали львиную долю

площади современных Котельников. Предприятия привозят работников с окрестных деревень и сел, строят им сначала деревянные бараки, а затем — жилые кварталы. Так возникают микрорайоны Ковровый, построенный совместными усилиями Первомайского и Коврового комбинатов, Силикат, Белая дача. Несколько в отдалении от прочих, отделенный опытными полями, строится микрорайон с говорящим названием Опытное поле — для работников биологической лаборатории, в которой разрабатывали и тестировали удобрения (сейчас на месте полей высятся новостройки Сосновой, Кузьминской улицы и 3-го Покровского проезда, а у самых домов открылась станция метро). Все эти микрорайоны представляют собой кварталы малоэтажной застройки, хотя в позднем СССР, в 1970–1980-х годах, в Белой даче и Ковровом было также построено несколько 9–12-этажных домов. По мере роста и развития предприятий запускаются программы привлечения квалифицированных специалистов со всего СССР, однако, как рассказывают информанты, абсолютное большинство таких внутренних мигрантов — выходцы из регионов РСФСР. Приезжих из союзных республик (т. е. будущих стран СНГ) практически нет, если не считать специалистов, которых направляли на предприятия для обмена опытом, и сезонных рабочих из Центральной Азии, приезжавших в совхоз на время сбора урожая и уезжавших по окончании работ.

Постсоветское развитие города можно условно разделить на три периода. Первые 15 лет после распада СССР экономика города прежде всего характеризуется постепенным сворачиванием промышленности. Объемы производства падают, рабочие места сокращаются, часть предприятий закрывается. Короткий расцвет переживает пищевая промышленность: в городе успешно работает агрохолдинг «Белая дача», ставший «наследником» совхоза, а также строятся пищевая фабрика «Нидан-гросс» и завод по производству соков «Нидан-соки». Однако с середины 2000-х и эти предприятия постепенно сворачиваются: «Белая дача» распродает земли и выводит основное производство в Краснодарский

край, оставив в городе только завод по производству салатов, а компания «Нидан» полностью уходит с рынка. Жилой фонд города в этот период меняется мало: по несколько многоэтажных домов появляется в микрорайоне Белая дача к северу от старого квартала и к югу от Кузьминской улицы, в микрорайоне Ковровый и в Силикате. По свидетельствам информантов, именно в этот период в городе появляются первые мигранты: в частности, упоминаются армяне, которые бежали от войны и «целыми аулами» покупали квартиры в новых домах в Ковровом, отдельные армянские семьи в старых домах Коврового, появление армянского малого бизнеса.

Начиная со второй половины 2000-х Котельники переживают бурное развитие оптово-розничной торговли: в городе открывают ИКЕА (2005 год), ТЦ «МЕГА Белая дача» и «Ашан» (2006 год) (Итоги..., 2006), гипермаркеты «Реал» и «Касторама» (2007 год) (Итоги..., 2007). В итоге предприятия в этой сфере становятся крупнейшими работодателями: согласно официальной статистике городской администрации, в 2005 году на сектор торговли приходилось 17% от общего числа рабочих мест в городе (на промышленность — 23%, на сельское хозяйство — 18%), а к 2010 году этот показатель достигает 42% (17% — в промышленности, 3% — в сельском хозяйстве). Одновременно в городе начинается (и по сей день продолжается) строительный бум (Рисунок 10): на территориях от Белой дачи до Новорязанского шоссе и в микрорайоне Южный вырастают целые кварталы многоэтажных домов (так, если в 2006 году общая площадь сданных жилых домов составила 3,7 тыс. кв. м., то в 2007-м этот показатель достиг 114,6 тыс. кв. м., а еще через год — 143,8 тыс. кв. м.). С этим, очевидно, связан резкий скачок населения в эти годы: с 18 тыс. в 2005 году (Народная энциклопедия..., б. д.) до 32 тыс. в 2010-м (Перепись..., 2011). Информанты отмечают, что, хотя большинство покупателей в этот период — русские, доля мигрантов в новых домах уже заметно выше — в основном за счет армян, которые на тот момент становятся самой крупной иноэтничной группой. Кроме того, сетевые

ТЦ и масштабные стройки усиливают приток трудовых мигрантов с более широкой географией происхождения — они приезжают работать в торговые комплексы и гипермаркеты, строят дома, отделяют сдаваемые квартиры и пр., однако ни СМИ, но информанты еще не характеризуют тот период как «засилье» приезжих.

С 2009 года смещение городской экономики в сторону торговли растет еще стремительнее: после закрытия Черкизовского рынка часть предпринимателей оттуда перебирается на «Садовод», расположенный через МКАД от Котельников (там же находится Птичка — московский птичий рынок). Тогда «Садовод» представлял собой обычный малопримечательный рынок с некапитальными торговыми павильонами и рядами палаток общей площадью около 40 га (Магазин Рынок «Садовод»..., б. д.) (Рисунок 11) и оказался не готов к наплыву оптовиков: на дорогах регулярно случался транспортный коллапс, места желающим не хватало, и в результате администрация стала спешно возводить новые павильоны. Рынок стал постепенно притягивать в соседние районы, в том числе Котельники, новые категории горожан: бизнесменов и наемных работников, львиная доля которых были мигрантами. В первое время в СМИ и «народе» тогда говорили о том, что предприниматели из Китая и Вьетнама вытесняют местных торговцев, предлагая арендовать площади по цене в несколько раз выше установленной, однако доподлинно неизвестно, насколько это соответствует действительности (Полухина, 2009; Туманов, Снежкина, 2009).

Тем не менее настоящая «всплеск» миграции случился позже — по словам информантов, в 2014–2015 годах. Говоря о притоке мигрантов в этот период, многие местные информанты характеризуют его как «нашествие» и «вторжение» и чаще всего связывают с «Садоводом». Вероятнее всего, этот приток был связан с реконструкцией и расширением «Садовода» в 2013–2016 годах, которое, помимо прочего, происходило на фоне продолжающейся борьбы с «дикими» рынками по всей Москве. В конце 2016 года вместо некапитальных построек и разреженных палаточных рядов здесь появились

Рис. 1.1. Количество построенных в Котельниках многоквартирных домов по годам
 Источник: dom.mingkh.ru

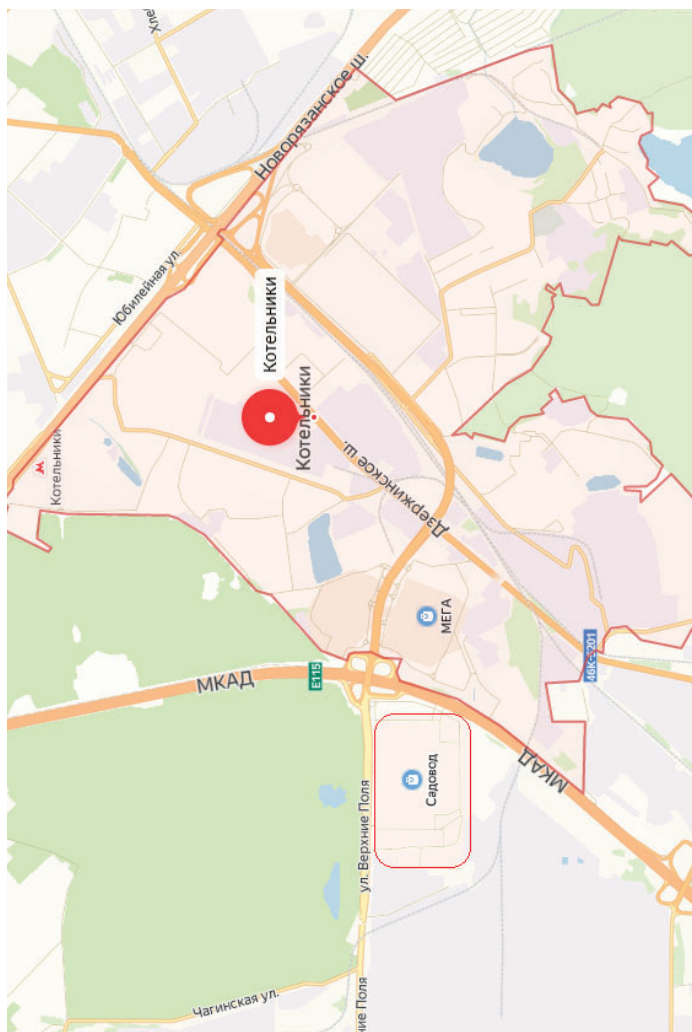

Рис. 1.2. Рынок «Садовод» и город Котельники
Источник: Яндекс.Карты, иллюстрация автора

колоссальных размеров крытые торговые комплексы, благодаря чему «Садовод» стал одним из крупнейших рынков Москвы и России (Рисунок 12) (Рынок Садовод..., б. д.). Сегодня здесь торгуют предприниматели разного происхождения: китайцы, вьетнамцы, армяне и азербайджанцы, таджики, кыргызы, индийцы, афганцы и пр. И таким же разнообразием отличаются Котельники, где, как выражаются местные, «собрались все нации» и «настоящий Ноев ковчег». Причем наиболее высокая доля мигрантов наблюдается в квартале 2-го Покровского проезда и новостройках Белой дачи и Южного, которые появились в 2010–2014 годах.

Что представляет собой город сегодня? С точки зрения экономики, решающую роль играет «Садовод», а также другие точки оптово-розничной торговли. В 2014 году 47% рабочих мест в Котельниках приходилось на сферу торговли, 11% — на промышленный сектор, 1,5% — на АПК и 5,3% — на социальную сферу (Отчет главы..., 2014). Причем работники «Садовода» не учитываются в этой статистике, поскольку рынок находится в Москве. В 2018 году стало известно, что на территории рынка будут построены еще более крупные ТК общей площадью свыше 277,8 тыс. кв. м (На рынке..., 2018), что, очевидно, окажет непосредственное влияние на развитие города. Из промышленных предприятий наиболее крупными можно назвать завод по производству салатов «Белая дача», фирмы по производству бетона «Трак Бетон» и «Ваш дом», которые работают на базе старого железобетонного завода, Люберецкий горно-обогатительный комбинат и комбинат Росрезерва «Первомайский». Сельскохозяйственный сектор представлен единственной компанией «Русские газоны», которая занимается выращиванием рассад и кустарников.

Также в городе продолжается массовое строительство нового жилого фонда. Открытие в 2015 году станции метро сделало Котельники привлекательнее с точки зрения транспортной доступности, поэтому следует ожидать, что население города будет расти и дальше. В ближайшие годы ожидают сдачи многоэтажные жилищные комплексы «Оранж Парк»

у метро, «Белая дача парк» на Новогорьевском шоссе, несколько домов в Южном, а также высотки точечной застройки в Белой даче и Ковровом (Рисунок 13). Также многоэтажные кварталы заменят старую малоэтажную застройку Белой дачи и Коврового, которую планируют снести к 2030 году

Рис. 13. Рынок «Садовод» в 2003 и в 2019 году

Источник: Retromap.ru, Google Карты

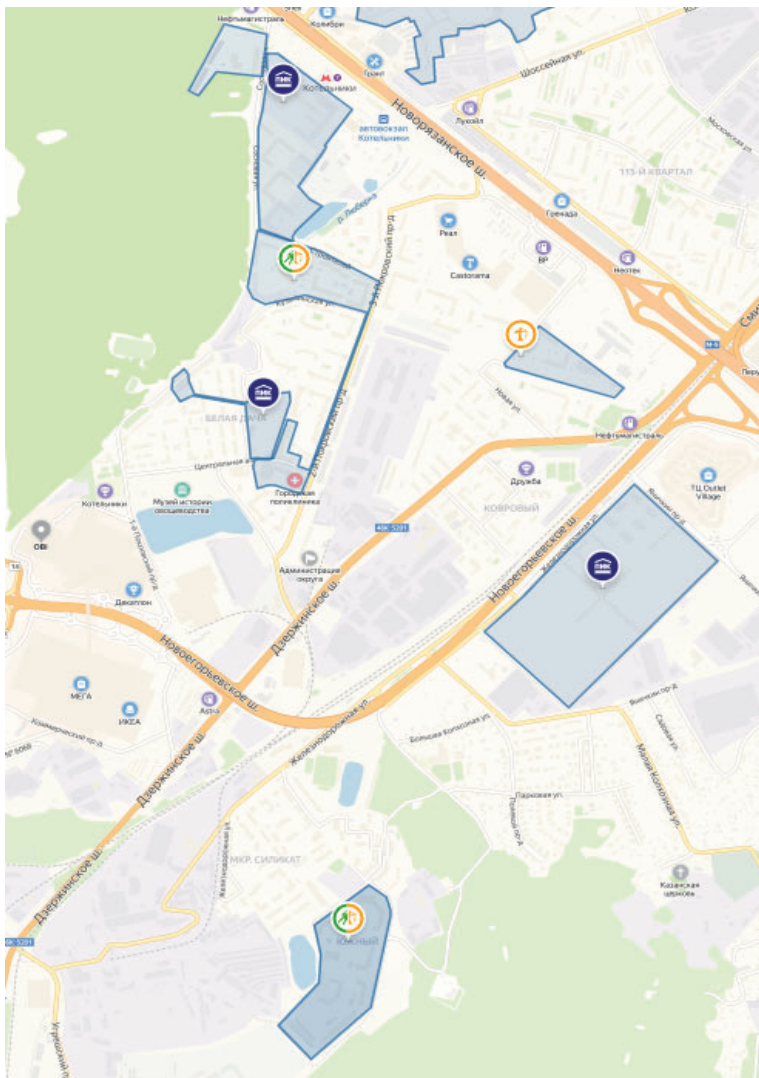

Рис. 14. Карта строящихся жилищных комплексов в г. Котельники на октябрь 2019 года

Источник: ЦИАН

(Жители микрорайона..., 2018). Городские власти прогнозируют, что, с учетом ввода новых жилых фондов, население города должно уже к 2022 году вырасти до 75 тыс. чел., а к 2035-му — до 93 тыс. чел. (Генеральный план..., 2017).

Основной проблемой урбанистического развития Котельников остается дисбаланс между объемами жилого фонда и количеством социальных учреждений, способных обслужить стремительно растущее население. Чаще всего информанты жалуются на нехватку мест в детских садах и школах. Так, на 40 тыс. чел. в городе функционирует 3 школы, классы в них переполнены, а многие родители отдают детей в школы в других городах. Для сравнения: в соседнем Дзержинском на 56 тыс. чел. приходится 6 школ. Такая же трудная ситуация, по данным информантов, наблюдается в поликлиниках, которые оказались не готовы к резко возросшей нагрузке. Отдельная проблема — загруженность шоссе, где, по оценкам информантов, уже сегодня трудно уместиться и автомобилистам, едущим на работу в Москву, и фурам с «Садового». Многие опасаются, что ввод в эксплуатацию новых 20–30-этажных домов и вовсе приведет к транспортному коллапсу.

Население Котельников: основные категории, паттерны резидентного поведения

В населении Котельников можно выделить четыре крупные категории жителей в зависимости от того, как и почему они поселились в городе. Жители в данном случае понимаются максимально широко и включают в том числе временно пребывающих в городе. Выделение этих категорий не предполагает единого основания, речь идет о наиболее ярких и частотных типах. Тем не менее в фокусе находятся прежде всего этномиграционные характеристики жителей¹.

«*Старожилы и их дети*». К этой категории относятся горожане, живущие в кварталах старой застройки — Опытное поле, Силикат, Белая дача, Ковровый — в производственных

¹ Отметим, что, хотя авторы стоят на конструктивистских позициях, с известной долей условности категория «русские» и категория «местные» используются взаимозаменяемо.

квартирах, которые в советское время получили они сами, их родители или их бабушки/дедушки. Часто эти жители уже на пенсии. Они могли как родиться в рабочих поселках, позже ставших Котельниками, так и приехать в Котельники уже в сознательном возрасте, всю жизнь проработать на предприятиях города и на старости лет остаться жить в знакомом районе. Также нередко в этих кварталах остаются жить их дети, которые занимают унаследованные квартиры или остаются жить вместе с родителями. Небольшая часть старожилов живет также в приватизированных комнатах в старых коммунальных общежитиях, которые расположены в тех же районах советской застройки. В кварталах старой застройки эта категория составляет большинство.

Почти всех старожилов можно отнести к этнической категории «русские», поскольку в советскую в эпоху население Котельников формировалось за счет окрестных сел и деревень либо регионов РСФСР. Среди прочих старожилов часто встречаются выходцы из Поволжья — татары, чуваша. Так, по свидетельству одного из информантов, в какой-то период «за счет Татарии» комплектовали Силикатный завод. Мигранты из союзных республик приезжали для обмена производственным опытом и сбора урожая и редко оставались жить в городе.

Старожилы, как правило, питают к своему району самые теплые чувства. *«Мы здесь живем как в большой деревне, все друг друга знаем и дружим»*, — так чаще всего описывают они свой район. Эта категория горожан активно использует общественные пространства: они любят ходить друг к другу в гости, вместе гулять с внуками, обмениваться новостями, много знают о других жителях — кто и где умер, кому продали или сдали квартиру и пр. При наблюдении заметно, что они также наиболее «встроены» в жизнь двора и района: на улице с ними здороваются другие жители.

«Собственники из новостроек». Это новые жители Котельников, которые купили здесь квартиры в 2000–2010-х годах. Выбирая этот город, они прежде всего руководствовались ценой: для многих это было первое жилье или способ расши-

ритель жилплощадь путем переезда за МКАД. В начале нулевых Котельники были одним из наиболее дешевых направлений: так, по словам одного из информантов, в 2005 году на этапе котлована здесь можно было купить 3-комнатную квартиру менее чем за 2 млн рублей. Поскольку строительный бум начался после 2005 года, новые собственники преимущественно селились в городе именно в этот период. Подавляющее большинство из них, вне зависимости от периода заселения, могут быть классифицированы как русские. Этномиграционный же профиль иноэтничных собственников со временем сменился. В нулевые единственную значительную группу иноэтничных мигрантов-собственников составляли армянские мигранты, которые к этому периоду являли собой некоторую видимую часть населения (количественно оценить присутствие мигрантов-армян на этом этапе сложно). Жилищные стратегии тех и других были схожи: все они покупали здесь квартиры, ориентируясь прежде всего на относительно низкую стоимость недвижимости, а работать при этом могли где угодно.

В 2010-е появляется и численно растет новая категория жителей Котельников — собственники квартир родом из Центральной Азии, Китая, Вьетнама. Их жилищные стратегии более разнообразны: часть из них, так же как местные и армянские мигранты, выбирали место жительства по цене, однако весомая доля собственников этой категории владеют своим бизнесом на «Садовом» и поселились в Котельниках именно по этой причине. Надо отметить, что в последние 5–6 лет число собственников, связанных с рынком, растет ускоренными темпами, хотя их количество в сравнении другими категориями собственников остается незначительным.

Собственники из новостроек гораздо менее встроены в жизнь своего подъезда, двора, района. Наиболее частое описание района — «я с утра до вечера на работе, соседей даже не вижу, почти никого не знаю». Жители из этой категории могут поддерживать приятельские отношения с некоторыми соседями и формировать небольшие сети знакомств, состоящие преимущественно из слабых связей, однако, как

правило, этим их круги общения в городе и ограничиваются. Исключение составляют мамы с детьми, которые активно используют общественные пространства в районе просто потому, что проводят в нем гораздо больше времени и менее мобильны.

«Снимающие мигранты». Еще одна крупная категория жителей — мигранты, снимающие недвижимость — от квартир до койко-мест. Подавляющее большинство снимающих мигрантов приехали в Котельники в 2010-х годах и живут в новостройках — по разным оценкам, их доля в различных домах и кварталах может достигать половины. Встречаются также точечные концентрации в домах старой застройки. Мигранты чаще всего приезжают в Котельники через родственные и дружеские сети, самая типичная история для таких жителей — «мой друг/брат/дядя тут давно живет, он мне нашел работу, я к нему приехал». Как правило, мигранты работают либо на «Садовое», либо в других торговых точках города, на предприятиях общепита, в сфере обслуживания или такси.

Львиная доля мигрантов в этой категории — выходцы из Центральной Азии: из них самую крупную группу составляют выходцы из Таджикистана, за ними с заметным отставанием идут приезжие из Кыргызстана и Узбекистана. Также встречаются мигранты из Китая, Вьетнама, Армении, Азербайджана. В небольших количествах можно встретить выходцев из еще более широкого круга стран — Афганистана, Индии, Сирии и даже Кубы. Следует отметить, что число русских арендаторов крайне незначительно — настолько, что в разговоре некоторые информанты приравнивают понятия «съёмная квартира» и «мигрантская квартира».

«Мигрантские квартиры» можно условно поделить на квартиры, где проживают семьи, и «квартиры-общежития». В семейной квартире может жить одна или несколько нуклеарных семей и еще какое-то число родственников: дяди, тети, братья, племянники и т. п. Поселиться в такой квартире, соответственно, можно только по родственным связям; как следствие, в таких квартирах живут представи-

тели одной и той же этнической категории. Как правило, кто-то один поддерживает связь с арендодателем, а остальные даже не знают, у кого снимают. «Квартиры-общежития» — это, по сути, хостелы, где в каждой комнате живет по 4–10 человек. Они спят на двухъярусных кроватях или просто матрасах (часто мигранты приходят в съемную квартиру с собственными матрасами) и платят за койко-место 5–7 тыс. рублей. Такие квартиры находят по сарафанному радио, через социальные сети (Instagram, группы в vk.com), специальные сайты (например, moscow.birge.ru) и чаты (WhatsApp), а также по обычным объявлениям. Так, почти на любой доске объявлений в Котельниках можно увидеть нечто вроде «жилье для женщин, недорого, позвонить по номеру...». В таких квартирах в одной комнате могут жить мигранты самого разного происхождения. Встречаются и промежуточные случаи: когда основной арендатор, чаще всего семья, стремится сократить затраты на жилье и сдает часть жилплощади субарендаторам, которых также находят через знакомых и на специальных сайтах. Обычно по такой схеме сдают одну или несколько комнат, хотя был зафиксирован случай, когда в Котельниках в теплое время года так сдавали балкон — за 8 тыс. рублей в однокомнатной квартире, которая стоит 30 тыс. рублей в месяц.

Кто сдает свои квартиры мигрантам? Это могут быть люди, которые когда-то купили квартиры, но в итоге решили не жить в них по самым разным причинам: их не устроила транспортная доступность, качество социальных учреждений, экология, большое количество мигрантов либо они просто решили жить в другом месте по личным обстоятельствам (заключили брак и переехали к супругу/супруге, сменили место работы, унаследовали квартиру в Москве и пр.). В итоге часть таких «случайных» арендодателей продали квартиры, а часть — стали сдавать. Кроме того, однако, на рынке жилья Котельников есть больше количество «арендодателей-инвесторов» — это собственники, которые изначально покупали квартиры для последующей сдачи в аренду. Большинство таких «инвесторов» — русские, однако среди зажиточных

мигрантов такая стратегия также популярна. Из приезжих такими «инвесторами» чаще всего выступают армяне, также известны арендодатели из Таджикистана, Афганистана, Китая, Вьетнама, Турции. Количество сдаваемых квартир на одного инвестора может варьироваться. Есть случаи, когда собственник покупает и сдает только одну квартиру; есть арендодатели, имеющие по несколько квартир. Максимальное число, известное авторам исследования, — 8 квартир, принадлежащих собственнице из Китая. Масштабы этого явления трудно поддаются измерению, поскольку многие снимающие не знакомы с арендодателем, а те, в свою очередь, не стремятся афишировать свой «бизнес». Тем не менее известен случай, когда в одном доме 50 квартир из 200 было изначально куплено под сдачу.

«Мигранты-строители». Отдельно следует выделить группу «мигранты-строители» — хотя каждый конкретный представитель этой группы обычно живет в Котельниках недолго, в силу того, что Котельники активно застраиваются, этот тип жильцов присутствует в Котельниках непрерывно и требует отдельного описания. К этому типу мы относим в первую очередь жителей строительных вагончиков, которые непосредственно возводят дома и живут на закрытых территориях стройплощадок. Как правило, они находят работу через знакомых, живут на стройке в течение рабочего контракта и затем переезжают на следующую стройку либо оседают и ищут другую работу. Основная особенность жителей этого типа — временный характер проживания и изоляция от района: такие жители редко выходят за пределы стройки, чтобы избежать встречи с сотрудниками правоохранительных органов. Бывает также, что работодатели сами запрещают работникам покидать территорию в случае, например, если компания не оборудовала жилье для строителей в соответствии с законом и также опасается лишнего внимания со стороны полицейских. Помимо вагончиков, мигрантов-строителей могут размещать в помещениях уже построенного дома — так, например, одна строительная компания организовала своим работникам общежитие в од-

ном из домов строящегося квартала в микрорайоне Южный. Кроме того, к мигрантам-строителям относятся отделочные бригады, которые также присутствуют почти в любом строящемся районе и отличаются особым форматом проживания на данной территории. Отделочники часто селятся в квартирах, в которых делают ремонт, а затем перемещаются в другую, где также и живут, и работают.

Таким образом, сегодняшнее население Котельников можно разделить на следующие основные категории: старожилы и их дети (местные), собственники из новостроек (мигранты и местные), снимающие мигранты и мигранты-строители. В каждой категории можно выделить типичных представителей данной группы, которые комбинируют в себе наиболее распространенные для данной категории резидентные, профессиональные и миграционные стратегии. Так, «старожилы» — это русские семьи, которые получили квартиры в советское время и состоят либо из пенсионеров, либо из пенсионеров и их детей/внуков. Собственники из новостроек — это русские или, в меньшей степени, армянские мигранты, купившие квартиру в Котельниках из-за низкой цены. Снимающие мигранты — приезжие из стран Центральной Азии, Закавказья, Китая или Вьетнама, арендующие жилье в новостройках и занятые неквалифицированным трудом в сфере торговли и услуг; могут проживать семьями либо поодиночке в «квартирах-общежитиях». Мигранты-строители — приезжие из Центральной Азии, живущие в строительном вагончике либо в квартире под отделку.

Котельники «мигрантские»: характеристики районов на предмет концентрации мигрантов, динамики населения, этнических границ и анклавизации

Население старых кварталов (микрорайоны Белая дача, Силикат, Ковровый, Опытное поле) большей частью состоит из старожилов, хотя в отдельных домах/подъездах можно наблюдать высокую концентрацию «мигрантских квартир» разного формата: «квартиры-общежития» работников «Садовода» и строителей или квартиры мигрантов-собственников (чаще всего из Закавказья). Такие «мигрантские» квар-

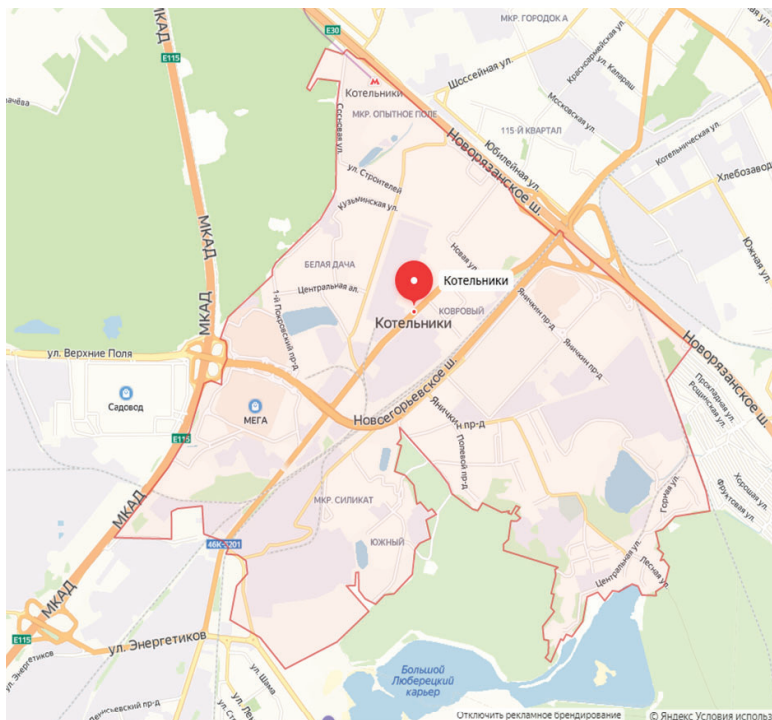

Рис. 15. Карта Котельников с микрорайонами

Источник: Яндекс. Карты

тиры появляются, как правило, когда старожилы умирают, а дети не хотят жить в старой квартире и решают продать или сдать ее, либо когда дети покупают квартиру в другом месте, забирают родителей жить к себе, а старую сдают или продают. Снимающие мигранты, однако, чаще всего представлены в новостройках. Доля их может варьироваться: исследователям известны подъезды, где доля таких квартир составляет порядка 50%. Таким образом, кроме того, что в новостройках концентрация мигрантов высока, там наблюдается ее рост как за счет отъезда местных, так и за счет притока новых волн приезжих. Помимо этого, растет число собственников-мигрантов, что заслуживает отдельного внимания, поскольку такие мигранты будут формировать более прочные связи

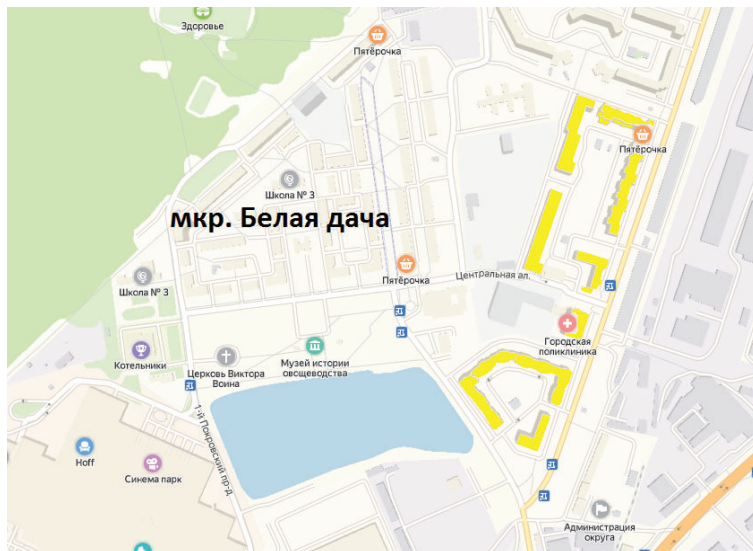

Рис. 16. Новостройки 2-го Покровского проезда на карте Котельников (выделены цветом)

Источник: Яндекс. Карты, иллюстрация автора

с местом проживания и таким образом оказывать большее влияние на дальнейшее развитие района и города. В связи с этим далее мы рассмотрим подробнее образовавшиеся в новостройках места резидентной концентрации мигрантов и связанные с этим социальные феномены. В качестве примера мы возьмем несколько домов на 2-м Покровском проезде, построенных в 2009–2012 годах и расположенных между старыми домами Белой дачи и Кузьминской улицей (Рисунок 15, Рисунок 16).

Информанты обычно оценивают долю мигрантов в этих домах в среднем в 50%, однако для отдельных домов и подъездов эта оценка может быть как существенно ниже, так и существенно выше (до 70%). В одном из подъездов, согласно интервью с консьержкой, примерно в половине квартир живут русские-собственники, в четверти — армяне-собственники, а остальные квартиры снимаются мигрантами. В другом 30% квартир — это русские-собственники, еще в 20% квартир жи-

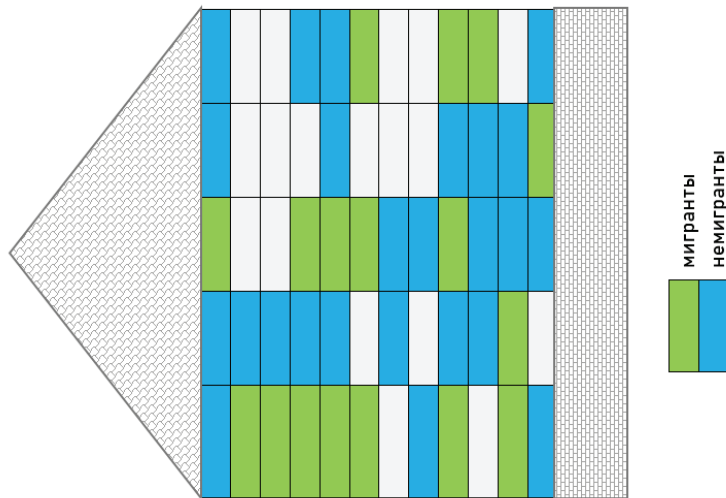
вут собственники из Армении и Азербайджана, 40% снимают мигранты из Центральной Азии, преимущественно в формате «квартир-общежитий», в остальных живут приезжие из Китая и Вьетнама (6% квартир как в собственности, так и в аренде), Северного Кавказа (приблизительно 6% квартир, в аренде), а также Афганистана и Кубы. Кроме того, в одном подъезде был сделан поквартирный обход (Рисунок 17). Согласно его результатам, доля мигрантских квартир из тех, о которых известно, кто там живет, составила 42%, при том что про этот подъезд, а также на основании прочих данных известно, что, если квартира съемная и мигрантская — количество жильцов в ней больше, чем в случае, если в квартире живет собственник.

На улице и во дворах этих домов почти всегда можно увидеть женщин в хиджабах и национальных платках, а в городских маршрутках визуальнo отличимых иноэтничных мигрантов обычно не меньше половины. Собеседники на улице — как мигранты, так и нет — любят рассказывать, что в связи с этим район называют «Черной дачей». На первых этажах домов — халяльные лавки, «этнические» кафе, мелкие продуктовые магазины, принадлежащие мигрантам как из Закавказья, так и из Средней Азии. Всего на 9 домов 5 кафе, которые можно классифицировать как «этнические» (Варшавер, Рочева, 2014): «Дидор», «Рахат», «Амина», «Душанбе», «Евразия», — а в местном спортзале после шести «сплошной „Садовод“», как рассказывают информанты. Дети на детских площадках — из Армении, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана и пр.

Мигранты, живущие на 2-м Покровском проезде, преимущественно заняты низкоквалифицированным трудом на многочисленных малых предприятиях города и его окрестностей: продают товары на «Садоводе», в «Меге», в продуктовых магазинах и лавках, работают официантами в кафе, водят такси, убирают в квартирах или делают ремонт, нанимаются дворниками и разнорабочими в ЖКХ. Как правило, они выбирают жилье близко к рабочему месту, причем и то и другое ищут по сетям — через знакомых,

Рис. 17. Модель подъезда в доме на улице 2-й Покровский проезд¹ на предмет расселения мигрантов и немигрантов

Источник: иллюстрация автора

¹ В категорию «мигранты» были включены представители азербайджанской, армянской, вьетнамской, киргизской, молдавской, таджикской, узбекской этнических категорий. Информация о том, находится ли квартира в собственности или она съемная, на схеме не представлена, однако о части квартир это известно, и в этом подъезде квартиры немигрантов находятся преимущественно в собственности, а среди квартир мигрантов в собственности находятся квартиры, преимущественно принадлежащие армянам и в одном случае азербайджанцам. В абсолютном большинстве арендных квартир проживают мигранты из Центральной Азии, реже квартиры снимаются представителями армянской, вьетнамской и киргизской этнических категорий. Подробная процентная разбивка представлена в таблице ниже.

Таблица. Мигранты и немигранты в подъезде дома на ул. 2й Покровский проезд

все квартиры	квартиры, о которых известно	
	25	38%
немигранты	18	28%
мигранты	22	34%
неизвестно	65	100%

родственников, соотечественников либо в специальных чатах и группах социальных сетей. Снимают обычно совместно с родственниками, друзьями, коллегами либо находят койко-места в «квартирах-общежитиях». Существует один основной фактор, в результате действия которого среди жителей 2-го Покровского проезда доля мигрантов высока. Это близость «Садового» и прочих «мигрантских» рабочих мест. А вот стоимость съема к таким факторам не относится: если когда-то в Котельниках снимать было относительно дешево, со временем потоки приезжих настолько повысили спрос, что цены выросли до уровня московских: койко-место стоит 5–7 тыс. рублей в месяц, однокомнатная квартира — 30–32 тыс. рублей. Причем из-за высокого спроса на рынке не застаиваются вообще никакие варианты: встречается, что мигранты платят 30 тыс. за квартиры с плохо работающей сантехникой, без мебели и почти без ремонта. Многие в связи с этим ищут более дешевые варианты в соседних городах — Люберцах и Дзержинском, — однако в рамках данного исследования мы не можем сказать, насколько на сегодняшний день этот процесс набрал обороты.

Помимо мигрантов — наемных рабочих, — на 2-м Покровском проезде и в Котельниках в целом живет значительное число мигрантов-бизнесменов: это предприниматели с «Садового», владельцы продуктовых лавок и магазинов, кафе, работающие на себя мастера ремонтных бригад и пр. Их резидентные стратегии более разнообразны. Во-первых, поскольку это в целом более зажиточные мигранты, они не только снимают, но и покупают жилье в собственность — как правило, это те, кто живет в России больше десяти лет и успел за это время достичь стабильного дохода и накопить некоторый капитал. При покупке они руководствуются разными соображениями: так, для предпринимателей с «Садового» важны и близость к работе, и цена, и то, что они уже знакомы с этим районом и соседями, — поскольку чаще всего, прежде чем приобрести собственность, такие предприниматели снимают в Котельниках квартиры несколько лет. Владельцы кондитерских, кафе, магазинов с товарами ша-

говой доступности руководствуются иной логикой: в некоторых случаях они сначала покупают здесь жилье, выбирая его по цене, а потом уже переносят сюда бизнес. Для них, таким образом, решающими факторами будут цены на жилую и коммерческую недвижимость, а также наличие спроса. В случае, если они занимаются «этническим» бизнесом — например, продают халяльные продукты или открывают чайхану, — для них важно наличие именно «мигрантского» спроса. Во-вторых, при покупке они чаще обращаются к официальным средствам поиска жилья: идут в агентство, звонят по объявлениям или нанимают риэлторов. В-третьих, мигранты-бизнесмены сами по себе служат центром притяжения новых мигрантов, т. к. они чаще привозят к себе жен и детей, других родственников, которые помогают по дому либо устраиваются к ним на работу. Наконец, среди зажиточных мигрантов есть немало арендодателей, которые сами скупают квартиры для последующей сдачи мигрантам.

Как складываются отношения между мигрантами и местными? Согласно нашим данным, местные не считают высокую концентрацию мигрантов главной проблемой города и района. Большинство из них озабочены в первую очередь низким качеством инфраструктуры и социальных учреждений — плохой транспортной доступностью, загрязнением окружающей среды, нехваткой парковок и мест в поликлиниках. С другой стороны, эти проблемы они чаще всего связывают и с непродуманной политикой города, и с мигрантами: так, по мнению некоторых информантов, мест в школах и поликлиниках не хватает как из-за опережающего строительства жилья, так и из-за массового притока мигрантов, которые живут большими семьями или «квартирами-общежитиями», что создает повышенную нагрузку на инфраструктуру. То же самое касается транспортной доступности: с одной стороны, информанты винят в пробках плохие развязки, а с другой — близость «Садового» и, соответственно, мигрантов. При этом нельзя сказать, когда информанты действительно хотят выделить причинно-следственную связь

между явлениями, а когда — завуалировать таким образом свою неприязнь по отношению к мигрантам.

Одновременно с этим местные, которые остаются, предпочитают не отдавать своих детей в школы города. Как было сказано ранее, в Котельниках всего три школы на 40-тысячное население, из-за чего большинство классов переполнены, учителей не хватает, качество образования, по мнению информантов, оставляет желать лучшего. При этом, как и в случае с дорогами, «мигрантский фактор» может как проговариваться, так и только подразумеваться: многие информанты открыто говорят, что присутствие в классе 15–20 нерусскоязычных детей отрицательно влияет на образовательный процесс, в то время как прочие жалуются лишь на плохое образование и переполненность школ. И те, и другие тем не менее предпочитают отдавать своих детей в другие школы — в Жулебино, в Дзержинский, в другие районы Москвы и Подмосковья. Жить в Котельниках, а детей возить учиться в другое место — распространенная стратегия среди наших информантов, хотя известны также семьи, которые готовы уехать или уже уехали из города только для того, чтобы отдать детей в другую школу. В чистом же виде *white flight* — т. е. желание уехать исключительно и эксплицитно из-за неприязни к мигрантам, — по нашим данным, встречается не так часто. В тех же случаях, когда это так, дискурс, который воспроизводят информанты, в основном следующий: *«Они живут по 10 человек, одни мужчины, а убираться за собой никто не привык, вот и разводятся тараканы... Мусорят, курят, шумят... воевать с ними бесполезно...»* Вторая по популярности «претензия», согласно этому дискурсу, — поведение мигрантских детей на детских площадках: по словам ряда информантов, они обижают других детей, а родители не делают им замечаний. Известно, что на 2-м Покровском проезде есть русские мамы, которые специально ходят гулять на другие детские площадки, где меньше мигрантов. Интересно, что, даже если у местных и мигрантов нет друг к другу никаких претензий, на детской площадке они редко вступают во взаимодействие (хотя дети играют вперемешку),

причем причины такой взаимной отстраненности они трактуют буквально зеркально: русские утверждают, что мигранты «больше со своими любят общаться», а мигранты — что «русские мамы с ними не общаются». Наконец, особенное отношение вызывают женщины в хиджабах: на детских площадках хорошо видно, как покрытые женщины сидят своими группками, а остальные мамы, в т. ч. другие мигрантки, держатся от них несколько в стороне. При этом одна такая покрытая мигрантка рассказывала, что русские женщины их не любят, постоянно фотографируют — «а это обидно». В целом, детские площадки не становятся местом выстраивания «мостов» между взрослыми мигрантами и местными, но нередко выступают пространством конфликта.

Примечательно, что в своем отношении к району армянские мигранты в целом солидарны с местными. Они также жалуются на плохую инфраструктуру и шумных приезжих из Центральной Азии, нехватку парковок и часто отдают своих детей в другие школы. Кроме того, именно армян другие жители часто не воспринимают как мигрантов. «Здесь живет много мигрантов и армян», — довольно распространенное описание своего дома или подъезда местными жителями.

Снимающие же мигранты, как правило, довольны своим районом и редко задумываются о проблемах экологии, плохой транспортной доступности или о качестве образования в городе. К широкому этническому разнообразию города и своего района они скорее относятся равнодушно: «Я утром прихожу, вечером ухожу, никого не вижу, даже не знаю, кто здесь еще живет». В связи с этим тесных связей с другими жителями Котельников они не образуют, а круг их общения в городе состоит из тех, с кем они знакомы по стране происхождения, а также из коллег по работе и соседей по квартире, при том что эти два множества часто накладываются. Немного иная ситуация — у мигранток-домохозяек, которые много времени проводят в районе, знакомятся с другими мигрантками, вместе гуляют с детьми или ходят за продуктами, иногда присматривают за детьми друг друга. В связи с этим у них, в отличие от их мужей, появляется привязан-

ность к месту: «Я не хочу отсюда уезжать, у меня тут подружки». В целом, однако, говорить о «замкнутых сообществах мигрантов», о которых пишут в СМИ, на данный момент не приходится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на сегодня в новостройках города Котельники сложились места резидентной концентрации мигрантов с налаженной мигрантской инфраструктурой («квартиры-общежития», «мигрантские» предприятия, риэлторы, специализирующиеся на работе с мигрантами и проч.), которая способствует притоку новых волн приезжих. Это складывание напрямую связано с появлением в ближайшей транспортной доступности крупнейшего российского оптового вещевого рынка «Садовод». Работники рынка, а также прочих прилегающих преимущественно «мигрантских» рабочих мест осуществляют давление на рынок недвижимости — они больше прочих претендентов заинтересованы в покупке и аренде жилья в Котельниках. В результате, хотя говорить о массовом отъезде местного населения не приходится, постепенное увеличение доли мигрантов в населении — происходит; более того, происходит оно за счет того, что мигранты интенсивно покупают и арендуют жилье в недавно построенных домах, и в некоторых подъездах таких домов доля проживающих мигрантов может достигать до 70%. Складывание места резидентной миграции в Котельниках происходит в рамках закономерностей, описанных в предыдущей главе, что и позволяет использовать этот пример в качестве иллюстрации того, как места резидентной концентрации мигрантов складываются в российских городах.

Глава 6

Когда и почему мигранты покупают жилье в России и как это связано с их интеграцией?¹

Введение и методология исследования

В предыдущих главах мы показали, что мигранты живут далеко не только в «резиновых квартирах» и — как в местах резидентной концентрации, так и за их пределами — их резидентные характеристики могут существенным образом различаться; более того, часть наших информантов владеет той недвижимостью, в которой проживает. Из разрозненных наблюдений, кроме того, нам было известно, что в целом покупка недвижимости является индикатором намерения остаться в России. Но действительно ли это так? И как покупка жилья связана с показателями интеграции? В том числе и этому был посвящен всероссийский опрос, и в этой главе мы дадим ответы на эти вопросы, равно как и приведем некоторые количественные показатели, описывающие резидентные характеристики мигрантов в России.

В международных исследованиях для ответа на этот вопрос чаще всего используется модель,

¹ Эта глава написана на основе публикации, принятой к печати в журнале «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены» (№ 4 (2022)).

созданная на основе теории линейной ассимиляции (Massey, 1985; Alba, Logan, 1992). Согласно этой модели, по мере продвижения на рынке труда, изменения ценностных ориентаций, а также роста ощущения принадлежности к принимающему обществу и отдельным сообществам в его рамках у мигрантов появляются возможность и желание приобрести недвижимость. В результате со временем, которое может измеряться как годами, так и поколениями, между мигрантами и местными стираются различия в том, что касается доли собственников жилья. Существует большое количество работ, в которых те или иные аспекты этой модели проверяются и находят свое подтверждение (Chua, Miller, 2009; Constant et al., 2009; Amuedo-Dorantes, Mundra, 2013), но есть и такие работы, результаты которой ей не соответствуют или даже ее опровергают (Yu, 2006; McConnell, Marcelli, 2007).

Среди небольшого количества российских исследований, посвященных жилью мигрантов (Бредникова, Ткач, 2010; Рочева, 2015; Гришанов и др., 2017), считанное число работ так или иначе касается связи между покупкой жилья и интеграцией; более того, в этих работах скорее формулируются гипотезы, а не даются ответы (Ермакова и др., 2020). В этой главе мы фокусируемся на связи интеграции и покупки жилья, а также тестируем альтернативные, неинтеграционные объяснения последнего. Концептуализируя интеграцию, мы ориентируемся прежде всего на т. н. немецкую традицию исследования интеграции (Esser, 2001; Heckmann, 2005) и выделяем (Варшавер, Рочева, 2016) структурный, культурный, социальный и идентификационный аспекты интеграции. Для работы с альтернативными гипотезами мы используем транснациональный подход (Schiller et al., 1992; Vertovec, 2009) и парадигму жизненного пути (Elder, 1994; Mortimer, Shanahan, 2007).

В ноябре-декабре 2020 года был проведен массовый опрос в социальных сетях, посвященный характеристикам расселения мигрантов и их интеграции. Было собрано два подмассива. В первый вошли этнические мигранты первого и второго поколения из стран Закавказья (Армении и Азербайджана)

и Средней Азии (Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана), во второй — сопоставимые по количеству немигранты. Респондент квалифицировался как мигрант первого поколения в том случае, если он закончил школу в одной из указанных стран и в качестве своей национальности указал одну из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей. Респондент квалифицировался как мигрант второго поколения, если он закончил школу в России, его национальность — одна из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей, при этом его родители (хотя бы один) родились в указанных странах Закавказья и Средней Азии. Респондент квалифицировался как местный в том случае, если он закончил школу в России, а также оба его родителя закончили школу в России. В массив, таким образом, не вошли две важные группы: мигранты из прочих регионов мира (включая, например, украинских), а также этнические мигранты из Закавказья и Средней Азии.

Опрос был проведен в интернете посредством таргетированной рекламы в социальных сетях «ВКонтакте», «Инстаграм» и «Одноклассники». Анкета была переведена на пять языков (армянский, азербайджанский, кыргызский, узбекский и таджикский), и респонденту предлагалось выбрать нужный язык. Для достижения мигрантов первого и второго поколения реклама показывалась участникам этнически маркированных групп («ВКонтакте», «Одноклассники»), а также тем, для кого указанные страны и их столицы определялись социальной сетью в качестве интереса («Инстаграм»). Для достижения местных осуществлялся стихийный таргетинг по соцсетям в целом. Всего было создано порядка 600 объявлений, они различались в зависимости от характеристик целевых групп (примеры объявлений — Рисунок 18, Рисунок 19, Рисунок 20). Выборка была стихийной и квотной, при этом квоты выделялись на основании социальной сети и страны происхождения мигрантов, а также принадлежности к большой группе мигрантов (которая включала в себя мигрантов как первого, так и второго поколений) или местных. Кликнувшие на объявления перенаправлялись на пер-

вую страницу анкеты на сайте surveymonkey.com. Собранный массив чистился на предмет тех, кто прошел опрос полностью быстрее чем за 5 минут, а также на предмет тех, кто указал возраст меньший чем 18 лет или больший чем 99 лет. Всего после чистки в массив было включено 4888 анкет (есть ответ на первый блок вопросов, который позволяет классифицировать респондента), из которых 2235 — полностью завершённые. Среди начатых анкет мигрантов 2585 — это анкеты мигрантов первого поколения, 638 — второго. Доля дошедших до конца анкеты в целом по массиву составляет 45%, при этом местные полностью заполняют анкету в 67% случаев, мигранты второго поколения — в 47%, а мигранты первого поколения — в 32% случаев. Среди мигрантов первого поколения эта доля варьируется от 28% (кыргызстанцы) до 40% (азербайджанцы). Для данной главы за исключением нескольких сравнений, приведенных для описания контекста, анализ осуществляется на основе анкет мигрантов первого поколения, при этом в модели включаются анкеты респондентов, ответивших на все вопросы, необходимые для построения модели. Среди них порядка 66% — мужчины, а 34% — женщины, а средний возраст — 31 год при стандартном отклонении 11,4 года, при этом 80% мигрантов первого поколения — это люди до 40 лет. Это, в целом, соответствует имеющейся статистике МВД.

В анкету были включены вопросы, которые условно можно разделить на три блока. Первый блок переменных посвящен жилью, при этом под жильем понимается место, где респондент ночует, второй блок связан с разнообразием его интеграционных характеристик, третий блок — это социально-демографические показатели респондента. Эти блоки несколько различались у разных групп респондентов: в частности, мигрантам первого поколения задавались вопросы о жилье, которое стало для них первым в России; мигрантам второго поколения и местным эти вопросы по понятным причинам не задавались. В анализ были включены переменные, созданные на основании некоторых из анкетных вопросов. На основании блока, посвященного жилью, была

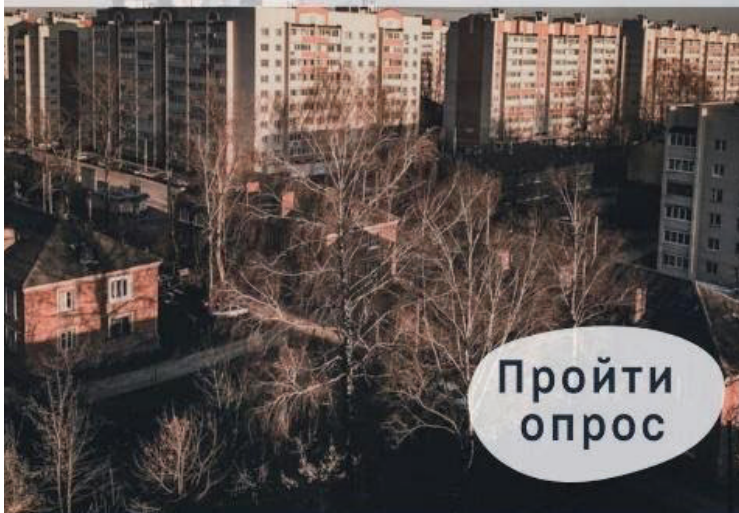

Опрос россиян про жилье

Нравится жить там,
где живешь?

ДА
 НЕТ

Подробнее

Нравится: 49

Расскажи в каких жилищных условиях живут россияне

Посмотреть все комментарии (30)

Рис. 18. Реклама опроса для местных

Пурсишномаи тоҷикистониҳо
 Реклама добавлена 27 ноября 2020 в 11:16

Тоҷикистониҳо дар Россия дар чӣ вазъ зиндагӣ мекунанд, нақл кун

Кай боз дар Россия ҳастӣ?

- Дер боз
- Ба наздикӣ омадам
- Ман дар Россия таваллуд шудам

18+ **Гузаштани пурсишнома**

Гузаштани пурсишнома
ru.surveymonkey.com

Просмотрено 87 раз

 7
  0
  6

 Продвинуто

Рис. 19. Реклама опроса для таджикистанцев

Հայերի հարցում
 Реклама

Պատմիր՝ ինչպիսի բնակարանային պայմանները

Վաղու՞ց եք Ռուսաստանում:

- Վաղուց
- Ոչ շատ վաղուց
- Ես ծնվել եմ Ռուսաստանում

Անցնել հարցումը

Հարցում կացարանի մասին
ru.surveymonkey.com

 Начать

Рис. 20. Реклама опроса для армян

сконструирована переменная «Владение жильем», принимающая значение 1 в случае, если жилье находится в собственности у респондента или члена его семьи, 0 — во всех остальных случаях. Именно эта переменная стала центральной для анализа. На основании 10 вопросов из блока, посвященного интеграции, посредством кластерного анализа (метод — кластеризация k -средними) была сконструирована общая переменная «интеграция», а также три частные переменные: «укорененность», «ингрупповой фаворитизм» и «свободное знание русского языка». Кроме того, для анализа были использованы переменные «доход», «квалификация», «транснационализм», «российское гражданство», «количество лет в России», «регион», «тип населенного пункта рождения», «пол», «возраст», «образование», «страна происхождения», «живет с семьей», «живет с супругом», «живет с детьми», «живет с братьями или сестрами». Более подробное описание переменных, включенных в анализ, — в приложении 2.

Анализ был осуществлен посредством корреляционно-регрессионного моделирования. В качестве зависимой переменной в большинстве случаев в модель помещалась переменная «Владение жильем», однако иногда — для проверки гипотез — в качестве зависимой использовались другие переменные. Расчет осуществлялся в статистическом пакете СПСС, в стандартной выдаче которого при использовании регрессионного анализа методом МНК присутствует стандартизованный коэффициент β , необходимый для сопоставления силы эффекта переменных, различающихся количеством градаций шкал зависимой и независимых переменных. В связи с этим, несмотря на то что обычно для работы с бинарными переменными как зависимыми используется логистическая регрессия, было решено осуществить анализ посредством линейной МНК-регрессии и продемонстрировать его результаты. Модели перепроверялись посредством логистической регрессии, и показатели, в целом будучи менее наглядными, по сути не отличались. Всего было рассчитано 27 моделей, каждая из которых использовалась для проверки или уточнения последовательно формулируемых гипотез.

Результаты исследования

Как распределено владение жильем, а также прочие отношения к занимаемой жилой площади среди респондентов? Для местных доля собственников — самая высокая. Она составляет 87,6%. Мигранты первого поколения реже всего владеют жильем (29,5%), при этом среди них относительно велика доля тех, кто живет в жилье, предоставленном работодателем (9,9%), а чаще всего они снимают жилье (51,6%). Мигранты второго поколения или выросшие дети мигрантов находятся в промежуточном положении между местными и мигрантами первого поколения, владея жильем (вероятно, вместе с другими членами семьи) в 64,7% случаев, а арендуя — в 31% случаев. Далее анализ будет осуществляться применительно к первому поколению мигрантов.

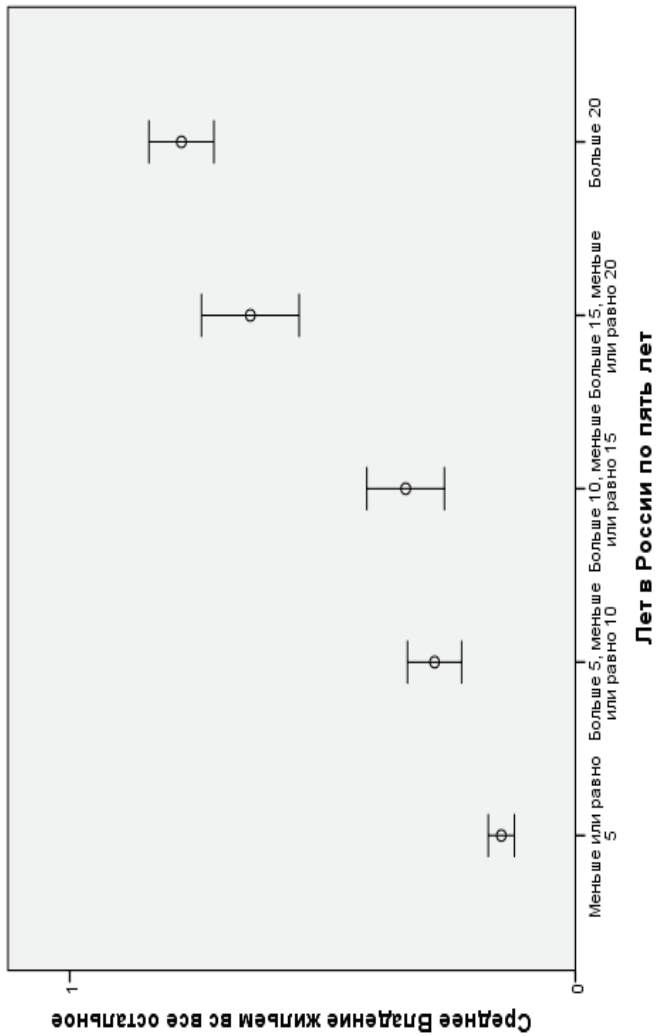
Рассмотрим, как наличие жилья связано с количеством лет, прошедших с момента первого въезда, на графике, для чего разобьем эту переменную на периоды по пять лет. Очевидно, что доля владеющих жильем сильно и положительно связана со временем пребывания в России; более того, видно, что наибольший переход к владению осуществляется между 15 и 20 годами с момента первого въезда в Россию.

Ответим, кроме того, на вопрос о том, как жилье, которым мигранты владеют, было приобретено. Как видно из таблицы, абсолютное их большинство жилье купило, в отличие от местных, которые значительно чаще получают жилье в наследство, от государства или организации, а также в результате обмена.

Теперь осуществим корреляционный анализ (см. приложение 3). Согласно этому анализу, факт владения жильем статистически связан с большинством прочих переменных, в частности с возрастом ($r = 0,466$, $p < 0,001$), количеством лет в России ($r = 0,468$, $p < 0,001$), планами на будущее ($r = -0,213$, $p < 0,001$), наличием российского гражданства ($r = 0,567$, $p < 0,001$), проживанием в Москве или Московской области ($r = -0,270$, $p < 0,001$), фактом работы в данный момент ($r = -0,076$, $p < 0,001$), интеграцией ($r = 0,161$, $p < 0,001$), укорененностью ($r = 0,196$,

ТАБЛИЦА 1. Отношение к жилью среди разных категорий респондентов

	Я/мы владеем этим жильем	Я/мы снимаем это жилье	Я/мы безвозмездно живем у родственников или знакомых	Я/мы живем в жилье, которое предоставил работодатель	Я/мы живем в жилье, которое предоставило учебное заведение	Итого
Первое поколение мигрантов	29,5%	51,6%	3,1%	9,9%	5,9%	1441
Второе поколение мигрантов	64,7%	31,0%	2,0%	1,6%	0,7%	451
Местные	87,6%	6,7%	4,0%	1,2%	0,5%	1438
Итого						3330

Столбики ошибок: 95% дов. инт.

Рис. 2.1. Распределение доли владеющих жильем по группам, выделенным на основании времени нахождения в России

ТАБЛИЦА 2. Способ приобретения жилья среди разных категорий респондентов

	Это жилье Вы/Ваша семья...					Итого
	...купили	...обменяли	...получили в наследство	...получили у государства	...получили от организации	
Первое поколение мигрантов	84,8%	1,2%	5,0%	5,0%	4,0%	420
Второе поколение мигрантов	90,3%	0,7%	3,8%	3,5%	1,7%	289
Местные	52,3%	7,5%	13,7%	16,8%	9,7%	1251
						1960

$p < 0,001$), ингрупповым фаворитизмом ($r = -0,066, -0,1 > p \geq 0,05$), свободным знанием русского языка ($r = 0,189, p < 0,001$), полом ($r = -0,204, p < 0,001$), уровне образования ($r = 0,075, 0,05 \geq p > 0,01$), транснационализмом ($r = -0,306, p < 0,001$), страной происхождения Азербайджаном ($r = 0,245, p < 0,001$), Арменией ($r = 0,281, p < 0,001$), Кыргызстаном ($r = -0,163, p < 0,001$), Таджикистаном ($r = -0,100, p < 0,001$), Узбекистаном ($r = -0,223, p < 0,001$), другой страной ($r = 0,088, p < 0,001$), неквалифицированной работой ($r = -0,141, p < 0,001$), проживанием с семьей ($r = 0,316, p < 0,001$), с супругом ($r = 0,383, p < 0,001$), с детьми ($r = 0,454, p < 0,001$), братьями и сестрами ($r = -0,063, p < 0,001$). Однако, во-первых, эти переменные различаются в том, что касается силы связи с переменной «Владение жильем»; во-вторых, лишь небольшая часть связей носит очевидно каузальный характер (пример такой связи — связь «Владения жильем» с переменной «Количество лет в России»), остальные же связи должны стать объектом интерпретации; в-третьих, большая часть переменных помимо «Владения» статистически значимо связаны друг с другом, более того, эта связь зачастую объясняет связь каждой из этих переменных с переменной «Владение жильем». Например, переменная «В данный момент работает» неожиданно негативным образом связана с «Владением», однако это объясняется тем, что среди тех, кто не работает, больше женщин, которые занимаются домашним хозяйством, а такая конструкция больше распространена в семьях, давно живущих в России и имеющих жилье в собственности. В связи с этим необходим более подробный, регрессионный анализ, который позволит с большей обоснованностью предположить о конструкции связей между переменными и тем самым ответить на вопрос о роли покупки жилья в жизни мигрантов и связи покупки и интеграции. Важно, однако, что корреляционный анализ позволяет отметить, что самая сильная связь с переменной «владение жильем» у двух переменных — «Количество лет в России» (которая, в свою очередь, связана с переменной «Возраст») и «Наличие российского гражданства». Их коэффициенты детерминации — 0,22 и 0,32 соответственно. Попробуем включить в регрессион-

ный анализ (см. здесь и далее приложение 3) одновременно две этих переменных, в качестве зависимой взяв «Владение жильем» (модель 1). Коэффициент детерминации этой модели выше, чем в предыдущих случаях, и составляет 0,39, а обе переменные — хотя сила связи между каждой из них и «Владением жильем» снизилась — остались значимыми и сильно связанными с зависимой переменной. Это значит, что среди тех, кто в России много лет, продолжают оставаться те, кто не приобрел недвижимость, однако одновременно с этим они не приобрели и гражданство. Можно предположить, таким образом, что недвижимость и гражданство идут рука об руку. Проверим это, поменяв «Владение жильем» и «Наличие гражданства» местами (модель 2). Коэффициент детерминации поменялся на 0,01, равно как существенно не изменились коэффициенты β . Это позволяет предположить, что гражданство и наличие недвижимости в собственности, будучи тесно связанными, объясняются примерно одним и тем же набором факторов. Можно предположить, кроме того, что эти переменные не связаны каузально, а скорее вместе объясняются другими факторами. В дальнейшем анализе мы будем периодически проверять эту гипотезу.

На следующем этапе выясним, какие переменные останутся значимыми, если осуществить контроль по количеству лет с момента первого приезда в Россию. Как следует из модели 3, транснационализм остается значимо связанным с зависимой переменной ($\beta = -0,196$, $p < 0,001$), равно как таковой остается переменная «Количество лет в России» ($\beta = 0,446$, $p < 0,001$); последняя, впрочем, связана с зависимой переменной сильнее, и коэффициент детерминации этой модели составил 0,28. Содержательно это значит, что, скорее всего, мигранты — вне зависимости от того, сколько времени прошло со времени первого въезда в Россию, — с большей вероятностью приобретут жилье в случае, если их связи с обществом в отправляющей стране менее интенсивны. Возможно, это связано с тем, где — здесь или там — находится семья, а еще точнее, дети. Следующие модели (4–7) проверяют роль связи с отправляющим сообществом помимо не-

посредственных членов семьи. Согласно результатам анализа, транснациональные связи будут поддерживаться вне зависимости от того, где живут члены нуклеарной семьи, и они будут негативным образом связаны с вероятностью наличия здесь недвижимости в собственности. В свою очередь, при прочих равных наличие здесь супруга и детей (эти переменные связаны между собой, $r = 0,586$, $p < 0,001$) будет положительно ($\beta = 0,179$, $p < 0,001$ и $\beta = 0,278$, $p < 0,001$ соответственно) связано с владением жильем. После контроля как отдельно по количеству лет в России (модель 8), так и по количеству лет в России и транснационализму одновременно (модель 9) остается связанной с наличием недвижимости переменная «Регион проживания». Содержательно это значит, что хотя, как показывает корреляционный анализ, в Москве живет больше тех, кто ездит в Россию недавно, а также тех, кто поддерживает транснациональные связи, сам по себе факт проживания в Москве или Московской области делает вероятность владения недвижимостью более низкой, чем если бы респондент жил в прочих регионах России. Различаются между собой после осуществления контроля по количеству лет в России и уровню транснационализма и мигранты из разных стран: в частности, если сравнивать с Таджикистаном, чаще имеют недвижимость в собственности мигранты из Армении и Азербайджана, а реже — из Узбекистана. Более того, в уравнении, в которое одновременно включены переменные «Количество лет в России», «Страна происхождения», «Живет с детьми», «Регион проживания» и «Транснационализм» (модель 11), все переменные будут значимы, и вместе они будут объяснять наличие жилья в собственности на 40%. Кроме того, в продолжение проверки гипотезы о сходстве конструкции предикторов моделей, где переменные «Владение жильем» и «Наличие российского гражданства» поочередно выступают в качестве зависимых, для таких же предикторов была замерена связь с «наличием гражданства» (модель 12). Как и ожидалось, β -коэффициенты оказались сходны, с той лишь разницей, что, по всей видимости, соотношение между гражданством и наличием недвижимости

различается по странам происхождения мигрантов — выходцы из Таджикистана отличаются от прочих среднеазиатских мигрантов больше, чем от мигрантов из стран Закавказья.

Теперь перейдем к анализу моделей, которые позволяют ответить на ключевой вопрос исследования, а именно — о связи между наличием недвижимости в собственности и интеграционными переменными. Для начала выясним, есть ли связь между положением мигрантов на рынке труда, в частности, доходом и необходимостью профессиональной квалификации для выполнения работ, с одной стороны, и владением жильем — с другой. Напомним, что, согласно корреляционному анализу, среди неквалифицированных работников владельцев недвижимости было меньше, чем среди квалифицированных, однако с доходом наличие недвижимости в собственности, к удивлению, связано не было. Поместим эти переменные в регрессионное уравнение поочередно, осуществляя контроль для начала на количество лет в России и уровень транснационализма. Согласно вычислениям (модель 13), доход так и остался незначимым, а эффект квалификационных требований для исполнения работ (модель 14) оказался относительно небольшим ($\beta = 0,083$, $p = 0,023$). В случае включения в качестве контрольных переменных «Страны происхождения», «Проживания с детьми» и «Региона проживания» (модели 15 и 16) как доход, так и квалификационные требования оказываются незначимы. Из этого можно заключить, что интеграционные показатели, связанные с рынком труда, не имеют собственной связи с владением жильем помимо уже заключенной в различиях между «старыми» и «новыми» мигрантами, жителями столичного региона и всех остальных и проч. Кроме того, взятые отдельно, эти показатели с наличием жилья если и связаны, то слабо. Иными словами, доходы у тех, кто только недавно начал ездить в Россию, и тех, кто ездит в Россию давно, даже при том, что последние чаще заняты на работах, требующих квалификации, практически не различаются. Такое положение вещей можно попытаться объяснить

эффектом пандемии, но, возможно, речь идет о более устойчивых структурных причинах. О них пойдет речь в выводах.

От положения мигрантов на рынке труда как фактора, предсказывающего наличие недвижимости, перейдем к разного рода аттитюдным, поведенческим и прочим показателям интеграции. Напомним, на основании десяти вопросов был создан индекс интеграции, а кроме того, было выделено три отдельных интеграционных показателя, получивших названия «Укорененность», «Ингрупповой фаворитизм» и «Свободное знание русского языка». Осуществим анализ, идентичный осуществленному в отношении переменных, описывающих положение мигрантов на рынке труда. Для начала сделаем это в отношении переменной «Интеграция». В модели, где контрольными переменными выступают «Количество лет в России» и «Транснационализм» (модель 17), переменная «Интеграция» не является статистически значимой, равно как не фиксируется ее эффекта в модели с прочими контрольными переменными (модель 18) — «Страной происхождения», «Регионом» и «Проживанием с детьми». Это значит, что, при том что факт собственности на жилье неплохо (коэффициент детерминации доходит до 0,40) объясняется прежде всего тем, сколько времени прошло с момента первого въезда в Россию, наличием интенсивных транснациональных связей, страной происхождения, регионом проживания в России, а также проживанием с семьей, отдельная роль характеристик интеграции — помимо того, что уже объясняют указанные контрольные переменные — отсутствует. Интеграция, взятая в целом, таким образом, сама по себе не связана с покупкой недвижимости в России. Сходные показатели фиксируются в моделях, где рассматриваются два из трех аспектов интеграции — ингрупповой фаворитизм (модели 21 и 22) и знание русского языка (модели 23 и 24): хотя эти аспекты, взятые отдельно, в той или иной степени связаны с фактом владения жильем ($r = -0,066$, $p = 0,062$ и $r = 0,189$, $p < 0,001$ соответственно), последнее статистически убедительно объясняется другими факторами, в эффект которых заложен эффект интеграционных пере-

менных. Иная ситуация с последним компонентом интеграции — укорененностью. Как в уравнении с неполным, так и в уравнении с полным набором контрольных переменных (модели 19 и 20 соответственно) эта переменная значима; сила эффекта при этом относительно небольшая, однако в одной из моделей она оказывается больше, чем сила эффекта транснационализма. Из этого можно заключить, что укорененность связана с собственностью на недвижимость отдельным от прочих компонент интеграции образом. Из описанных моделей, впрочем, можно сделать вывод, что покупка недвижимости в России практически не связана с большинством показателей интеграции. Интеграция протекает в рамках одной логики, а покупка недвижимости — в рамках другой; их роднит, однако, то, что и то и другое так или иначе связано со временем пребывания в России.

Можно предположить на этом основании, что покупка недвижимости мигрантами не связана с тем, рассматривают ли они Россию как «конечную остановку», страну, в которой они будут жить в будущем и стареть. Проверим эту гипотезу, измерив эффект переменной «Планы на будущее», которая представляет из себя шкалу от «Жить в России» до «Жить в другой стране» (модели 25 и 26). Если при малом наборе контрольных переменных сила этого эффекта невелика, но он статистически значим, при полном наборе эффект уходит практически полностью. Вновь среди тех, кто долгое время в России, а также у тех, кто живет менее активной транснациональной жизнью, больше тех, кто хочет жить в России; более того, все эти переменные по отдельности связаны с наличием недвижимости в собственности («Планы на будущее», впрочем, существенно слабее), однако отдельного эффекта переменной «Планы на будущее» на наличие недвижимости нет, и можно сказать, что в деле объяснения того, почему мигранты покупают жилье, планы на будущее практически не помогают.

Финальная модель (модель 27), в которую были включены все переменные, сохранившие значимость после контроля по большому набору переменных, наличие российского

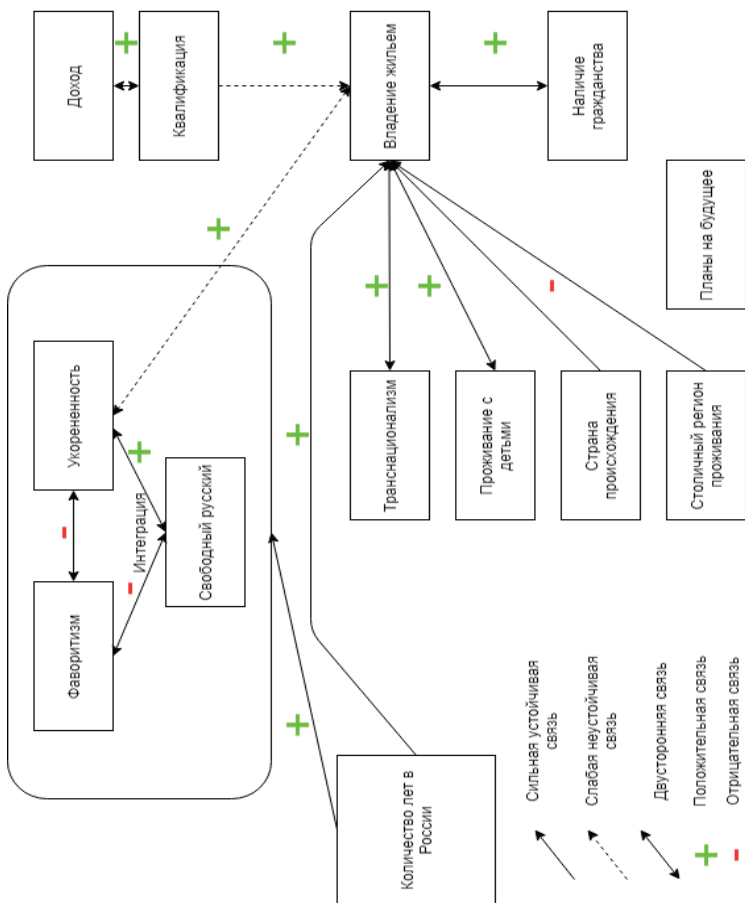
гражданства, а также социально-демографические переменные, до того не включаемые в уравнения за отсутствием хорошей и нетривиальной теории, которая бы описывала связь между этими переменными и наличием недвижимости в собственности, позволяет объяснить распределение этой переменной на 46%, при этом в этой конструкции независимых переменных статистическую значимость теряет укорененность, что еще раз позволяет предположить, что интеграция и наличие недвижимости в собственности могут быть связаны друг с другом хронологически, но не смыслово.

Представим полученные результаты в виде схемы (Рисунок 22). На ней с некоторой долей условности представлены результаты вычислений. Стрелками обозначены связи, которые сохраняются в регрессионном уравнении при наличии контрольных переменных: сплошные стрелки — это устойчивые и сильные связи, пунктирные — слабые и неустойчивые. Знаки + и — обозначают направление связей (положительные или отрицательные). Одно- или двусторонние стрелки — это предположения о каузальности. Главный и основной результат — это отсутствие устойчивых связей между владением жильем и блоком интеграционных переменных. Позиции мигрантов на рынке труда также не являются важным предиктором владения жильем. При этом наиболее существенными факторами, которые предсказывают последнее — это количество лет в России, уровень транснационализма, проживание с детьми, столичный регион проживания, а также страна происхождения мигрантов. Кроме того, владение жильем связано с наличием гражданства, и набор факторов, который предсказывает последнее, — примерно тот же, что и тот, который предсказывает владение жильем.

Выводы

Что означают эти результаты? По всей видимости, для российских мигрантов до определенной степени релевантна модель линейной ассимиляции, когда интеграционные и резидентные характеристики одновременно связаны с количе-

Рис. 22. Схема, описывающая результаты анализа

ством лет, прошедших с момента первого въезда в Россию, и связь эта положительная. Это значит, что мигранты, оказавшись в России, постепенно учат русский язык, устанавливают социальные связи разного типа, начинают идентифицироваться со страной в целом и конкретными местами в ней, меняют установки в отношении тех, кто относится к их национальности и религии, и тех, кто к ним не относится, и со временем получают гражданство и покупают квартиру. Параллельно с этим снижается и интенсивность транснациональных связей. Более детальный анализ, однако, показывает, что и разные показатели интеграции, и владение жильем, будучи связаны со временем пребывания в России, практически не связаны друг с другом. Как это можно объяснить? Привлечем для этого две теории — теорию сегментной ассимиляции (Portes, Zhou, 1993; Portes, Rumbaut, 2001) и теорию двойного рынка труда (Reich et al., 1973; Massey et al., 1993). Согласно первой теории, разные аспекты интеграции не связаны друг с другом, и можно преуспеть в принимающем обществе, поддерживая существенный уровень интрагруппового фаворитизма. По всей видимости, с годами пребывания в России мигранты в большинстве случаев накапливают ресурс для того, чтобы приобрести недвижимость, однако ни накопление этого ресурса, ни приобретение недвижимости (равно как и получение гражданства) само по себе почти не будет связано со снижением уровня интрагруппового фаворитизма и прочими показателями культурной, социальной и идентификационной интеграции за исключением укорененности, которая, однако, может появиться в результате покупки недвижимости. Из других исследований известно, что в некоторых случаях именно покупка недвижимости становится для мигрантов индикатором «укоренения» в районную жизнь, и весьма логично, что соответствующее ощущение может дать факт наличия собственности на недвижимость (Ермакова и др., 2020). Вместе с тем отсутствие отдельной связи между владением жильем и планами на будущее позволяет предположить и то, что покупка жилья может быть рациональной инвестицией, которая именно поэтому

и не связана с прочими аспектами интеграции и осуществляется в тот момент, когда для такой инвестиции появляются ресурсы. Отдельный вопрос состоит в том, почему связь между положением мигрантов на рынке труда и владением жильем слаба или отсутствует. Здесь, задействовав ресурсы теории двойного рынка труда, можно предположить, что те работы, на которых заняты мигранты, не имеют существенных перспектив карьерного роста или роста доходов, в результате чего значимым фактором для приобретения недвижимости является только то, сколько лет мигрант осуществляет такую деятельность и, соответственно, сколько лет он копит ресурс для последующей инвестиции. По всей видимости, похожим статусом обладает гражданство, которое, ко всему прочему, дополнительно связано с владением жильем посредством совокупности механизмов, среди которых и необходимость постоянной регистрации для получения гражданства, и большая доступность ипотечных кредитов для граждан России.

Эти соображения, впрочем, следует обречь соображением, согласно которому данные, собранные в ходе этого исследования, и в целом данные, которые собираются в исследованиях миграции, имеют существенное методологическое смещение, которое имеет важные содержательные последствия. Речь идет о том, что данные обычно собираются либо в принимающем обществе, либо — реже — в отправляющем и практически не собираются одновременно и в том и в другом. В рамках этого исследования указанная проблема встает в полной мере. В собранных данных много молодежи. Можно предположить, что это артефакт сбора данных посредством социальных сетей, где перепредставлена молодежь, однако в первую очередь это, по всей видимости, связано с тем, что постсоветская миграция — это в значительной степени транснациональная миграция (Rahmonova-Schwarz, 2012; Абашин, 2016). Российские мигранты обычно не осуществляют однократный акт переезда, а начинают приезжать на заработки, а затем остаются или не остаются в России. Вполне возможно, что к этому выбору мигрантов

подталкивает нормативность, связанная с этапом жизненного пути: поездки в миграцию в странах с миграционной культурой (Kandel, Massey, 2002) — занятие для молодых; для более старших же возрастов они могут являться уже индикатором социальной неуспешности, и выход состоит в том, чтобы выбрать между тем, чтобы вернуться или остаться в России, при этом последнее в таком случае состоит в получении гражданства и покупке недвижимости. Как следует из наших данных, большинство тех, кто сейчас в России и первый раз приехал 15 и более лет назад, действительно со временем покупают жилье, однако более важной задачей в этом контексте было бы определить, кто после нескольких лет поездок в Россию остается в России, а кто возвращается в страну происхождения, поскольку именно с этим в первую очередь связан факт наличия недвижимости в России, при том что большинство независимых переменных, которые были использованы для объяснения наличия недвижимости в собственности, весьма вероятно объясняли бы и выбор страны для жизни. Более того, можно предположить, что интеграционные переменные в таком моделировании сыграли бы гораздо более важную роль. Исследования того, в какой стране — отправляющей или принимающей — мигрант покупает жилье, существуют (Owusu, 1998), но большинство таких исследований также оказывается в плену описанного методологического смещения. Можно, таким образом, дополнить созданную модель следующим образом: те, кто по какой-то причине по прошествии десяти-пятнадцати лет поездок в Россию все еще находится в России, с высокой долей вероятности имеют недвижимость в собственности, однако почему они остаются в России, а не в стране происхождения, мы доподлинно не знаем.

Это ограничение исследования является, пожалуй, основным, но не единственным. Как и в других исследованиях такого типа, кросс-секционный дизайн позволяет с известной долей условности говорить о связи, скажем, количества лет со времени первого въезда и покупки недвижимости, потому что, если быть точным, речь идет о том, что среди тех, кто

начал ездить в соответствующих годах, доля людей с недвижимостью в собственности выше, и тому теоретически могут быть иные объяснения, в частности, конъюнктура на рынке труда в те или иные года. В этом примере все-таки представляется, что речь идет именно о влиянии времени на покупку недвижимости посредством накопления ресурсов, однако в целом кросс-секционный, а не лонгитюдный дизайн создает существенные ограничения в том, что касается определения каузальности связей. Второе важное ограничение состоит в том, что исследование проводилось в необычное для мигрантов и всех прочих время, а именно — во время пандемии коронавируса. Мигрантов пандемия на разных ее этапах затронула по-разному. Если в ее начале многие мигранты потеряли работу и доход (Варшавер и др., 2020; Рочева и др., 2020), то в момент сбора этих данных (ноябрь-декабрь) в России, экономика которой восстанавливалась после локдауна, мигрантов было на примерно миллион человек меньше, чем обычно в этот сезон (Флоринская, Мкртчян, 2021). Это создало большой дефицит на рынке труда, и в результате зарплаты низкоквалифицированных мигрантов существенным образом выросли. Этим в том числе можно объяснить отсутствие связи между доходом и собственностью на недвижимость: низкоквалифицированные мигранты временно в части зарплат перестали отличаться от квалифицированных так сильно, как это было до пандемии. Эти ограничения, впрочем, не отменяют основных результатов исследования, согласно которым, хотя для российских мигрантов в объяснении владения недвижимостью в целом релевантна модель линейной ассимиляции (со временем, прошедшим с первой поездки в Россию, линейно растут как показатели интеграции, так и доля владеющих недвижимостью), дополнительной связи между большинством показателей интеграции и наличием жилья в собственности помимо той, которая обеспечивается прежде всего временем, прошедшим с момента первого приезда, нет.

Заключение

В заключении — на основании всей проделанной работы — мы сделаем обобщения, которые позволят ответить на вопрос о том, как мигранты расселяются в российских городах, складываются ли в России места резидентной концентрации и чем российский случай отличается от разнообразия зарубежных. Начнем, однако, с некоторых общих соображений относительно расселения мигрантов в городах в целом.

Прежде всего, можно утверждать, что полностью равномерное расселение мигрантов в городском пространстве — это утопия. Связано это с тем, что мигранты почти всегда будут совокупностью, по многим релевантным параметрам отличающейся от немигрантов. И миграционная история как параметр, который, собственно, и выделяет эту группу, здесь часто оказывается связанным с расселением напрямую. Каким образом? С одной стороны, мигранты как совокупность — это люди, которые сталкиваются с рынком недвижимости хронологически позже, чем немигранты, а это значит, что структура предложения на этом рынке иная и доступны иные резидентные слоты. Обнаруженный нами эффект,

согласно которому места резидентной концентрации в России складываются там, где есть новостройки эконом-класса, как раз является примером действия этого различия. С другой стороны, мигранты почти всегда отличаются от немигрантов демографически и обычно находятся на ином этапе жизненного пути. Это создает ситуацию, при которой их резидентные потребности оказываются иными, что неизбежно сказывается на том, где и как они селятся в городе. На этом, вероятно, универсальные различия исчерпываются и начинаются различия, зависящие от контекста.

И здесь вполне легитимно можно выделить два больших блока факторов, которые объясняют расселение мигрантов в каждом случае. Детально эти факторы были описаны в главе 2, однако если обобщить, это факторы, описывающие, с одной стороны, миграционный поток, с другой — принимающее общество. Миграционный поток в этом отношении может различаться в части уровня «ввозимого» человеческого капитала, а также разного рода установок — в частности, на проживание рядом с родственниками и представителями «своей» группы (зачастую, впрочем, первое принимают за второе) или на определенный стиль жизни (например, проживание в частных домах). Принимающие общества различаются в части урбанистических структур, резидентной и миграционной политики, а также установок местного населения в отношении мигрантов и проживания по соседству с ними.

Все эти факторы во взаимодействии и дают на выходе характеристики расселения мигрантов, а также способствуют складыванию или нескладыванию мест резидентной концентрации. Более того, последние могут — в связи с действием этих факторов — существенным образом различаться. И если в Сиднее места резидентной концентрации некоторых мигрантских групп сложились в связи с тем, что там жилье было почти самым дешевым в городе (это были заводские пригороды), а рядом находились интеграционные центры, где мигранты жили первые месяцы пребывания в стране, в Стокгольме ключевой фактор — это факт концентрации общественного жилья, которое все, кто хотел, могли арендовать у государ-

ства, однако, поскольку среди шведов желающих становилось все меньше, арендовали почти исключительно мигранты; в Дубае же последнее десятилетие мигрантов все чаще селят в огромные кварталы, состоящие из общежитий, и это частью — сознательная политика государства, состоящая в том, чтобы «спрятать» мигрантов от глаз туристов и бизнесменов со всего мира, частью — результат действия рыночных механизмов, разместивших эти кварталы на задворках эмирата, там, где цены на землю относительно низкие.

Российский случай расселения мигрантов в городах существенно отличается от большинства изученных страновых случаев. По всей видимости, хотя надежных переписных данных для ответа на этот вопрос не существует, мигранты в России расселены несколько равномернее, чем в большинстве изученных страновых контекстов, и ни Москву, ни любой другой российский город нельзя назвать ни сегрегированным, ни расколотым, как нередко характеризуют такие города, как, например, Париж, Сидней или Лондон. Вместе с тем в части крупных российских городов места резидентной концентрации мигрантов — застройка, в которой доля проживающих мигрантов составляет до 50% (любые цифры здесь — условность), — существуют, однако обычно в городе таких мест одно, максимум два; более того, существуют большие города (например, Санкт-Петербург), в которых таких мест нет вообще. Кроме этого, разумеется, есть и районы, в которых мигранты, наоборот, недопредставлены, и это будут, например, «элитные» поселки частного строительства. В остальных районах мигранты представлены, однако конкретная их доля от населения района в целом будет варьироваться, но, по всей видимости, эта вариативность будет меньше, чем в исследованных зарубежных контекстах.

Такое положение вещей принято объяснять советским эгалитарным наследием, однако обычно имеется в виду идеологический компонент и недооценивается роль институционального фактора, а именно особой системы распределения жилой недвижимости. В рамках этой системы медиаторами спроса были государственные организации, остро конку-

рировавшие за возводимое государством жилье, а характер строительства — начиная с 1960-х — предполагал последовательное возведение больших микрорайонов. В результате этого организации пытались получить жилье в каждом сданном микрорайоне вне зависимости от того, где он находился, и из-за масштабов конкуренции обычно получали только дом или несколько квартир. Следствием этого было то, что в каждом микрорайоне жили и рабочие, и военные, и разного рода служащие и интеллигенция. Сложно сказать, какой фактор играл большую роль, в особенности с учетом того, что в некоторых городах как минимум часть жилищного строительства продолжала осуществляться предприятиями, но довольно однозначно можно говорить о том, что советские города — это города, существенным образом перемешанные в социальном смысле. Распад Советского Союза и приватизация способствовали созданию рынка недвижимости, который оказался довольно слабо структурированным на районном основании, то есть цены на недвижимость различались от района к району не сильно. И международные мигранты, начавшие прибывать в Россию в начале 1990-х, искали себе жилье именно в таком контексте.

Здесь, однако, следует отметить, что международная миграция, которая началась в постсоветских странах в 1990-х, имеет одно важное отличие от прочих миграционных контекстов: мигранты в России интегрировались в постиндустриальный рынок труда, а это значит, что в своем расселении они не были привязаны к заводам и фабрикам. Важнейшей точкой притяжения миграции 1990-х стали крупные рынки, вторая волна — строители и дворники, сотрудники общепита и водители — не была привязана ни к чему, а точнее, рабочие места были довольно равномерно размещены в городском пространстве. Такое положение вещей, наряду с отсутствием существенных контрастов на рынке недвижимости, — это еще один фактор, объясняющий относительную равномерность распределения мигрантов в городском пространстве российских городов. Есть и третий значимый фактор, а именно — относительно небольшая доля мигрантов в населении страны и городов.

Российские места резидентной концентрации, как показано в главе 4, являются относительно небольшими, и, если даже немного расширить их радиус и оценить там долю мигрантов, выяснится, что она существенным образом упадет. Говорить о «мигрантских» районах и тем более «мигрантских» частях города в российском контексте, в отличие от зарубежных, совершенно точно не приходится. Это имеет одно важное последствие: типичные для зарубежных обществ процессы оттока местного населения из «мигрантских» районов связаны там с совершенно иными пропорциями прибывающих мигрантов и в российском контексте, хотя и присутствуют, выражены довольно слабо. А это, в свою очередь, значит, что практически нет предпосылок для сегрегации на общегородском уровне.

Места резидентной концентрации мигрантов отличаются от зарубежных аналогов и в том, что касается механизмов складывания. Если в рассмотренных зарубежных случаях места резидентной концентрации мигрантов — это места, «предназначенные» для мигрантов либо рынком недвижимости, либо государственной политикой, в России основным фактором складывания таких мест стало наличие крупных рынков. В главе 4 мы детально описываем и иные факторы, которые делают такое складывание более или менее вероятным, однако особенность российского случая — это как раз наличие рынка и связь между рынком и местом резидентной концентрации мигрантов. При ближайшем рассмотрении, впрочем, оказывается, что именно по этому критерию он может напоминать некоторые восточноевропейские города (Прага, Варшава), где также после прекращения Варшавского договора стали появляться большие рынки и где присутствовали мигрантские группы, которые по тем или иным причинам на них торговали. Считается, что такие рынки — это особенность так называемых постсоциалистических городов. Существующие исследования, впрочем, не позволяют сказать, сложились ли вокруг рынков Варшавы и Праги места резидентной концентрации мигрантов в нашем понимании. Вопрос контекстуализации российского случая, таким образом, требует доисследования, однако в сравнении с большинством изученных

принимающих контекстов российские места резидентной концентрации мигрантов, по всей видимости, действительно представляет собой особое и в целом необычное явление.

Важным, кроме того, является вопрос о том, чем являются места резидентной концентрации для мигрантов в том, что касается интеграции в принимающее общество. В разнообразии зарубежных случаев можно выделить как минимум две модели. В рамках первой место резидентной концентрации — это своего рода ворота в принимающее общество. В таких районах мигранты почти никогда не живут долго и, немного заработав, переселяются оттуда в другие районы, в которых доля соотечественников ниже. В рамках второй места резидентной концентрации — это такие пространства бедности, где мигранты могут жить поколениями; более того, за счет складывания там различных «контркультур» — совокупностей установок, согласно которым стандартные лифты социальной мобильности для жителей этих районов перекрыты — культурные и экономические различия между общественным мейнстримом и жителями таких районов со временем не сокращаются. Эти модели носят идеально-типический характер, и в одних и тех же страновых или городских контекстах те или иные районы могут тяготеть к одной или другой модели, однако можно говорить о том, что, скажем, в Сиднее большинство мест резидентной концентрации тяготеет к первой модели, а в Париже ключом к пониманию происходящего является в большей степени вторая модель. В России говорить о складывании одной или другой модели на данный момент нельзя, потому что прошло относительно немного времени с момента складывания мест резидентной концентрации, однако многое свидетельствует о том, что в России речь идет в большей степени о «воротах». На основании чего можно сделать такое заключение? Прежде всего, за последние 15 лет существенным образом поменялся этнический состав таких мест: если на первых этапах торговали на рынках и селились рядом с ними мигранты из Закавказья, сейчас это прежде всего среднеазиатские мигранты, в то время как закавказские мигранты в большинстве своем или расселились по другим районам, или вернулись в страну происхожде-

ния. Второй аргумент состоит в том, что мигранты второго поколения, как следует из других наших исследований, обычно получают хорошее образование и работают в иных сферах, чем их родители, которые обычно не хотят, чтобы дети работали на рынках. Теоретически можно предположить, что мигранты второго поколения могли бы жить в местах резидентной концентрации и работать в иных сферах, но в российских местах резидентной концентрации живет преимущественно первое поколение мигрантов с несовершеннолетними детьми. Третий аргумент состоит в том, что уровень безработицы среди мигрантов, которые живут в местах резидентной концентрации, незначительный: существенная часть таких мигрантов — это временные, трудовые мигранты-иностранцы, те же мигранты, которые получили один из постоянных статусов или имеют гражданство, также чаще всего работают (за исключением домохозяек). В результате российские места резидентной концентрации не являются пространствами бедности, и такое положение вещей существенным образом контрастирует, например, с ситуацией в местах резидентной концентрации в парижских пригородах, где высока доля мигрантов второго поколения, имеющих проблемы с трудоустройством.

В связи с интеграцией, кроме того, важно отметить, что доля мигрантов, которые живут в на тех или иных основаниях выделенных местах резидентной концентрации в России, существенно ниже, чем в изученных зарубежных обществах, а это значит, что, по всей видимости, эффекты концентрации, которые теоретически могут повлиять на интеграцию мигрантов в целом (начиная от эффективного оповещения об открытых вакансиях в «мигрантском» сегменте рынка труда, заканчивая «контркультурами» среди мигрантов второго поколения), в российском контексте незначительны. Иначе говоря, для тех мигрантов, которые живут в местах резидентной концентрации, в том числе с учетом существования школ с высокой долей детей мигрантов¹, он может иметь ме-

¹ Обычно такие школы находятся в или недалеко от мест резидентной концентрации мигрантов, и по многим причинам доля учащихся-мигрантов от всех учащихся в них выше, чем доля мигрантов,

сто, но с учетом того, что абсолютное большинство российских мигрантов живет вне мест резидентной концентрации, о связи между концентрацией и интеграцией вряд ли приходится говорить. Места резидентной концентрации, кроме того, по всей видимости, уже пережили расцвет и постепенно прекращают свое существование. Это связано с тем, что в прошлое уходят большие рынки, вокруг которых места резидентной концентрации сформировались. На смену этой форме торговли приходят сетевые магазины и дисконт-центры. Более того, с рынками по многим причинам борются городские власти. Ликвидация рынков, как показало исследование, хотя и не всегда, но чаще всего приводит к снижению доли мигрантов среди жителей окружающей застройки. А это значит, что доля мигрантов, живущих в местах резидентной концентрации, взятая от всех мигрантов в городе, становится еще ниже. Можно предположить, что существенная интенсификация и реорганизация миграционных потоков в Россию, в том числе привлечение мигрантов из «новых» для России отправляющих стран, необходимость чего постепенно начинает признаваться на государственном уровне, может привести к тому, что места резидентной концентрации начнут складываться снова, но это уже, скорее всего, будут совсем другие места резидентной концентрации, предсказать характер которых на данный момент вряд ли возможно.

Что можно сказать относительно желательной политики в отношении сложившегося положения? Прежде всего, распространено мнение, что места резидентной концентрации мигрантов — это места, где «царят их порядки» и «не действуют законы Российской Федерации». Сложно сказать, насколько это так относительно доживающих свой век рынков (по всей видимости, реорганизации и ликвидации рынков

взятая от всех живущих в соответствующем месте резидентной концентрации. Это связано частью с молодостью и более высокой детностью мигрантских семей, частью с тем, что местные родители часто отдают своих детей в школы, где доля учащихся мигрантов ниже, при этом не видят необходимости или не имеют возможности переехать из места резидентной концентрации мигрантов.

были действительно связаны с «переделом сфер влияния» и централизацией на всех уровнях, происходившей в России в последние 20 лет), но относительно мест резидентной концентрации — это не так хотя бы в силу того, что эти места практически не отличаются от прочих городских районов по таким значимым для складывания «особой зоны» факторам, как характер полицейского патрулирования, освещенность, изношенность городской среды и проч. По этим же причинам, вероятно, нет смысла полагать, что у мест резидентной концентрации есть какая-то особая роль в том, что касается радикализации мигрантов — последняя связана с интенсивной коммуникацией между мигрантами, в России же места резидентной концентрации дополнительной «мигрантской» коммуникации почти не создают. Все это говорит о том, что места резидентной концентрации в имеющемся виде сами по себе не являются опасностью, и, напротив, их можно использовать как пространства символической представленности мигрантских групп в городской среде. Наиболее очевидным зарубежным аналогом таких районов-символов являются чайнатауны в Нью-Йорке, Торонто, Сиднее, Лондоне, Манчестере, Амстердаме и других городах. Мигранты там уже почти не селятся, но, во-первых, там кластеризуются «этнические» рестораны, где проводят досуг мигранты, живущие в других частях города, а также туристы, во-вторых, там проводятся «национальные» праздники. Появление такого рода «мигрантских» пространств в российских городах, которые красочным, цивилизованным и «нестрашным» для немигрантов образом представляли бы культуру, может способствовать интеграции мигрантов.

Исследование, легшее в основание этой монографии, на данный момент еще не окончено. Собранный массив данных, первичный обсчет которого лег в основание главы 6, позволяет ответить на множество других важных и интересных вопросов — в частности, выяснить, в какой степени характеристики интеграции мигрантов, живущих в местах резидентной концентрации, отличаются от интеграционных показателей мигрантов, живущих в других частях города. На всем про-

тяжении проекта, кроме того, нас интересовали немигранты, живущие в местах резидентной концентрации мигрантов — именно они являются социальной средой, с которой сталкиваются селящиеся рядом с рынками мигранты и их дети. Массив позволяет описать и их. Кроме того, каждый исследовательский подпроект, на основании которого были написаны статьи, включенные в эту монографию, имел свои ограничения, а значит, и перспективы. Среди зарубежных случаев большего внимания требуют восточноевропейские, где мигранты также селятся рядом с рынками, однако неизвестно, насколько в этих контекстах можно говорить о местах резидентной концентрации, а значит, о явлении, аналогичном российскому. Исследование же российских случаев хотелось бы проводить в том числе глубинной этнографической работой, в рамках которой исследователь не только жил бы в районе, но и работал бы на рынке. Такое исследование позволит детальнее ответить на вопрос о социальных процессах, протекающих в местах резидентной концентрации мигрантов. Кроме того, в той мере, в какой существуют разные формы компактного проживания мигрантов (подсобки, «резиновые квартиры», строительные общежития), они также требуют отдельного исследования, особенно с учетом того, что, судя по всему, подсобки в качестве жилья используются все реже, а общежития — все чаще, и именно кластеры мигрантских общежитий, как в Сингапуре и ОАЭ, являются — при определенных обстоятельствах — возможной новой формой мест резидентной концентрации мигрантов в России. Надеемся мы — рано или поздно — поработать и с резидентной статистикой, ограничения использования которой одновременно стали важнейшим ограничением этого исследования.

Все это, впрочем, не отменяет нашей надежды, что уже в этом виде монография является важным подспорьем в понимании того, как мигранты расселяются в российских городах, складываются ли в этих городах места резидентной концентрации мигрантов, как расселение мигрантов связано с их интеграцией и каково место российского случая на фоне случаев других стран, принимающих мигрантов.

Список литературы

Введение

Разуваев П. Эксперты: «Мигранты во дворах, в маршрутках, в медицине...» // *VN.ru*. 13 декабря 2019. <https://vn.ru/news-eksperty-migranty-vo-dvorakh-v-marshrutkakh-v-meditsine>.

Рогоза А. Окраины Москвы превращаются в этнические анклав? // *Комсомольская правда — Москва*. 16 октября 2013. <https://www.msk.kp.ru/daily/26146/3035484/>.

Глава 1

Авдашкин А. А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. Т. 49. № 2. С. 147–156. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-13>.

Бедрина Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 2. С. 451–464. <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 315–330.

Вендина О. И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Иммигранты в Москве* / под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–148.

Вендина О. И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. Т. 71. № 3. С. 52–64.

Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. № 6. С. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>.

Ерохина Е. А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // *Сибирский философский журнал*. 2017. Т. 15. № 4. С. 173–182. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-173-182>.

Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики: коллективная монография / отв. ред. А. Г. Шеломенцев. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015.

Этнические рынки в России: пространство торго и место встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Издательство ИГУ, 2015.

Ahmadi D. (2018). Diversity and Social Cohesion: The Case of Jane-Finch, a Highly Diverse Lower-income Toronto Neighbourhood. *Urban Research & Practice*. Vol. 11. No. 2. P. 139–158. <https://doi.org/10.1080/17535069.2017.1312509>.

Alam M. Y., Husband C. (2006). *British-Pakistani Men from Bradford: Linking Narratives to Policy*. York: Joseph Rowntree Foundation.

Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? *Housing Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 296–318. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208161>.

Arbaci S. (2007). Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. No. 4. P. 401–433. <https://doi.org/10.1080/14616710701650443>.

Atkinson R., Kintrea K. (2000). Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93–108. <https://doi.org/10.1332/0305573002500857>.

Berry B. J. L. (1971). Introduction: The Logic and Limitations of Comparative Factorial Ecology. *Economic Geography*. Vol. 47. No. 1 Supplement. P. 209–219. <https://doi.org/10.2307/143204>.

Berry B. J. L., Rees P. H. (1969). The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445–491. <https://doi.org/10.1086/224681>.

Bhardwaj S. M., Rao N. M. (1990). Asian Indians in the United States: a Geographic Appraisal. In: Clarke C., Peach C., Vertovec S. (eds.) *South Asians Overseas: Migration and Ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 197–217.

Blokland T., van Eijk G. (2010). Do People Who Like Diversity Practice Diversity in Neighbourhood Life? Neighbourhood Use and the Social Networks of ‘Diversity-Seekers’ in a Mixed Neighbourhood in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 36. No. 2. P. 313–332. <https://doi.org/10.1080/13691830903387436>.

Boschman S. (2012). Residential Segregation and Interethnic Contact in the Netherlands. *Urban Studies*. Vol. 49. No. 2. P. 353–367. <http://doi.org/10.1177/0042098011402236>.

Briggs X. D. S. (2003). Re-shaping the Geography of Opportunity: Place Effects in Global Perspective. *Housing Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 915–936. <https://doi.org/10.1080/0267303032000135500>.

Charles C. Z. (2003). The Dynamics of Racial Residential Segregation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 29. No. 1. P. 167–207. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100002>.

Chiswick B. R., Miller P. W. A. (2001). Model of Destination-Language Acquisition: Application to Male Immigrants in Canada. *Demography*. Vol. 38. No. 3. P. 391–409. <https://doi.org/10.1353/dem.2001.0025>.

Chiswick B. R., Miller P. W. (2005). Do Enclaves Matter in Immigrant Adjustment? *City and Community*. Vol. 4. No. 1. P. 5–35. <https://doi.org/10.1111/j.1535-6841.2005.00101.x>.

Clark W. A. V. (1988). Understanding Residential Segregation in American Cities: Interpreting the Evidence. *Population Research and Policy Review*. Vol. 7. No. 2. P. 113–121. <https://doi.org/10.1007/bf00125463>.

Clark W. A. V. (1992). Residential Preferences and Residential Choices in a Multiethnic Context. *Demography*. Vol. 29. No. 3. P. 451–466. <https://doi.org/10.2307/2061828>.

Cowgill D., Cowgill M. S. (1951). An Index of Segregation Based on Block Statistics. *American Sociological Review*. Vol. 16. No. 6. P. 825–831. <https://doi.org/10.2307/2087511>.

Cressey P. F. (1938). Population Succession in Chicago: 1898–1930. *American Journal of Sociology*. Vol. 44. No. 1. P. 59–69. <https://doi.org/10.1086/217916>.

Damm A. P. (2009). Ethnic Enclaves and Immigrant Labor Market Outcomes: Quasi-Experimental Evidence. *Journal of Labor Economics*. Vol. 27. No. 2. P. 281–314. <https://doi.org/10.1086/599336>.

Danzer A. M., Feuerbaum C., Piopiunik M., Woessmann L. (2018). *Growing up in Ethnic Enclaves: Language Proficiency and Educational Attainment of Immigrant Children*. IZA Discussion Paper No. 11608. Bonn: IZA – Institute of Labor Economics. <http://ftp.iza.org/dp11608.pdf>.

Danzer A. M., Yaman F. (2013). Do Ethnic Enclaves Impede Immigrants' Integration? Evidence from a Quasi-Experimental Social-Interaction Approach. *Review of International Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 311–325. <https://doi.org/10.1111/roie.12038>.

Danzer A. M., Yaman F. (2016). Ethnic Concentration and Language Fluency of Immigrants: Evidence from the Guest-Worker Placement in Germany. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 131. No. A. P. 151–165. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2016.08.012>.

Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Douzet F., Robine J. (2015). 'Les Jeunes des Banlieues': Neighborhood Effects on the Immigrant Youth Experience in France. *Journal of Cultural Geography*. Vol. 32. No. 1. P. 40–53. <https://doi.org/10.1080/08873631.2015.1004854/>.

Drever A. I. (2004). Separate Spaces, Separate Outcomes? Neighbourhood Impacts on Minorities in Germany. *Urban Studies*. Vol. 41. No. 8. P. 1423–1439. <https://doi.org/10.1080/0042098042000226939>.

Duncan O. D., Duncan B. (1955). A Methodological Analysis of Segregation Indexes. *American Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 210–217. <https://doi.org/10.2307/2088328>.

Dunn K. M. (1993). The Vietnamese Concentration in Cabramatta: Site of Avoidance and Deprivation, or Island of Adjustment and Participation? *Australian Geographical Studies*. Vol. 31. No. 2. P. 228–245. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.1993.tb00417.x>.

Dustmann C. (1997). The Effects of Education, Parental Background and Ethnic Concentration on Language. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. Vol. 37. No. Suppl. 1. P. 245–262. [https://doi.org/10.1016/S1062-9769\(97\)90068-5](https://doi.org/10.1016/S1062-9769(97)90068-5).

Edin P. — A., Fredriksson P., Åslund O. (2003). Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants — Evidence from a Natural Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118. No. 1. P. 329–357. <https://doi.org/10.1162/00335530360535225>.

Esser H. (2001). *Integration und Ethnische Schichtung*. Arbeitspapiere — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung Nr. 40. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf>.

Farwick A. (2011). The Effect of Ethnic Segregation on the Process of Assimilation. In: Wingens M., Windzio M., de Valk H., Aybek C. (eds.) *A Life-Course Perspective on Migration and Integration*. Dordrecht: Springer. P. 239–258.

Fong E., Chan E. (2010). The Effect of Economic Standing, Individual Preferences, and Co-ethnic Resources on Immigrant Residential Clustering. *International Migration Review*. Vol. 44. No. 1. P. 111–141. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.00800.x>.

Grönqvist H. (2006) Ethnic Enclaves and the Attainments of Immigrant Children. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 4. P. 369–382. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl002>.

Heckmann F., Schnapper D. (eds.). (2003). *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius and Lucius.

Hüttermann J. (2018). Neighbourhood Effects on Jihadist Radicalisation in Germany? Some Case-Based Remarks. *Internation-*

al Journal of Conflict and Violence. No. 12. P. 1–16. <https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.649/>.

Ibraimovic T., Masiero L. (2014). Do Birds of a Feather Flock Together? The Impact of Ethnic Segregation Preferences on Neighbourhood Choice. *Urban Studies*. Vol. 51. No. 4. P. 693–711. <https://doi.org/10.1177/0042098013493026>.

Jahn J., Schmid C.F., Schrag C. (1947). The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*. Vol. 12. No. 3. P. 293–303. <https://doi.org/10.2307/2086519>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007). The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 97. No. 4. P. 713–738. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2007.00579.x>.

Jones K., Johnston R., Manley D., Owen D., Charlton C. (2015). Ethnic Residential Segregation: A Multilevel, Multigroup, Multiscale Approach Exemplified by London in 2011. *Demography*. Vol. 52. No. 6. P. 1995–2019. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0430-1>.

Kadarik, K. (2020). Immigrants' Mobility towards Native-dominated Neighbourhoods: The Role of Individual Resources, Country of Origin, and Settlement Context. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 102. No. 2. P. 191–213. <https://doi.org/10.1080/04353684.2019.1697939>.

Kaplan D. H., Recoquillon C. (2014). Ethnic Place Identity with in a Parisian Neighborhood. *Geographical Review*. Vol. 104. No. 1. P. 33–51. <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2014.12003.x>.

Kashnitsky I., Gunko M. (2016). Spatial Variation of In-migration to Moscow: Testing the Effect of Housing Market. *Cities*. Vol. 59. P. 30–39. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.025>.

Kesteloot C., Cortie C. (1998). Housing Turks and Moroccans in Brussels and Amsterdam: The Difference between Private and Public Markets. *Urban Studies*. Vol. 35. No. 10. P. 1835–1853.

Khattab N., Johnston R.; Sirkeci I., Modood T. (2010). The Impact of Spatial Segregation on the Employment Outcomes amongst Bangladeshi Men and Women in England and Wales.

Sociological Research Online. Vol. 15. No. 1. P. 24–36. <https://doi.org/10.5153/sro.2082>.

Kim H.H. (1986). *Residential Patterns and Mobility of Koreans in Los Angeles County*. Master's Thesis. Los Angeles: California State University.

Krysan M. (2002). Community Undesirability in Black and White: Examining Racial Residential Preferences through Community Perceptions. *Social Problems*. Vol. 49. No. 4. P. 521–543. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.521>.

Laan Bouma-Doff W. (2007). Confined Contact: Residential Segregation and Ethnic Bridges in the Netherlands. *Urban Studies*. Vol. 44. No. 5–6. P. 997–1017. <https://doi.org/10.1080/00420980701255965>.

Lazear E.P. (1999). Culture and Language. *Journal of Political Economy*. Vol. 107. No. S6. P. S95–S126. <https://doi.org/10.1086/250105/>.

Lebowitz M.D. (1977). A Critical Examination of Factorial Ecology and Social Area Analysis for Epidemiological Research. *Journal of the Arizona Academy of Science*. Vol. 12. No. 2. P. 86–90. <https://doi.org/10.2307/40022220>.

Maloutas T., Fujita K. (2016). *Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity*. London and New York: Routledge.

Massey D.S. (1985). Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*. Vol. 69. No. 3. P. 315–350.

Massey D.S., Denton N.A. (1988). The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*. Vol. 67. No. 2. P. 281–315. <https://doi.org/10.1093/sf/67.2.281>.

Mazumdar S., Mazumdar S., Docuyanan F., McLaughlin C.M. (2000). Creating a Sense of Place: the Vietnamese-Americans and Little Saigon. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 20. No. 4. P. 319–333. <https://doi.org/10.1006/jevp.2000.0170>.

Miller A.M., Birman D., Zenk S., Wang E., Sorokin O., Connor J. (2009). Neighborhood Immigrant Concentration, Acculturation, and Cultural Alienation in Former Soviet Immigrant Wom-

en. *Journal of Community Psychology*. Vol. 37. No. 1. P. 88–105. <http://doi.org/10.1002/jcop.20272>.

Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018). Residential Segregation and ‘Ethnic Flight’ vs. ‘Ethnic Avoidance’ in Sweden. *European Sociological Review*. Vol. 34. No. 3. P. 268–285. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy010>.

Murdie R. A. (2008). *Diversity and Concentration in Canadian Immigration: Trends in Toronto, Montréal and Vancouver, 1971–2006*. Research Bulletin No. 42, Centre for Urban and Community Studies, University of Toronto. Toronto: University of Toronto. <http://www.urbancentre.utoronto.ca/pdfs/researchbulletins/CUCSRB42-Murdie-Cdn-Immigration3–2008.pdf>.

Musterd S., Andersson R. (2005). Housing Mix, Social Mix, and Social Opportunities. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 6. P. 761–790. <https://doi.org/10.1177/1078087405276006>.

Musterd S., Marcińczak S., van Ham M., Tammaru T. (2017). Socioeconomic Segregation in European Capital Cities. Increasing Separation between Poor and Rich. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 1062–1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Park R. E., Burgess E. W. (1921). *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press. P. 509–784.

Park R. E., Burgess E. W. (2019). *The City*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Phillips D., Simpson L., Ahmed S. (2008). Shifting Geographies of Minority Ethnic Settlement: Remaking Communities in Oldham and Rochdale. In: Flint J., Robinson D. (eds.) *Community Cohesion in Crisis? New Dimensions of Diversity and Difference*. Bristol: Bristol University Press. P. 81–98.

Portes A., Jensen L. (1989). The Enclave and the Entrants: Patterns of Ethnic Enterprise in Miami before and after Mariel. *American Sociological Review*. Vol. 54. No. 6. P. 929–949. <https://doi.org/10.2307/2095716>.

Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Poulsen M., Johnston M., Forrest J. (2004). Is Sydney a Divided City Ethnically? *Australian Geographical Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 356–377. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.2004.00279.x>.

Raden D. (2003). Ingroup Bias, Classic Ethnocentrism, and Non-Ethnocentrism among American Whites. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 803–828. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00355.x>.

Schelling T.C. (1971). Dynamic Models of Segregation. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143–186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.

Schlueter E. (2012). The Inter-ethnic Friendships of Immigrants with Host-Society Members: Revisiting the Role of Ethnic Residential Segregation. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 1. P. 77–91. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.640017>.

Shevky E., Bell W. (1955). *Social Area Analysis; Theory, Illustrative Application and Computational Procedures*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Singer A., Hardwick S.W., Brettell C.B. (2008). *Twenty-first Century Gateways: Immigrant Incorporation in Suburban America*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Skifter Andersen H., Andersson R., Wessel T., Vilkkama K. (2016). The Impact of Housing Policies and Housing Markets on Ethnic Spatial Segregation: Comparing the Capital Cities of Four Nordic Welfare States. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1110375>.

Skovgaard Nielsen R. (2017). The Potentials of a Strong Social Housing Sector: The Case of Turks and Somalis in the Copenhagen Housing Market. *Housing, Theory and Society*. Vol. 34. No. 4. P. 458–476. <https://doi.org/10.1080/14036096.2016.1274678>.

Tammaru T., van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (2015). A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. In: Tammaru T., van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (eds.) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities*. London: Routledge. P. 1–29.

van Kempen R., Özüekren A. S. (1998). Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World. *Urban Studies*. Vol. 35. No. 10. P. 1631–1656. <https://doi.org/10.1080/0042098984088>.

van Tubergen F., Kalmijn M. (2009). Language Proficiency and Usage among Immigrants in the Netherlands: Incentives or Opportunities? *European Sociological Review*. Vol. 25. No. 2. P. 169–182. <http://doi.org/10.1093/esr/jcn043>.

Varady D. (1979). *Ethnic Minorities in Urban Areas: A Case Study of Racially Changing Communities*. Boston, The Hague, London: Martinus Vihhoff Publishing. P. 84–101.

Varshaver E., Rocheva A. (2018). Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities — Journal of Urban Ethnography*. Vol. 8. No. 2. P. 42–58. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3502766>.

Vervoort M. (2012). Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Integration: Weak and Strong Social Ties Examined. *Urban Studies*. Vol. 49. No. 4. P. 897–915. <https://doi.org/10.1177/0042098011408141>.

Vervoort M., Flap H., Dagevos J. (2010). The Ethnic Composition of the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Contacts: Three Unresolved Issues. *European Sociological Review*. Vol. 27. No. 5. P. 586–605. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq029>.

Vo-Jutabha E.D., Dinh K.T., McHale J.P., Valsiner J. (2009). A Qualitative Analysis of Vietnamese Adolescent Identity Exploration within and outside an Ethnic Enclave. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 38. No. 5. P. 672–690. <https://doi.org/10.1007/s10964-008-9365-9>.

Wang S., Coulter R. (2019). Exploring Ethnic and Generational Differences in Gender Role Attitudes among Immigrant Populations in Britain: The Role of Neighborhood Ethnic Composition. *International Migration Review*. Vol. 53. No. 4. P. 1121–1147. <https://doi.org/10.1177/0197918318802780>.

Wang S., Ramsden M. (2018). Revisiting the “Parallel Lives” Thesis: Neighbourhood Attachment and Residential Integration of Ethnic Minorities in England. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 8. Article e2156. <https://doi.org/10.1002/psp.2156>.

Wei L. (1998a). Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles. *Urban Studies*. Vol. 35. No. 3. P. 479–501. <https://doi.org/10.1080/0042098984871>.

Wei L. (1998b). Ethnoburb versus Chinatown: Two Types of Urban Ethnic Communities in Los Angeles. *Cybergeo: European Journal of Geography*. Document 70. <https://doi.org/10.4000/cybergeo.1018>.

Zaami M. (2015). ‘I Fit the Description’: Experiences of Social and Spatial Exclusion among Ghanaian Immigrant Youth in the Jane and Finch Neighbourhood of Toronto. *Canadian Ethnic Studies*. Vol. 47. No. 3. P. 69–89. <https://doi.org/10.1353/ces.2015.0032>.

Zelinsky W., Lee B.A. (1998). Heterolocalism: an Alternative Model of the Sociospatial Behaviour of Immigrant Ethnic Communities. *International Journal of Population Geography*. Vol. 4. No. 4. P. 281–298. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1220\(199812\)4:4<281::AID-IJPG108>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199812)4:4<281::AID-IJPG108>3.0.CO;2-O).

Zhou M., Logan J.R. (1991). In and out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City’s Chinese. *Social Forces*. Vol. 70. No. 2. P. 387–407. <https://doi.org/10.1093/sf/70.2.387>.

Zhou M., Tseng Y.F., Kim R.Y. (2008). Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California. *Amerasia Journal*. Vol. 34. No. 3. P. 55–83. <https://doi.org/10.17953/amer.34.3.y08124j33ut846v0>.

Zimmermann K.F., Constant A., Schüller S. (2013). *Ethnic Spatial Dispersion and Immigrant Identity*. IZA Discussion Paper No. 7868. Bonn: IZA — Institute of Labor Economics. <http://ftp.iza.org/dp7868.pdf>.

Zuccotti C.V. (2018). *Does Ethnic Concentration Influence Gender Role Views? A Study across Ethnic Groups in England and Wales*. Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. RSCAS2018/11. Florence: Robert Schuman Centre for Advanced Studies. https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/52164/RSCAS_2018_11.pdf.

Глава 2

Варшавер Е. *Этнические границы в местных сообществах: теоретико-методологический анализ: диссертация... кандидата социологических наук: 22.00.01*. М.: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2016.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Информационное поведение мигрантов из Средней Азии в контексте изменения миграционного законодательства // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. Т. 137. № 1. С. 182–195. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.12>

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Андреева А. С., Иванова Н. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I // *Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. Т. 154. № 6. С. 479–504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Андреева А. С., Иванова Н. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // *Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. Т. 156. № 2. С. 457–485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

Вендина О. И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. Т. 71. № 3. С. 52–64.

Вишневский А. Новая роль миграции в демографическом развитии России // *Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Ч. 1.* / под общ. ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. С. 97–109.

Зайончковская Ж. А. Миграция в современной России // *Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Ч. 1.* / под общ. ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. С. 16–32.

Ивахнюк И. *Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного един-*

ства // Центр Льва Гумилёва. 2012. <http://www.gumilev-center.ru/evrazijskaya-migracionnaya-sistema-ot-ehkonomicheskogo-pragmatizma-k-vozhrozhdeniyu-civilizacionnogo-edinstva/>.

Как жизнь? Индекс лучшей жизни. ОЭСР. <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/>.

Отдельные сведения о миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в разрезе субъектов Российской Федерации и стран мира. Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2020.

Предположительная численность населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. 26 декабря 2018. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

Проблемы миграции. Кто и зачем едет в Россию. Гайдаровский форум: видео. 16 января 2019. <https://web.archive.org/web/20200922120120/https://gaidarforum.ru/news/problemy-migratsii-kto-i-zachem-edet-v-rossiyu-video/>.

Указ Президента РФ от 09.10.2007 N1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.10.2007. N42. ст. 5009.

Указ Президента РФ от 31.10.2018 N622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 05.11.2018. N45. ст. 6917.

Amrith S. (2010). Mobile City and the Coromandel Coast: Tamil Journeys to Singapore, 1920–1960. *Mobilities*. Vol. 5. No. 2. P. 237–255. <https://doi.org/10.1080/17450101003665085>.

Australian Bureau of Statistics (2016a). <https://www.abs.gov.au/>.

Australian Bureau of Statistics (2016b). Census QuickStats. Cabramatta. https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC10740?opendocument.

Australian Bureau of Statistics (2016c). Census QuickStats. Enmore (Inner West — NSW). https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC11425?opendocument.

Australian Bureau of Statistics (2016d). Census QuickStats. Manly (NSW) https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12475?opendocument.

Australian Bureau of Statistics (2016e). Census QuickStats. Mount Annan https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12745?opendocument.

Avenel C. (2009). La Construction du «Problème des Banlieues» entre Ségrégation et Stigmatisation. *Journal Français de Psychiatrie*. Vol. 3. No. 34. P. 36–44. <https://doi.org/10.3917/jfp.034.0036>.

Benton-Short L., Price M.D., Friedman S. (2005). Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 4. P. 945–959. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00630.x>.

Bidoux P.-É. (2012). *Les Descendants D’immigrés se Sentent au Moins Autant Discriminés que les Immigrés*. INSEE Analyses Île-de-France No. 395. Paris: INSEE. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/1292652/alap395.pdf>.

Bidoux P.-É., Couleaud N. (2017). *Les Quartiers de la Politique de la Ville en Île-de-France*. INSEE Analyses Île-de-France No. 57. Paris: INSEE. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2658852>.

Blanc-Chaléard M.-C. (2008). Migrants et Logement en France: Une Histoire Paradoxe. *Accueillir*. No. 245. P. 4–7.

Bonegilla Migrant Experience (2019). <https://www.bonegilla.org.au/>.

Chalard L., Lévy J. (2016). 5 Cartes pour Comprendre ce qu’est Devenue la France d’Aujourd’hui. *Atlantico.fr*. 8 juillet. <https://www.atlantico.fr/decryptage/2757191/5-cartes-pour-comprendre-ce-qu-est-devenue-la-france-d-aujourd-hui-laurent-chalard-jacques-levy>.

Chiang L., Hsu J. (2005). Locational Decisions and Residential Preferences of Taiwanese Immigrants in Australia. *GeoJournal*. Vol. 64. No. 1. P. 75–89. <https://doi.org/10.1007/s10708-005-3927-0>.

Collectif des Luttins (2004). *Histoire de l'immigration en France. La Contribution des Immigrés au Développement Economique et aux Guerres Françaises de 1850 à Aujourd'hui*. http://www.preavis.org/formation-mr/Luttins/brochure_immigration_1-0.a5.pdf

Couleaud N., Poncelet T., Capillon J., Ngo C., Derosier A., Gilotte O., Didier A., Gauthier L. (2016). *Brevet des Collèges en Île-de-France: Réussite à L'examen et Inégalités Sociales des Territoires Vont de Pair*. INSEE Analyses Île-de-France No. 40. Paris: INSEE. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2421947>.

Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Epstein R. (2011). Politiques de la Ville: Bilan et (Absence de) Perspectives. *Regards Croisés sur L'économie*. Vol. 1. No. 9. P. 203–211. <https://doi.org/10.3917/rce.009.0203>.

Forrest J., Johnston R. (2001). The Geography of the New Ethnicity: Ethnic Residential Segregation in Metropolitan Sydney 1996. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*. Vol. 92. No. 1. P. 42–59. <http://doi.org/10.1111/1467-9663.00138>.

Fourcaut A. (2012a). Crises des Banlieues, Politique de la Ville et Emeutes Urbaines (1970–2005). Cours: Paris et les Banlieues, Naissance d'un Espace Urbain, Leçon 8. Université Ouverte des Humanités. http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u8/co/-module_6.html.

Fourcaut A. (2012b) Haussmannisation et Annexion. Cours: Paris et les Banlieues, Naissance d'un Espace Urbain, Leçon 1. Université Ouverte des Humanités. http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u1/co/1_1.html.

Fourcaut A. (2012c) Les Territoires de L'immigration au XXe Siècle. Cours: Paris et les Banlieues, Naissance d'un Espace Urbain, Leçon 6. Université Ouverte des Humanités. http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u6/co/1_1.html.

Horn C. (2012). Haussmann and the Buildings of Paris — France. *Urbanplanet*. 15 December. <http://urbanplanet.info/urbanism/the-haussmann-style-2/>.

Immigration Museum (2019). Museums Victoria. <https://museums victoria.com.au/immigrationmuseum/>.

INSEE France (2021). L'Essentiel sur... les Immigrés et les Etrangers. 7 avril. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212>.

Jupp J. (2002). *From White Australia to Woomera: The Story of Australian Immigration*. Cambridge: Cambridge University Press.

Khoo S. E., McDonald P., Giorgas D. (2002). *Second Generation Australians*. Report for the Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs. <https://openresearch-repository.anu.edu.au/handle/1885/41441>.

Lapeyronnie D. (2006). Révolte Primitive dans les Banlieues Françaises. *Déviance et Société*. Vol. 30. No. 4. P. 431–448. <https://doi.org/10.3917/ds.304.0431>.

Lévy-Vroelant C. (2004). Le Logement des Migrants en France du Milieu du 19e Siècle à Nos Jours. *Historiens et Géographes*. No. 385. P. 147–165.

Liddy M. (2018). Chart of the Day: Where do Migrants to Australia Come from? *Australian Broadcasting Corporation*. <https://www.abc.net.au/news/2018-08-20/where-do-migrants-to-australia-come-from-chart/10133560>.

National Library Board (2011). Formation of the Straits Settlements, 1826. National Library Board, Singapore. <http://eresources.nlb.gov.sg/history/events/57f1cda6-b5e7-4646-bd4f-14cb08181bfe>.

Pan Ké Shon J-L. (2009). Ségrégation Ethnique et Ségrégation Sociale en Quartiers Sensibles. *Revue Française de Sociologie*. Vol. 50. No. 3. P. 451–487. <https://doi.org/10.3917/rfs.503.0451>.

Pan Ké Shon J-L. (2011). La Ségrégation des Immigrés en France: État des Lieux. *Population and Sociétés*. No. 477. P. 1–4.

Parliamentary Standing Committee on Public Works (1966). Report Relating to the Proposed Erection of a Migrant Hostel at Randwick, New South Wales. 22 March. https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_Representatives_Committees?url=reports/1966/1966_pp273.pdf.

Phang S. Y. (2018). *Policy Innovations for Affordable Housing in Singapore: From Colony to Global City*. London: Palgrave Macmillan.

Phillips J., Simon-Davies J. (2016). Migration – Australian migration flows and population. https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/BriefingBook45p/MigrationFlows.

Poulsen M., Johnston R., Forrest J. (2004). Is Sydney a Divided City Ethnically? *Australian Geographical Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 356–377. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.2004.00279.x>.

Préteceille E. (2011). Has Ethno-Racial Segregation Increased in the Greater Paris Metropolitan Area? *Revue Française de Sociologie*. Vol. 52. No. 5. P. 31–62. <https://doi.org/10.3917/rfs.525.0031>.

Price C. (1981). Immigration Policies and Refugees in Australia. *International Migration Review*. Vol. 15. No. 1–2. P. 99–108.

Pryor S. (2014) A Place to Call Home: Migrant Hostel Recollections. *The Sydney Morning Herald*. May 23. <https://www.smh.com.au/entertainment/art-and-design/a-place-to-call-home-migrant-hostel-recollections-20140523-zrjpy.html>.

Rahman M. M. (2017). *Bangladeshi Migration to Singapore. A Process-Oriented Approach*. Singapore: Springer.

Seng L. K. (2007a). Black Areas: Urban Kampongs and Power Relations in Post-War Singapore Historiography. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. Vol. 22. No. 1. P. 1–29. <https://doi.org/10.1355/sj22-1a>.

Seng L. K. (2007b). *Dangerous Migrants: The Representations and Relocation of Urban Kampong Dwellers in Postwar Singapore*. Asia Research Centre Working Paper No. 140. Perth: Murdoch University. <https://web.archive.org/web/20090122065614/http://wwwarc.murdoch.edu.au/wp/wp140.pdf>.

Spearritt P. (1976). *An Urban History of Sydney 1920–1950*. PhD Thesis. Canberra: Australian National University.

Spearritt P. (2000). *Sydney's Century: A History*. Sydney: University of New South Wales Press.

Strategy Group (2018). Population in Brief. Strategy Group, Singapore Prime Minister's Office. <https://www.strategygroup.gov.sg/media-centre/publications/population-in-brief>.

SudOuest.fr (2017). Logements Sociaux: Une Amende Quadruplée pour les Communes Hors-la-loi. 11 juin. <https://www.sudouest.fr/2017/11/06/logements-sociaux-une-amende-quadruplee-pour-les-communes-hors-la-loi-3923973-5458.php>.

Tabar P., Noble G., Poynting S. (2010). *On Being Lebanese in Australia: Identity, Racism and the Ethnic Field*. Lebanon: Lebanese American University Press.

Tribalat M. (1997). Chronique de L'immigration: Les Populations d'Origine Etrangère en France Métropolitaine. *Population*. Vol. 52. No. 1. P. 163–219.

United Nations Children's Fund (2014). Migration Profiles. Singapore. <https://esa.un.org/migmgmprofiles/indicators/files/Singapore.pdf>.

Veillard-Baron H. (2016). Les Religions dans les Banlieues: Territoires et Sociétés en Mutation. *Géocofluences*. 19 octobre. <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/dossiers-thematiques/fait-religieux-et-construction-de-l-espace/articles-scientifiques/les-religions-dans-les-banlieues-territoires-et-societes-en-mutation>.

voomMAPS (2016). Sydney Race Map. <https://web.archive.org/web/20190419073505/https://voommmaps.com/race-ethnicity-maps/sydney-race-map-2016/>.

Warren J.F. (2003). *Rickshaw Coolie: A People's History of Singapore, 1880–1940*. Singapore: Singapore University Press.

Watt A. (1968). *The Evolution of Australian Foreign Policy: 1938–1965*. London and New York: Cambridge University Press.

Waxman P. (1999). The Residential Location of Recently Arrived Bosnian, Afghan and Iraqi Refugees and Humanitarian Entrants in Sydney, Australia. *Urban Policy and Research*. Vol. 17. No. 4. P. 287–299. <https://doi.org/10.1080/0811149908727814>.

West A., MacLaren K. (Producers), Hickey J., Shackelford B. (Directors). (2010). *Immigration Nation – Part 1* [Video]. Australia: Screen Australia, Film Victoria, Renegade Films. https://www.youtube.com/watch?v=X20748_iOD8.

Wilson W. (1990). Residential Relocation and Settlement Adjustment of Vietnamese Refugees in Sydney. *Australian Geographical Studies*. Vol. 28. No. 2. P. 155–177. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.1990.tb00610.x>.

Yang H., Yang P., Zhan S. (2017). Immigration, Population, and Foreign Workforce in Singapore: An Overview of Trends, Policies, and Issues. *HSSE Online*. Vol. 6. No. 1. P. 10–25.

Yeoh B. S.A. (2018). Transnational Migration and Plural Diversities: Encounters in Global Cities. In: Liu-Farrer G., Yeoh B. S.A. (eds.) *Routledge Handbook of Asian Migrations*. New York: Routledge. P. 238–249.

Yeoh B. S.A., Lam T. (2016). Immigration and its (Dis)Contents: The Challenges of Highly Skilled Migration in Globalizing Singapore. *American Behavioral Scientist*. Vol. 60. No. 5–6. P. 637–658. <https://doi.org/10.1177/0002764216632831>.

Глава 3

Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 597–598. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf>.

Дивисенко К. С. Представления о будущей семейной жизни в биографических текстах школьников // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2008. № 5. С. 43–48.

Рочева А. Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21. № 2. С. 31–50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>.

Сибирко А. И., Винокуров Ф. Н. Мотивация пользователей социальных сетей // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2014. Т. 2. № 6. С. 148–152.

Страусс А., Корбин Дж. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Улановский А. М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 2. С. 18–28.

Chamberlain K. (1999). Using Grounded Theory in Health Psychology: Practices, Premises and Potential. In: Murrey M., Chamberlain K. (eds.) *Qualitative Health Psychology: Theories and Methods*. London: SAGE Publications. P. 183–201.

Charmaz K. (1990). 'Discovering' Chronic Illness: Using Grounded Theory. *Social Science and Medicine*. Vol. 30. No. 11. P. 1161–1172. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(90\)90256-R](https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90256-R).

Charmaz K. (2007). Grounded Theory. In: Ritzer G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Oxford: Blackwell Publishing. P. 2023–2027.

Draucker C. B., Martsof D. S., Ross R., Rusk T. B. (2007). Theoretical Sampling and Category Development in Grounded Theory. *Qualitative Health Research*. Vol. 17. No. 8. P. 1137–1148. <https://doi.org/10.1177/1049732307308450>.

Glaser B. (1992). *Basics of Grounded Theory Analysis*. Mill Valley, CA: Sociology Press.

Glaser B., Strauss A. (1967). *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing.

Glaser B.G., Strauss A.L. (1970). Theoretical Sampling. In: Denzin K.N. *Sociological Methods: A Sourcebook*. New York: Routledge. P. 105–114.

Locke K. D. (2000). *Grounded Theory in Management Research*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications.

Midence K., O'Neil M. (1999). The Experience of Parents in the Diagnosis of Autism: A Pilot Study. *Autism*. Vol. 3. No. 3. P. 273–285. <https://doi.org/10.1177/1362361399003003005>.

Morse J.M., Stern P.N., Corbin J., Bowers B., Charmaz K., Clarke A.E. (2016). *Developing Grounded Theory: The Second Generation*. New York: Routledge.

Pettigrew S.F. (2000). Ethnography and Grounded Theory: A Happy Marriage? *Advances in Consumer Research*. Vol. 27. No. 1. P. 256–260.

Weingand D.E. (1993). Grounded Theory and Qualitative Methodology. *IFLA Journal*. Vol. 19. No. 1. P. 17–26.

Hutchinson S.L. (1993). Grounded Theory: The Method. In: Munhall P.L., Boyl C.O. (eds.) *Nursing Research: A Qualita-*

tive Perspective. New York: National League for Nursing Press. P. 180–212.

Глава 4

Аронов Н. Деревня Тубетейкино // *Огонёк*. 12 февраля 2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3534121>.

В России появится первое село для киргизов // *Лента.Ру*. 16 мая 2018. <https://lenta.ru/news/2018/05/16/wtf/>.

Вендина О.И. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // *Демоскоп Weekly*. № 177–178. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>.

Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 597–598. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf>.

Ермакова М. А., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № . 2. С. 363–381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.

Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Новосибирск) // *Pw C*. 2018. <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-novosib-280518.pdf>

Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Ростов-на-Дону) // *Pw C*. 2018. <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-rostov-28052018.pdf>

Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Самара) // *Pw C*. 2018. <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-samara-28052018.pdf>

Мукомель В. Наступить на чужие грабли или найти свои? // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 3. <https://globalaffairs.ru/articles/nastupit-na-chuzhie-grabli-ili-najti-svoi/>.

Симохина Е., Шереметьева И. На месте Тракторного рынка сделают сквер // *Комсомольская правда — Волгоград*. 14 февраля 2020. <https://www.volgograd.kp.ru/daily/27091/4164441/>.

Суд согласовал зачистку Кировского рынка в Самаре // *63.ру*. 21 июля 2020. <https://63.ru/text/business/69377749/>.

ТК Садовод. <https://sadovodtk.ru/>.

Частный сектор в жилом фонде городов-миллионников // *SmartLoc Geomarketing Company*. 16 мая 2019. <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/>.

Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Издательство ИГУ, 2015.

Google Карты. <https://www.google.ru/maps/>.

Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Глава 5

Андреева А. С., Иванова Н. С., Варшавер Е. А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // *Городские исследования и практики*. 2020. <https://usp.hse.ru/forthcoming/download/11153/12307>.

Варшавер Е., Рочева А. (2014). Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. Т. 3. № 121. С. 104–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.06>.

Генеральный план городского округа Котельники Московской области. Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. 2017 https://kotelniki.ru/sites/default/files/tom_1_materialy_po_obosnovaniyu_go_kotelniki.pdf.

Город Котельники // *Gorodarus.ru*. <https://gorodarus.ru/kotelniki.html>.

Жители микрорайона Опытное поле Котельников обратились к главе города с просьбой переселения в новые дома // *Котельники Сегодня*. 27 марта 2018. <http://inkotelniki.ru/novosti/kotelniki/zhiteli-mikrorayona-opytnoe-pole-kotelnikov-obratilis-k-glave-goroda-s-prosboy-pereseleniya-v-novye-doma>.

Итоги работы администрации городского округа Котельники в 2006 году. Официальный сайт городского округа

Котельники Московской области. 2006. <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2006.doc>.

Итоги работы администрации городского округа Котельники в 2007 года. Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. 2007. <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2007.doc>.

Магазин Рынок «Садовод», МКАД, 14км.(внутренняя сторона), стр. 2. Rmnt.ru. https://www.rmnt.ru/shops/details/rynok_sadovod/.

На рынке «Садовод» расширят парковку // *Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы*. 30 ноября 2018. <https://stroim.mos.ru/news/na-rynkie-sadovod-rasshirit-parkovku>.

Народная энциклопедия «Мой город». Котельники // *Мой город*. http://www.mojgorod.ru/moskovsk_obl/kotelniki/index.html.

Отчет главы городского округа Котельники Московской области о работе органов местного самоуправления за 2014 год и задачах на 2015 год. Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. 2014. https://www.kotelniki.ru/sites/all/themes/kotelniki/documents/othet_2014.pdf.

Перепись населения 2010. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений. Федеральная служба государственной статистики. 2011. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.xlsx.

Полухина Ю. Черкизон и Путин // *Новая газета*. 2 сентября 2009. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/09/02/41500-cherkizon-i-putin>.

Рынок Садовод в Москве адрес, ближайшее метро, цены, фото, отзывы. Рынки Москвы. <https://rinokmoscow.ru/rynok-sadovod-v-moskve-adres-blizhayshee-metro-tsenyi-foto-otzyvyi/>.

Снимок Москвы со спутника (2003). Retromap.ru. 2003. http://www.retromap.ru/m/#052003_z16_55.654940,37.830111.

Туманов Г., Снежкина А. «Немного страшно, что поколотят» // *Газета.ru*. 13 июля 2009. <https://www.gazeta.ru/social/2009/07/13/3222074.shtml>.

ЦИАН. <https://www.cian.ru/map>.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. Федеральная служба государственной статистики. 2019. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar.

Яндекс.Карты. <http://yandex.ru/maps>

Google Карты. <https://www.google.ru/maps/>.

Глава 6

Абашин С. Н. Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов. // *Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография* / Ред. и сост. М. С. Розанова. Пер. с англ. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. С. 43–55.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. Т. 2. № 3. С. 72–95.

Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. *Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса*. Москва: РАНХиГС, 2020. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3672397>.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 315–330.

Гришанов В. И., Ноздрина Н. Н., Шнейдерман И. М. Роль жилья в миграционных процессах в России // *Народонаселение*. 2017. Т. 78. № 4. С. 91–104. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-7>.

Ермакова М. А., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 2. С. 363–381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.

Рочева А. Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21. № 2. С. 31–50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>.

Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 488–511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>.

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 1. С. 50–54.

Alba R. D., Logan J. R. (1992). Assimilation and Stratification in the Homeownership Patterns of Racial and Ethnic Groups. *International Migration Review*. Vol. 26. No. 4. P. 1314–1341. <https://doi.org/10.1177/019791839202600411>.

Amuedo-Dorantes C., Mundra, K. (2013). Immigrant Homeownership and Immigration Status: Evidence from Spain. *Review of International Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 204–218. <https://doi.org/10.1111/roie.12031>.

Chua J., Miller, P. W. (2009). The Impact of Immigrant Status on Home Ownership in Australia. *International Migration*. Vol. 47. No. 2. P. 155–192. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2008.00504.x>.

Constant A. F., Roberts R., Zimmermann K. F. (2009). Ethnic Identity and Immigrant Homeownership. *Urban Studies*. Vol. 46. No. 9. P. 1879–1898. <https://doi.org/10.1177/0042098009106022>.

Elder G. H. (1994). Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4–15. <https://doi.org/10.2307/2786971>.

Esser H. (2001). *Integration und Ethnische Schichtung*. Arbeitspapiere – Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung Nr. 40. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf>.

Heckmann F. (2005). *Integration and Integration Policies: IMIS-COE Network Feasibility Study*. Bamberg: European Forum for Migration Studies. <https://www.efms.uni-bamberg.de/pdf/INT-POL%20Final%20Paper.pdf>.

Kandel W., Massey D. S. (2002). The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981–1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.

Massey D. S. (1985). Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*. Vol. 69. No. 3. P. 315–350.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Edward Taylor J. (1993). Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

McConnell E.D., Marcelli E. A. (2007). Buying into the American Dream? Mexican Immigrants, Legal Status, and Homeownership in Los Angeles County. *Social Science Quarterly*. Vol. 88. No. 1. P. 199–221. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00454.x>.

Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds.). (2007). *Handbook of the Life Course*. New York: Springer Science+Business Media.

Owusu T. Y. (1998). To Buy or not to Buy: Determinants of Home Ownership among Ghanaian Immigrants in Toronto. *Canadian Geographer/Le Géographe Canadien*. Vol. 42. No. 1. P. 40–52. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1998.tb01551.x>.

Portes A., Rumbaut R. G. (2001). *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley, CA: University of California Press.

Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Rahmonova-Schwarz D. (2012). *Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia. Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia*. Baden-Baden: Nomos.

Reich M., Gordon D. M., Edwards R. C. (1973). A Theory of Labor Market Segmentation. *The American Economic Review*. Vol. 63. No. 2. P. 359–365.

Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992). Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 645. No. 1. P. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>.

Vertovec S. (2009). *Transnationalism*. London: Routledge.

Yu Z. (2006). A Different Path to Homeownership: The Case of Taiwanese Immigrants in Los Angeles. *Housing Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 555–579. <https://doi.org/10.1080/02673030600709082>.

Приложения

Приложение 1

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа характеристик расселения мигрантов в глобальных городах и их детерминант

	Париж	Сингапур	Сидней	Москва
Социально-экономические характеристики принимающего общества	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения 45 775\$ (25-е место), безработица 9%	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения 100 345\$ (4-е место), безработица 2%	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения 52 373\$ (17-е место), безработица 5%	Постиндустриальная экономика, альфа+, ВВП на душу населения 29 267\$ (49-е место), безработица 5%
Миграционная политика	Реактивная, потоки не дифференцируются, упор на воссоединение семей	Проактивная, дифференциация неквалифицированных временных мигрантов и квалифицированных постоянных	Проактивная, упор на квалифицированную миграцию, гуманитарная составляющая	Реактивная, нет дифференциации между потоками
Характеристики миграционных потоков	Неквалифицированная, постоянная миграция	Квалифицированная постоянная миграция, неквалифицированная временная миграция	Постоянная миграция — квалифицированная и неквалифицированная	Неквалифицированная не дифференцированная между временной и постоянной миграция
Социальная мобильность мигрантов, в т. ч., межпоколенческая	Низкая	Отсутствует для временных мигрантов, высокая для постоянных	Умеренная для первого поколения, высокая для второго	Умеренная для первого поколения, высокая для второго
Социальная структура пространства	Классовая	Эгалитарная	Классовая	Эгалитарная
Локальная конструкция этничности	Белая Франция vs. Неевропейские мигранты	Паритет между китайцами, малайцами и остальными	Мультикультурализм, рудименты политики Белой Австралии	Советское мультикультуралистское наследие совмещается с бытовым расизмом
Резидентная политика	Отсутствующая, затем — временное жилье для мигрантов и социальное жилье для немигрантов, затем — переселение мигрантов в социальное жилье, затем — относительно безуспешные политики социального смешения	Государственное жилье, расовые жилищные квоты для резидентов, а также по статусам пребывания для иностранцев, сегрегационная политика в отношении временных мигрантов	Аккомодация мигрантов в специальных общежитиях до 1990-х, адресная помощь и политика социального смешения в отношении беженцев и неимущих мигрантов и немигрантов в настоящее время	Отсутствует
Резидентный выбор мигрантов	Отсутствует	Лимитирован для постоянных мигрантов, отсутствует для временных	Присутствует в первую очередь для освоившихся мигрантов и второго поколения	Присутствует для всех категорий мигрантов
Резидентный выбор местных, в т. ч. резидентный расизм	Присутствует, есть резидентный расизм	Отсутствует	Присутствует, есть резидентный расизм	Ограничен, есть резидентный расизм
Расселение мигрантов	В социальном жилье преимущественно в северных, северо-восточных и юго-восточных пригородах	В HDB для постоянных мигрантов, преимущественно в общежитиях, но также в шоп-хаусах в старых районах для временных	Преимущественно во внешних пригородах, расположенных в 15–30 километрах на запад и юго-запад от сити	Равномерно по городу

Приложение 2

Таблица 4. Переменные

Название переменной	Тип (бинарная, номинальная, порядковая, количественная)	Значения переменной	Доля варианта «1» для бинарных	Среднее	Стандартное отклонение
Интеграция	Бинарная	0 – «Сегрегация», 1 – «Интеграция»	45%	–	–
Укорененность	Порядковая	0 – минимальное значение, 1, 2, 3 – максимальное значение	–	1,94	0,737
Владение жильем	Бинарная	0 – «Не владеет», 1 – «Владеет»	30%	–	–
Фаворитизм	Порядковая	0 – минимальное значение, 1, 2, 3 – максимальное значение	–	2,08	0,69
Свободное знание русского языка	Бинарная	0 – отсутствует, 1 – присутствует	64%	–	–
Доход	Количественная	тыс. руб.	–	31,29	31,48
Квалификация	Бинарная	0 – любая квалификация, 1 – отсутствие квалификации	16%	–	–
Транснационализм	Порядковая	0 – минимальное значение, 1, 2, 3 – максимальное значение	–	1,81	1,12
Российское гражданство	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Есть»	40%	–	–
Количество лет в России	Количественная	Годы	–	8,46	8,89
Регион (московский / все остальные)	Бинарная	0 – «Остальные регионы», 1 – «Москва и МО»	40%	–	–
Тип населенного пункта, в котором родился	Бинарная	0 – «Село», 1 – «Город»	52%	–	–
Возраст	Количественная	Годы	–	36,3	17,1
Пол	Бинарная	0 – «Женский», 1 – «Мужской»	66%	–	–
Образование	Бинарная	0 – нет профессионального образования, 1 – есть профессиональное образование	70%	–	–
Армения	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	13%	–	–
Азербайджан	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	14%	–	–
Кыргызстан	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	26%	–	–
Таджикистан	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	24%	–	–
Узбекистан	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	21%	–	–
Другая	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	2%	–	–
Живет с семьей	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	69%	–	–
Живет с супругом	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	34%	–	–
Живет с детьми	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	28%	–	–
Живет с братьями или сестрами	Бинарная	0 – «Нет», 1 – «Да»	13%	–	–
Планы на будущее	Порядковая	1 – «Только в России», 2 – «Преимущественно в России», 3 – «Преимущественно в другой стране», 4 – «Только в другой стране»	–	2,4	1,05

Приложение 3

Таблица 5. Корреляции

	Владение жильем	Возраст	Количество лет в России	Планы на будущее	Российское гражданство	Регион (московский / все остальные)	Интеграция	Укорененность	Ингрупповой фаворитизм
Владение жильем	1	0,466**	0,468**	-0,213**	0,567**	-0,270**	0,161**	0,196**	-0,066`
Возраст	0,466**	1	0,744**	-0,237**	0,482**	-0,206**	0,140**	0,211**	-0,111**
Количество лет в России	0,468**	0,744**	1	-0,225**	0,478**	-0,224**	0,154**	0,213**	-0,107**
Планы на будущее	-0,213**	-0,237**	-0,225**	1	-0,247**	0,202**	-0,238**	-0,311**	0,203**
Российское гражданство	0,567**	0,482**	0,478**	-0,247**	1	-0,271**	0,167**	0,204**	-0,072*
Регион (московский / все остальные)	-0,270**	-0,206**	-0,224**	0,202**	-0,271**	1	-0,150**	-0,184**	0,113**
Интеграция	0,161**	0,140**	0,154**	-0,238**	0,167**	-0,150**	1	0,238**	-0,695**
Укорененность	0,196**	0,211**	0,213**	-0,311**	0,204**	-0,184**	0,238**	1	-0,017
Ингрупповой фаворитизм	-0,066`	-0,111**	-0,107**	0,203**	-0,072*	0,113**	-0,695**	-0,017	1
Свободное знание русского языка	0,189**	0,260**	0,296**	-0,201**	0,163**	-0,106**	0,307**	0,210**	-0,275**
Пол	-0,204**	-0,211**	-0,156**	0,012	-0,230**	0,006	-0,110**	-0,064`	-0,046
Образование	0,075*	0,091**	0,052`	0,048	0,028	0,073*	0,124**	-0,093**	-0,142**
Транснационализм	-0,306**	-0,232**	-0,254**	0,216**	-0,322**	0,191**	-0,298**	0,032	0,285**
Азербайджан	0,245**	0,249**	0,334**	-0,088*	0,253**	-0,149**	-0,058`	0,065`	0,088*
Армения	0,281**	0,263**	0,182**	-0,107*	0,255**	-0,168**	0,113**	0,051`	0,007
Кыргызстан	-0,163**	-0,152**	-0,168**	0,184**	-0,173**	0,236**	0,013	-0,060`	-0,039
Таджикистан	-0,100**	-0,194**	-0,181**	-0,198**	-0,039	0,010	-0,056`	0,016	0,016
Узбекистан	-0,223**	-0,099**	-0,152**	0,209**	-0,255**	0,026	-0,023	-0,075*	-0,041
Другая страна	0,088**	0,108**	0,154**	-0,074`	0,074*	-0,010	0,070`	0,052`	-0,065`
Квалификация	-0,141**	-0,156**	-0,130**	0,007	-0,187**	0,111**	-0,096*	-0,057	0,080`
Доход	-0,054`	-0,027	-0,009	0,041	-0,049	0,152**	-0,011	0,010	-0,015
Живет с семьей	0,316**	0,244**	0,262**	-0,147**	0,306**	-0,088**	0,054`	0,166**	0,013
Живет с супругом	0,383**	0,410**	0,386**	-0,215**	0,391**	-0,144**	0,137**	0,149**	-0,034
Живет с детьми	0,454**	0,489**	0,393**	-0,185**	0,446**	-0,203**	0,101**	0,154**	-0,025
Живет с братьями или сестрами	-0,063*	-0,147**	-0,078**	0,009	-0,041	0,049`	0,009`	0,040	-0,024

Здесь применяется следующая классификация уровня значимости связи: ` – $0,1 > p \geq 0,05$, * – $0,05 > p \geq 0,01$; ** – $p < 0,01$.

Продолжение табл. 5

	Свободное знание русского языка	Пол	Образование	Транснационализм	Азербайджан	Армения	Кыргызстан	Таджикистан
Владение жильем	0,189**	-0,204**	0,075*	-0,306**	0,245**	0,281**	-0,163**	-0,100**
Возраст	0,260**	-0,211**	0,091**	-0,232**	0,249**	0,263**	-0,152**	-0,194**
Количество лет в России	0,296**	-0,156**	0,052`	-0,254**	0,334**	0,182**	-0,168**	-0,181**
Планы на будущее	-0,201**	0,012	0,048	0,216**	-0,088*	-0,107*	0,184**	-0,198**
Российское гражданство	0,163**	-0,230**	0,028	-0,322**	0,253**	0,255**	-0,173**	-0,039
Регион (московский / все остальные)	-0,106**	0,006	0,073*	0,191**	-0,149**	-0,168**	0,236**	0,010
Интеграция	0,307**	-0,110**	0,124**	-0,298**	-0,058`	0,113**	0,013	-0,056`
Укорененность	0,210**	-0,064`	-0,093**	0,032	0,065`	0,051`	-0,060`	0,016
Ин групповой фаворитизм	-0,275**	-0,046	-0,142**	0,285**	0,088*	0,007	-0,039	0,016
Свободное знание русского языка	1	0,013	0,153**	-0,151**	0,043	0,031	-0,101**	0,058`
Пол	0,013	1	0,005	0,208**	-0,138**	-0,230**	-0,181**	0,273**
Образование	0,153**	0,005	1	-0,037	-0,040	-0,014	-0,073*	-0,086*
Транснационализм	-0,151**	0,208**	-0,037	1	-0,221**	-0,120**	0,091**	0,054`
Азербайджан	0,043	-0,138**	-0,040	-0,221**	1	-0,155**	-0,239**	-0,224**
Армения	0,031	-0,230**	-0,014	-0,120**	-0,155**	1	-0,231**	-0,216**
Кыргызстан	-0,101**	-0,181**	-0,073*	0,091**	-0,239**	-0,231**	1	-0,332**
Таджикистан	0,058`	0,273**	-0,086*	0,054`	-0,224**	-0,216**	-0,332**	1
Узбекистан	-0,036	0,233**	0,200**	0,186**	-0,207**	-0,200**	-0,308**	-0,288**
Другая страна	0,046	-0,043*	0,022	-0,085*	-0,059**	-0,057**	-0,087**	-0,081**
Квалификация	-0,122**	0,058`	-0,090*	0,104**	-0,109**	-0,131**	0,009	0,113**
Доход	0,047	0,227**	0,008	0,115**	-0,095**	-0,040	0,058`	-0,005
Живет с семьей	0,086**	-0,276**	0,082*	-0,214**	0,151**	0,197**	0,013	-0,133**
Живет с супругом	0,151**	-0,317**	0,114**	-0,288**	0,258**	0,191**	-0,015	-0,198**
Живет с детьми	0,154**	-0,327**	0,110**	-0,308**	0,282**	0,218**	-0,095**	-0,162**
Живет с братьями или сестрами	-0,023	0,037	0,013	0,015	-0,117**	-0,013	0,098**	0,050`

Здесь применяется следующая классификация уровня значимости связи: ` – $0,1 > p \geq 0,05$, * – $0,05 > p \geq 0,01$; ** – $p < 0,01$.

	Узбекистан	Другая страна	Квалификация	Доход	Живет с семьей	Живет с супругом	Живет с детьми	Живет с братьями или сестрами
Владение жильем	-0,223**	0,088**	-0,141**	-0,054`	0,316**	0,383**	0,454**	-0,063*
Возраст	-0,099**	0,108**	-0,156**	-0,027	0,244**	0,410**	0,489**	-0,147**
Количество лет в России	-0,152**	0,154**	-0,130**	-0,009	0,262**	0,386**	0,393**	-0,078**
Планы на будущее	0,209**	-0,074`	0,007	0,041	-0,147**	-0,215**	-0,185**	0,009
Российское гражданство	-0,255**	0,074*	-0,187**	-0,049	0,306**	0,391**	0,446**	-0,041
Регион (московский / все остальные)	0,026	-0,010	0,111**	0,152**	-0,088**	-0,144**	-0,203**	0,049`
Интеграция	-0,023	0,070`	-0,096*	-0,011	0,054`	0,137**	0,101**	0,009
Укорененность	-0,075*	0,052`	-0,057	0,010	0,166**	0,149**	0,154**	0,040
Индивидуальной фаворитизм	-0,041	-0,065`	0,080`	-0,015	0,013	-0,034	-0,025	-0,024
Свободное знание русского языка	-0,036	0,046	-0,122**	0,047	0,086**	0,151**	0,154**	-0,023
Пол	0,233**	-0,043*	0,058	0,227**	-0,276**	-0,317**	-0,327**	0,037
Образование	0,200**	0,022	-0,090*	0,008	0,082*	0,114**	0,110**	0,013
Транснационализм	0,186**	-0,085*	0,104**	0,115**	-0,214**	-0,288**	-0,308**	0,015
Азербайджан	-0,207**	-0,059**	-0,109**	-0,095**	0,151**	0,258**	0,282**	-0,117**
Армения	-0,200**	-0,057**	-0,131**	-0,040	0,197**	0,191**	0,218**	-0,013
Кыргызстан	-0,308**	-0,087**	0,009	0,058`	0,013	-0,015	-0,095**	0,098**
Таджикистан	-0,288**	-0,081**	0,113**	-0,005	-0,133**	-0,198**	-0,162**	0,050`
Узбекистан	1	-0,075**	0,073`	0,081*	-0,199**	-0,200**	-0,189**	-0,044`
Другая страна	-0,075**	1	-0,019	-0,045	0,068*	0,071*	0,045`	0,031
Квалификация	0,073	-0,019	1	-0,072`	-0,158**	-0,202**	-0,148**	-0,046
Доход	0,081*	-0,045	-0,072`	1	-0,016	-0,001	-0,083*	-0,023
Живет с семьей	-0,199**	0,068*	-0,158**	-0,016	1	0,481**	0,410**	0,260**
Живет с супругом	-0,200**	0,071*	-0,202**	-0,001	0,481**	1	0,586**	-0,156**
Живет с детьми	-0,189**	0,045`	-0,148**	-0,083*	0,410**	0,586**	1	-0,117**
Живет с братьями или сестрами	-0,044`	0,031	-0,046	-0,023	0,260**	-0,156**	-0,117**	1

Здесь применяется следующая классификация уровня значимости связи: ` – $0,1 > p \geq 0,05$, * – $0,05 > p \geq 0,01$; ** – $p < 0,01$.

Приложение 4

Таблица 6. Регрессии

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11	Модель 12	Модель 13
Владение жильем	DEP	0,433**	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP		DEP
Интеграция													
Укорененность													
Фаворитизм													
Свободное знание русского языка													
Доход													-0,018
Квалификация													
Транснационализм			-0,196**	-0,172**	-0,163**	-0,142**	-0,196**		-0,176**	-0,139**	-0,096**	-0,134**	-0,196**
Российское гражданство	0,422**	DEP										DEP	
Количество лет в России	0,301**	0,267**	0,446**	0,404**	0,380**	0,336**	0,444**	0,428**	0,419**	0,343**	0,266**	0,295**	0,451**
Регион								-0,184**	-0,156**		-0,112**	-0,098	
Тип населенного пункта, в котором родился													
Возраст													
Пол													
Образование													
Страна происхождения													
Армения										0,212**	0,164**	-0,072*	
Азербайджан										0,147**	0,105**	-0,008	
Кыргызстан										-0,051	-0,037	-0,098**	
Таджикистан										r.c.	r.c.	r.c.	
Узбекистан										-0,097**	-0,086*	-0,172**	
Другая										0,046	0,043	-0,005	
Живет с семьей				0,167**									
Живет с супругом					0,179**								
Живет с детьми						0,278**					0,207**	0,203**	
Живет с братьями или сестрами							-0,016						
Планы на будущее													
R2	0,39	0,38	0,28	0,31	0,31	0,34	0,28	0,25	0,31	0,35	0,40	0,38	0,29

Окончание табл. 6

	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21	Модель 22	Модель 23	Модель 24	Модель 25	Модель 26	Модель 27
Владение жильем	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP	DEP
Интеграция				0,038	0,040									
Укорененность						0,118**	0,077**							0,045
Фаворитизм								0,039	-0,010					
Свободное знание русского языка										0,032	0,045			
Доход		0,026												
Квалификация	-0,083*		-0,035											
Транснационализм	-0,213**	-0,104**	-0,124**	-0,187**	-0,094**	-0,207**	-0,043**	-0,209**	-0,094**	-0,193**	-0,091**	-0,148**	-0,068	-0,067*
Российское гражданство														0,271**
Количество лет в России	0,370**	0,282**	0,202**	0,452**	0,283**	0,418**	0,251**	0,444**	0,264**	0,437**	0,252**	0,453**	0,311**	0,152**
Регион		-0,104**	-0,113**		-0,101**		-0,101**		-0,110**		-0,112**		-0,071`	-0,075*
Тип населенного пункта, в котором родился														0,006
Возраст														0,084`
Пол														0,026
Образование														0,053`
Страна происхождения														
Армения		0,170**	0,143**		0,178**		0,167**		0,164**		0,169**		0,187**	0,134**
Азербайджан		0,111**	0,083`		0,103*		0,110**		0,093*		0,114**		0,047	0,101**
Кыргызстан		-0,034	-0,045		-0,034		-0,034		-0,044		-0,031		-0,056	-0,011
Таджикистан		г.с.	г.с.		г.с.		г.с.		г.с.		г.с.		г.с.	г.с.
Узбекистан		-0,087*	-0,091*		-0,090*		-0,079*		-0,093**		-0,083*		-0,105*	-0,057
Другая		0,038	-0,043		0,050		0,042		0,047		0,046		0,050	0,038
Живет с семьей														
Живет с супругом														
Живет с детьми		0,189**	0,225**		0,177**		0,200**		0,204**		0,205**		0,219**	0,090*
Живет с братьями или сестрами														
Планы на будущее													-0,075`	-0,004
R2	0,23	0,37	0,40	0,29	0,40	0,29	0,41	0,28	0,40	0,28	0,40	0,29	0,41	0,46

Здесь применяется следующая классификация уровня значимости связи: ` – $0,1 > p \geq 0,05$, * – $0,05 > p \geq 0,01$; ** – $p < 0,01$.

Научная литература

Заказное издание

Варшавер Евгений Александрович
Рочева Анна Леонидовна
Иванова Наталия Сергеевна
Андреева Альбина Сергеевна

**Мигранты в российских городах:
расселение, концентрация, интеграция**

Публикуется в авторской редакции
Верстка *Т.А. Файзуллиной*
Корректор *Н.П. Власенко*

Формат 60×90/16.

Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. п. л. 14,5.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр — тел. (495) 433–25–10, (495) 433–25–02

delo@ranepa.ru

www.ranepa.ru

Интернет-магазин

www.delo.ranepa.ru